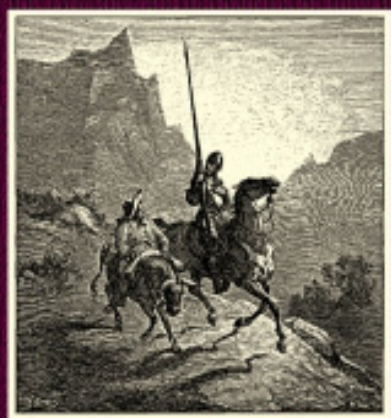

МУЗЕУ
ДЕ АРХЕОЛОГИИ
И
ДОН-КИХОТ

Мигель де Сервантес Сааведра
Дон Кихот

«ЭКСМО»

1615

Сервантес Сааведра М.

Дон Кихот / М. Сервантес Сааведра — «Эксмо», 1615

Классический роман М. Сервантеса о рыцаре печального образа и его подвигах и похождениях. Адаптированный перевод Энгельганда.

© Сервантес Сааведра М., 1615

© Эксмо, 1615

Содержание

Глава 1, в которой рассказывается, кто такой был Дон Кихот Ламанчский	6
Глава 2, в которой рассказывается о первом выезде Дон Кихота из своих владений	16
Глава 3, в которой рассказывается о том, как Дон Кихот был посвящен в рыцари	24
Глава 4, о том, что случилось с нашим рыцарем после отъезда из гостиницы	32
Глава 5 о возвращении нашего рыцаря домой	41
Глава 6 о втором выезде нашего доброго рыцаря Дон Кихота Ламанчского	53
Глава 7 о победе, одержанной доблестным Дон Кихотом в ужасном, доселе неслыханном приключении с ветряными мельницами	58
Глава 8 о славном бое между храбрым бискайцем и доблестным ламанчцем	64
Глава 9 об интересной беседе, которую вели между собой Дон Кихот и Санчо Панса	70
Глава 10, в которой рассказывается о злосчастной встрече Дон Кихота с янгуэскими погонщиками	74
Глава 11 о том, что случилось с Дон Кихотом и верным его оруженосцем на постоялом дворе, который рыцарь принял за замок	83
Глава 12, в которой описываются дальнейшие бесчисленные невзгоды, испытанные храбрым Дон Кихотом и его верным оруженосцем на постоялом дворе, который рыцарь, на свою беду, принял за замок	91
Глава 13 о том, как Дон Кихот сражался со стадом баранов	104
Глава 14 о разумной беседе между Санчо Пансой и его господином и о последовавшем затем приключении с мертвым телом	115
Глава 15 о невиданном и неслыханном подвиге, совершенном рыцарем Дон Кихотом Ламанчским	123
Глава 16, в которой рассказывается о великом приключении и завоевании драгоценного шлема Мамбрина[38] и о беседе между рыцарем и его оруженосцем	137
Глава 17 о том, как Дон Кихот даровал свободу множеству несчастных, которых насильно вели туда, куда им вовсе не хотелось	148
Глава 18, в которой рассказывается о том, как Хинес де Пасамонте украл у Санчо Пансы его серого	158
Глава 19, где рассказывается о покаянии, которое наложил на себя Дон Кихот в подражание Мрачному Красавцу, и о посольстве к Дульсинее Тобосской	165
Глава 20, повествующая о дальнейших подвигах Дон Кихота в Сиерра-Морене и о том, что случилось с Санчо Пансой	178
Глава 21, в которой рассказывается о том, каким способом Дон Кихот был избавлен от наложенного им на себя сурового покаяния	185
Конец ознакомительного фрагмента.	187

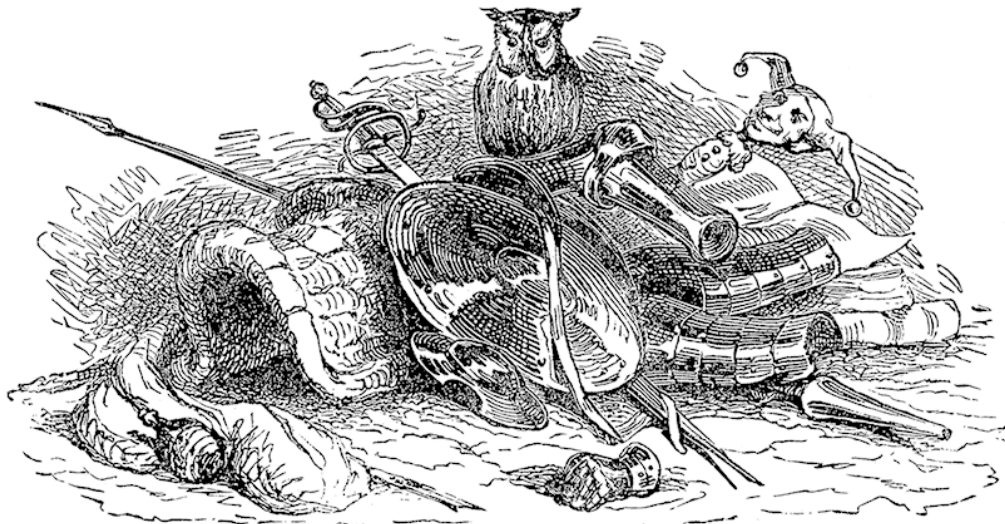
Мигель де Сервантес Сааведра

Дон Кихот

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

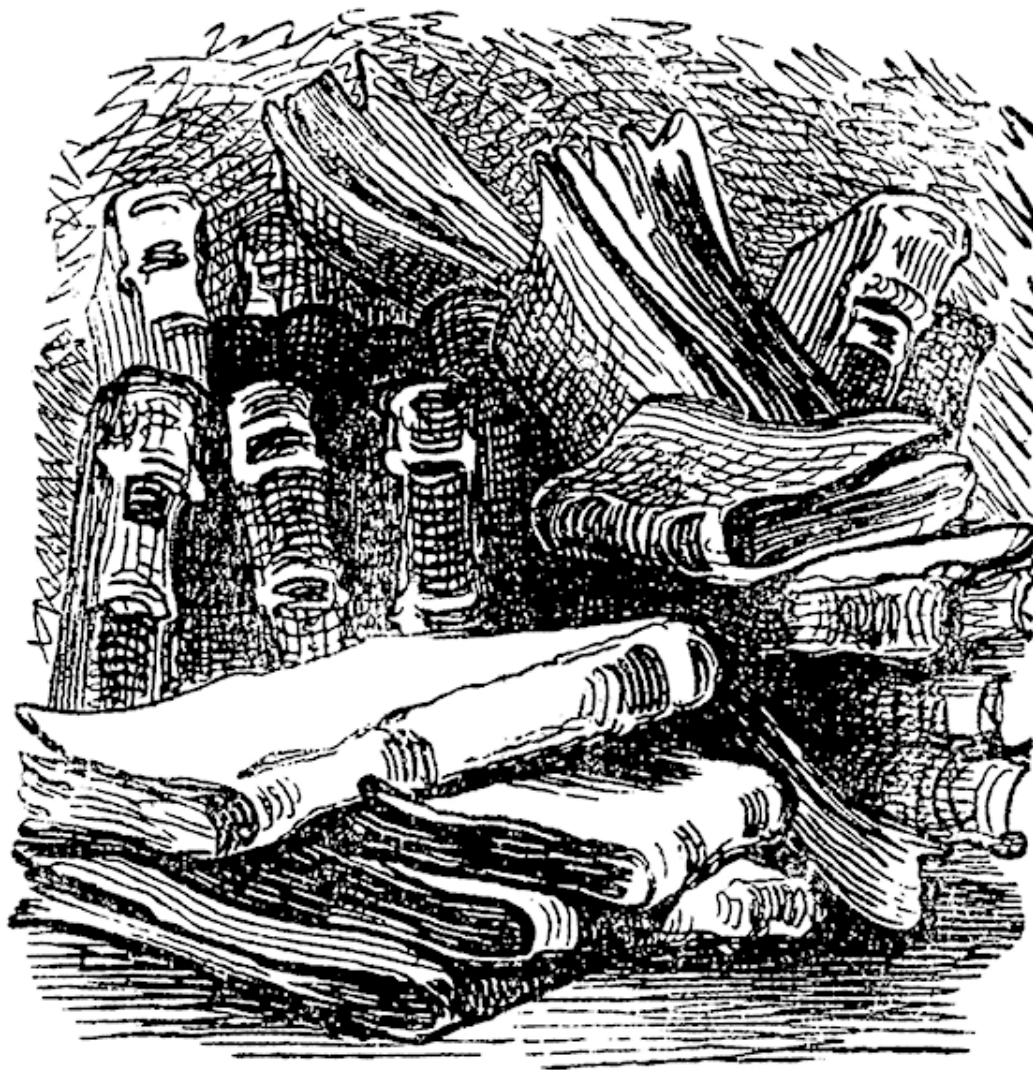
Глава 1, в которой рассказывается, кто такой был Дон Кихот Ламанчский

В скромной деревушке провинции Ламанчи¹ жил идалъго², по имени Дон Кехана. Как и всякий дворянин, он гордился своим благородным происхождением, свято хранил древний щит и родовое копье и держал у себя на дворе тощую клячу и борзую собаку. Три четверти его доходов уходили на похлебку из овощей с говядиной да винегрет, который ему подавали на ужин; по пятницам он постился, довольствуясь тарелкой варенной на воде чечевицы, зат о по воскресеньям лакомился жареным голубем. В праздничные дни Дон Кехана надевал кафтан из тонкого сукна, бархатные штаны и сафьяновые туфли, а в будни носил костюм из грубого сукна домашней работы. В доме у него жила экономка, которой перевалило за сорок лет, племянница, которой не было еще двадцати, и старый, дряхлый слуга. Самому идалъго было лет под пятьдесят; он был тощ, как скелет, — кожа да кости, но, несмотря на ужасную худобу, отличался большой выносливостью.

¹ Ламанча — округ Новой Кастилии — название *La Mancha* происходит от арабского слова *Mancha*, означающего «сухая земля».

² Идалъго — мелкопоместный дворянин. Мелкое дворянство, игравшее важную роль в жизни Испании в эпоху борьбы с маврами (XI–XIV века), к концу XV века утратило большую долю своего значения. Во времена Сервантеса лишившийся последнего клочка земли, обнищавший идалъго представлял характерную фигуру испанской жизни.

Все свое свободное время, а свободен Дон Кехана был круглые сутки, он посвящал чтению рыцарских романов. Он предавался этому занятию с восторгом и страстью; ради него он забросил охоту и хозяйство. Увлечение его дошло до того, что он, не задумываясь, продал порядочный кусок пахотной земли, чтобы закупить себе рыцарских книг.

В романах нашему идальго особенно нравились высокопарные любовные письма и торжественные вызовы на поединки, где нередко попадались такие фразы: «Правота, с которой вы так неправы к моим правам, делают мою правоту столь бесправной, что я не без права жалуюсь на вашу правоту...» или: «...высокие небеса, которые своими звездами божественно укрепляют нашу божественность и удостоивают все достоинства, достойные вашего величия...». Случалось, что бедный кабальеро проводил целые ночи, силясь разгадать смысл этих фраз, от которых у него мутилось в голове и заходил ум за разум. Смущали его и другие несообразности, то и дело попадавшиеся в его любимых романах. Так, например, ему трудно было поверить, чтобы знаменитый рыцарь Бельянис мог нанести и получить так много ужасных ран; ему казалось, что несмотря на все искусство врачей, лечивших этого рыцаря, лицо и тело его должны быть покрыты уродливыми шрамами. А между тем в романе Бельянис выступал всегда молодым красавцем без всяких рубцов и изъянов.

Впрочем, все это не мешало Дон Кехане до самозабвения увлекаться описаниями бесчисленных приключений и подвигов доблестных героев романов. Ему всегда очень хотелось узнать их дальнейшую судьбу, и он бывал в восторге, если автор на последней странице книги обещал продолжить свою нескончаемую историю в следующем томе. Нередко наш кабальеро вел долгие споры со своим другом, священником, о том, чья доблесть выше: Пальмерина Английского или же Амадиса Галльского³. Дон Кехана стоял за Амадиса, священник за Пальмерина⁴, а местный цирюльник, мастер Николас, утверждал, что ни одному из них не сравниться с рыцарем Феба, который, по его мнению, превосходил жеманного Амадиса выносливостью и мужеством, а Пальмерина – отвагой и ловкостью.

³ Амадис Галльский – герой рыцарского романа, чрезвычайно популярного в Испании в XVI веке. Содержание этого романа совершенно фантастическое. У английской принцессы Элизены родился сын. Стыдясь своего внебрачного ребенка, мать бросила его в море. Неизвестный рыцарь спас дитя и увез его в Шотландию. Когда Амадис вырос, он влюбился в несравненную красавицу Ориану, дочь короля Лизурта. Чтобы завоевать ее любовь, Амадис странствует по всей Европе, попадает в таинственные волшебные страны, сражается с великанами, чародеями и магами и совершает тысячи других занимательных подвигов. Роман заканчивается торжеством Амадиса, который женится наконец на даме своего сердца, красавице Ориане.

⁴ Роман «Пальмерин Английский» – едва ли не самое блестящее из всех подражаний «Амадису Галльскому». Пальмерин – сын дон-дэ Дуэрте (Эдуарда), короля английского. Вместе со своим братом Флорианом, идеалом галантного кавалера, он совершает бесчисленные подвиги во славу дамы своего сердца, побеждает могучего чародея Делианта, попадает на волшебный остров и пр. и пр.

Постепенно добрый идадьго до того пристрастился к чтению, что читал от рассвета до сумерек и от сумерек до утренней зари. Он забросил все свои дела, почти лишился сна и нередко забывал об обеде. Голова его была полна всяких нелепых историй, вычитанных в рыцарских книгах, и он наяву бредил кровавыми битвами, рыцарскими поединками, любовными свиданиями, похищениями, злыми магами и добрыми волшебниками. Мало-помалу он совсем перестал отличать правду от выдумки, и ему казалось, что на всем свете нет ничего достовернее этих историй. Он с таким пылом толковал о героях различных романов, словно это были лучшие его друзья и знакомые.

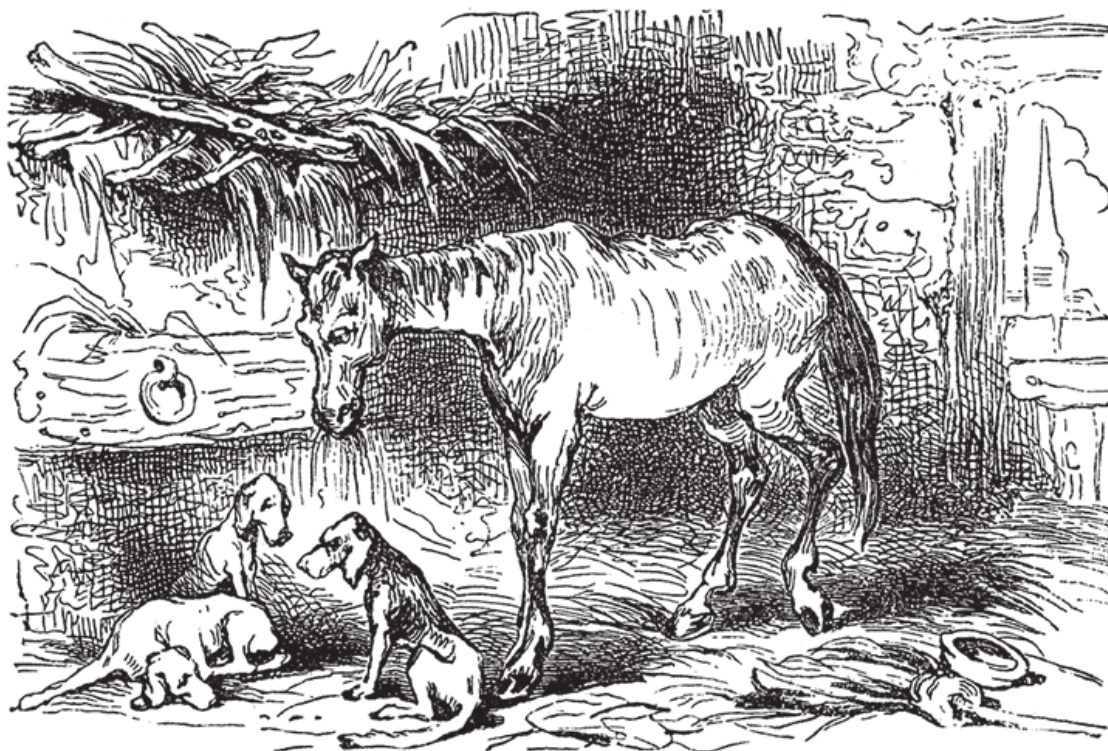
Он соглашался, что Сид Руй Диас⁵ был доблестным рыцарем, но прибавлял, что ему далеко до рыцаря Пламенного Меча, который одним ударом рассек пополам двух могучих великанов. Несколько выше он ставил Бернарда де Карпио, одолевшего в Ронсевальском ущелье непобедимого Роланда⁶. Очень лестно отзывался о великане Морганте, который – не в пример прочим гигантам – отличался любезностью и вежливостью. Но всего более восхвалял он Рейнальдо Монтальбанского, славного похитителя золотого идола Магомета и героя бесчисленных дорожных приключений.

В конце концов от вечного сидения в четырех стенах, бессонных ночей и непрерывного чтения бедный идалго совсем рехнулся. И тут ему в голову пришла такая странная мысль, какая никогда еще не возникала ни у одного безумца в мире. Наш кабальеро решил, что он сам обязан вступить в ряды странствующих рыцарей. Ради своей собственной славы, ради пользы родной страны он, Дон Кехана, должен вооружиться, сесть на коня и отправиться по свету искать приключений, защищать обиженных, наказывать злых, восстанавливать попорченную справедливость. Воспламенившись мечтами о великих подвигах, которые ему предстояло совершить, идалго поспешил привести в исполнение свое решение. Первым делом он вычистил доспехи, которые принадлежали его прадедам и валялись где-то на чердаке, покрытые вековой ржавчиной и пылью; перебирая их, он, к своему глубокому огорчению, увидел, что от шлема сохранился только один шишак. Чтобы поправить дело, идалго пришлось призвать на помощь всю свою изобретательность. Он вырезал из картона забрало и наушники и прикрепил их к шишаку. В конце концов ему удалось смастерить нечто вроде настоящего шлема. Тут ему захотелось испытать, сможет ли этот шлем устоять в битве. Он выхватил шпагу, размахнулся и нанес ею два удара по шлему. От первого же удара забрало разлетелось на куски, и весь его кропотливый труд пропал даром. Идалго был очень огорчен таким исходом дела. Он

⁵ Сид Руй Диас («сид» – от арабского «господин», «владыка») – полулегендарный герой Испании, живший во второй половине XI века. Особенно прославился Сид в войне с маврами, вокруг его имени возникло множество легенд, которые дошли до нас в виде бесчисленных романсов и поэм.

⁶ Битва в Ронсевальском ущелье. Когда Карл Великий возвращался из испанского похода (778 год), арьергард его армии был застигнут неприятелем в Ронсевальском ущелье и почти целиком истреблен. В этом бою погиб один из сподвижников Карла – Хруадланд (Роланд). Событие это воспето в знаменитом произведении французского эпоса – «Песнь о Роланде».

снова принялся за работу, но теперь для прочности подложил под картон железные пластинки. Эта предосторожность показалась ему вполне достаточной, и он счел излишним подвергать свой шлем вторичному испытанию. Без труда он убедил себя в том, что у него настоящий шлем с забралом тончайшей работы.

Затем Дон Кехана отправился в конюшню и внимательно осмотрел свою лошадь. Это была старая, больная кляча; по правде говоря, она только и годилась на то, чтобы возить воду. Однако наш кабальеро остался вполне доволен ее видом и решил, что с ней не могут сравниться ни могучий Буцефал Александра Великого⁷, ни быстроногая Бабьека Сиды⁸. Целых четыре дня ушло у него на то, чтобы приискать своему боевому коню звучное и красивое имя, ибо он полагал, что раз хозяин меняет свою скромную жизнь в деревенской глуши на бурное поприще странствующего рыцаря, то его лошадь должна переменить свою деревенскую кличку на новое, славное и громкое имя. Долго он мучился, изобретая различные прозвища, сравнивая их, обсуждая и взвешивая. Наконец он остановился на имени Росинант. Это имя казалось ему звучным и возвышенным. Сверх того, оно заключало в себе указание на то, чем была лошадь раньше, ибо Дон Кехана составил его из двух слов: *goscín* (кляча) и *antes* (раньше), так что оно означало: «бывшая кляча».

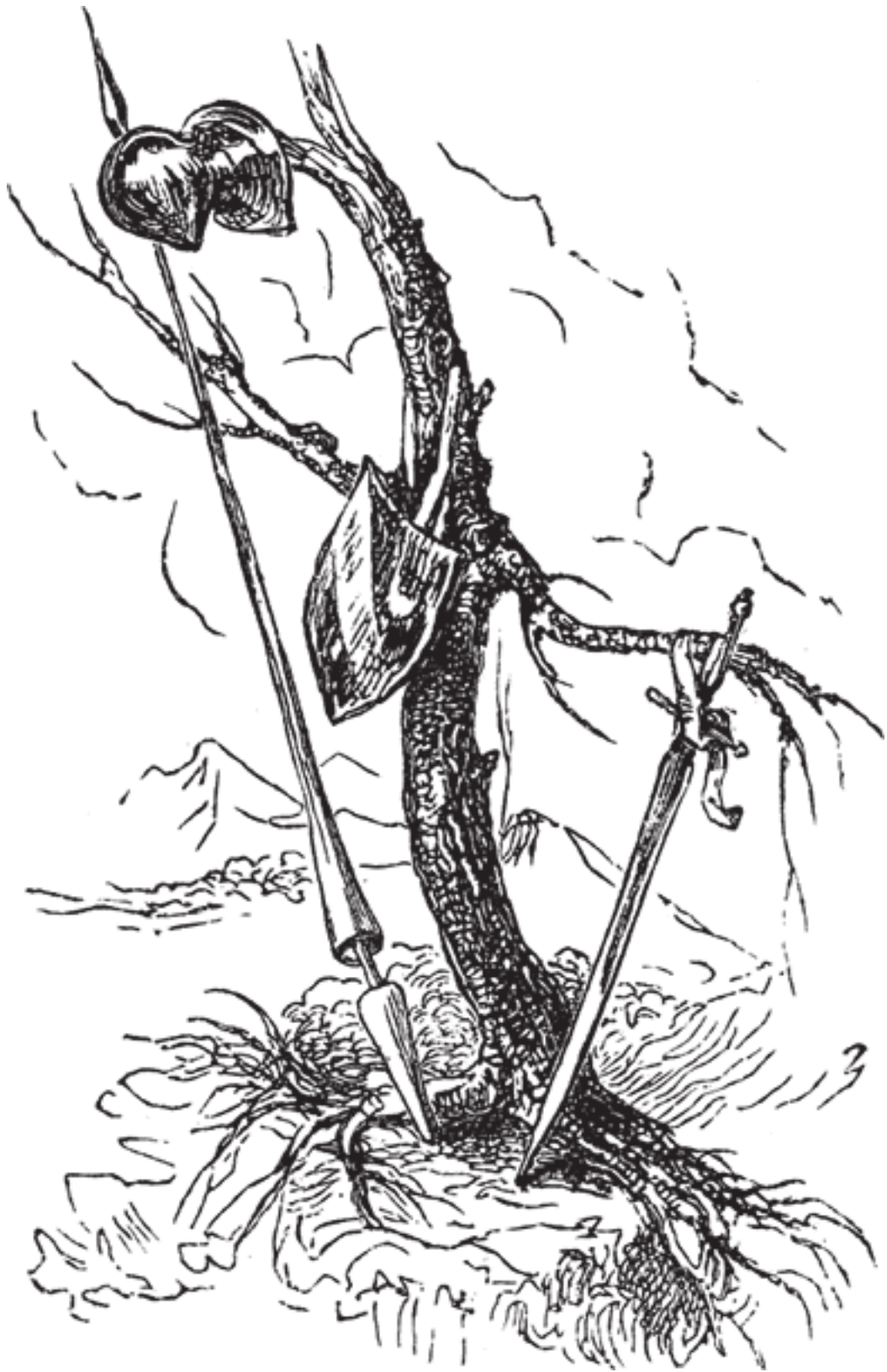
⁷ Буцефал – конь Александра Македонского, отличался свирепостью, страшной силой и выносливостью; он долго и верно служил своему хозяину, пока не был убит в одном из кровавых сражений. Александр устроил своему коню пышные похороны и на месте его могилы основал целый город, названный в его честь Буцефалией.

⁸ Бабьека Сиды – конь Сиды, подобно Буцефалу, отличался необычайной быстротой, силой и выносливостью и не раз спасал хозяина в схватках и битвах с маврами.

Дав столь удачное прозвище своей лошади, он решил, что теперь ему нужно придумать подходящее имя и для самого себя. В этих раздумьях прошла неделя, но наконец у него возникла блестящая мысль: он просто переделал свое скромное имя Кехана в более звучное – Дон Кихот⁹.

⁹ Кихот (quijote) – слово, означающее по-испански «набедренник».

Но тут наш кабальеро вспомнил, что отважный Амадис, желая, чтобы имя его родины было прославлено вместе с его собственным именем, всегда называл себя не просто Амадисом, но Амадисом Галльским. Дон Кихот решил последовать примеру этого доблестного рыцаря и впредь именовать себя Дон Кихотом Ламанчским. Теперь все было хорошо: сразу было видно, кто он и откуда, так что его родная страна могла разделить с ним славу его подвигов.

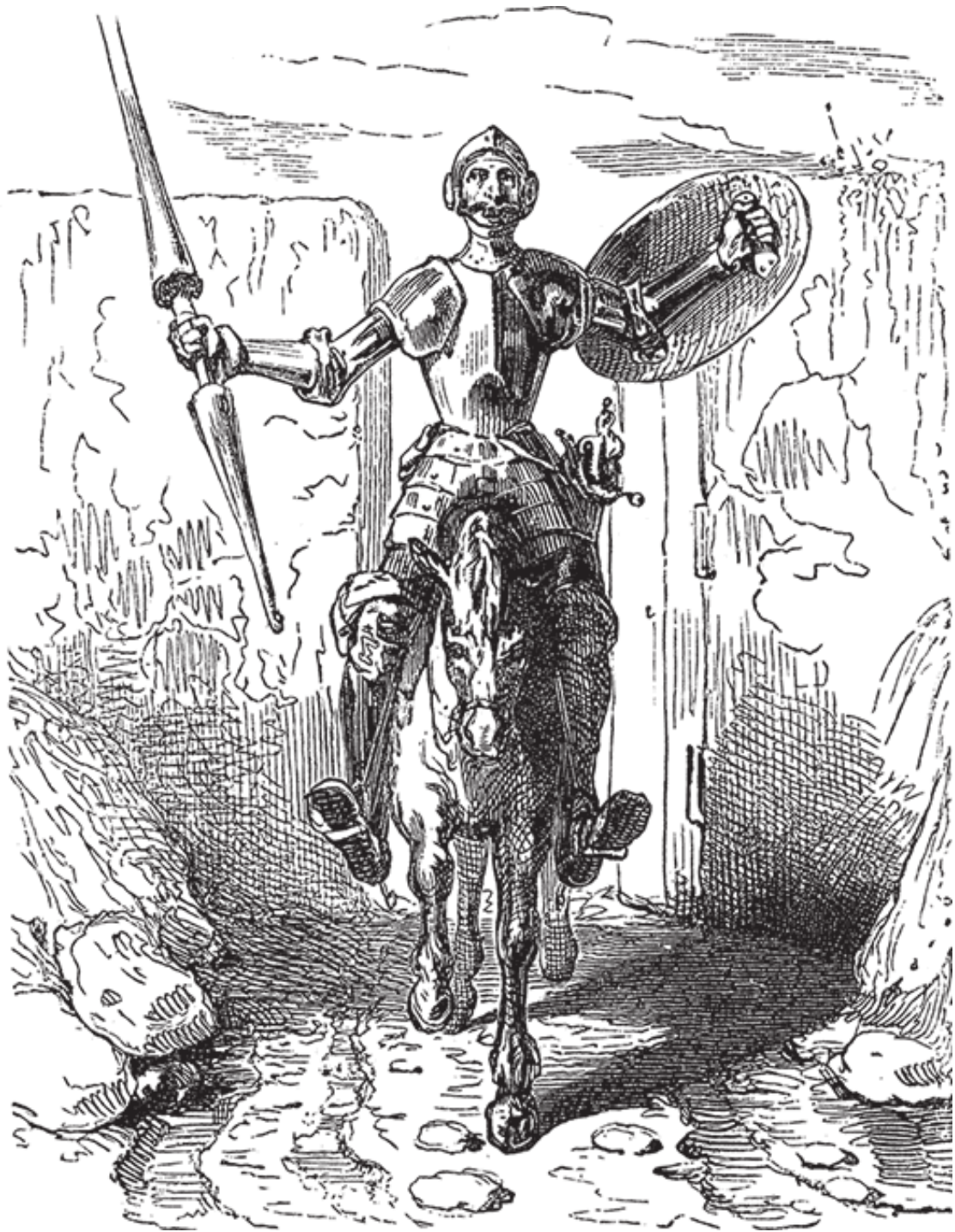

И вот, когда оружие было вычищено, шлем с забралом починен, кляча получила новую кличку и он сам переименовал себя, ему осталось только подыскать себе даму сердца, ибо известно, что странствующий рыцарь без дамы сердца подобен дереву без листьев и плодов. Дон Кихот говорил о себе: «Если по воле судьбы я повстречаюсь с великаном (а это нередко случается со странствующими рыцарями) и в первой же схватке повергну его на землю и заставлю просить пощады, то по законам рыцарства я должен буду отослать его к моей даме. Он войдет к моей нежной повелительнице, упадет на колени и покорно и смиренно скажет: «Я великан Каракульямбро, царь острова Малиндрании. Меня победил на поединке достойный рыцарь Дон Кихот Ламанчский. Он велел мне предстать перед вашей милостью, дабы ваше высочество распорядилось мной по своему усмотрению...» О! – воскликнул идадьго, – я непременно должен иметь даму сердца: только она одна может достойно наградить доблесть рыцаря. Но где же ее найти?» И Дон Кихот погрузился в мрачное раздумье. Но вдруг счастливая мысль озарила его ум. Он вспомнил об одной хорошенькой крестьянке из соседнего села, звали ее Альдонса Лоренсо; ее-то и решил наш рыцарь наградить титулом дамы своего сердца. Подыскивая для нее имя, которое бы не слишком отличалось от ее собственного, но вместе с тем напоминало бы

имя какой-нибудь принцессы или знатной сеньоры, он решил окрестить ее Дульсинеей Тобоской, так как она была родом из Тобосо. Это имя казалось ему выразительным и мелодичным и вполне достойным той особы, во славу которой он должен был совершить свои подвиги.

Глава 2, в которой рассказывается о первом выезде Дон Кихота из своих владений

Когда все эти приготовления были закончены, Дон Кихот решил, не мешкая, покинуть свой дом и пуститься на поиски рыцарских приключений. Ему казалось, что в таком деле всякое промедление – великий грех перед человечеством: сколько оскорбленных ждут отмщения, сколько обездоленных ждут защиты, сколько угнетенных ждут освобождения! И вот в один прекрасный летний день он поднялся до рассвета, облекся в свои доспехи, надел на голову убогий шлем, стянул покрепче его зеленые завязки, вскочил на Росинанта, схватил щит, взял в руки копье и тайно от всех через задние ворота скотного двора выехал в поле, радуясь, что ему удалось, наконец, приступить к столь славному делу. Но не успел он выбраться на дорогу, как ему пришла мысль, такая ужасная, что он едва не вернулся домой. Дон Кихот внезапно вспомнил, что он еще не посвящен в рыцари и что по рыцарским законам он не мог и не смел вступить в бой ни с одним рыцарем. А если бы даже он и был посвящен, то ему полагалось первое время носить белые доспехи и не ставить на своем щите никакого девиза, чтобы всем было сразу видно, что он еще новичок в рыцарском деле. Долго стоял Дон Кихот, не зная, на что решиться, однако страстное желание немедленно пуститься в путь одержало верх над всеми его сомнениями. Он решил, что посвятить его в рыцарский сан он попросит первого же рыцаря, который ему встретится на пути. Так по крайней мере поступали многие герои тех романов, чтение которых довело нашего идальго до такого плачевного состояния. А что касается белых доспехов, то он дал себе слово так начистить свои латы, чтобы они стали белее горностая. Приняв это решение, он успокоился и продолжал свой путь, вполне предавшись на волю лошади: так, по его мнению, и должен был путешествовать странствующий рыцарь.

Росинант плелся шажком, и наш кабальеро мог спокойно отдаться своим размышлениям.

– Когда будущий историк моих подвигов, – говорил себе Дон Кихот, – станет описывать мой первый выезд, он, наверное, так начнет свое повествование: едва светлокудрый Феб¹⁰ распустил по лицу земли золотые нити своих прекрасных волос, едва пестрые птички нежной гармонией своих мелодичных голосов приветствовали появление Авроры, как знаменитый рыцарь Дон Кихот Ламанчский вскочил на своего славного коня Росинанта и пустился в путь по древней Монтельской равнине.

Затем он прибавил:

¹⁰ Феб – бог солнца и света у древних греков.

– Счастлив будет тот век, когда, наконец, мои славные деяния будут занесены на бумагу, изображены на полотне, запечатлены на мраморе. Но кто бы ты ни был, мудрый волшебник, мой летописец, прошу тебя, не забудь о моем добром Росинанте.

Потом он вспомнил и о своей даме сердца:

– О принцесса Дульсинея, владычица моего плененного сердца! Горькую обиду вы мне причинили, изгнав меня и с суровой непреклонностью повелев мне не показываться на глаза вашей несравненной красоте. Да будет вам угодно, сеньора, вспомнить о покорном вам рыцаре, который из любви к вам готов переносить величайшие мучения.

В этих излияниях и мечтах прошло довольно много времени. Дон Кихот медленно ехал по пыльной дороге. Солнце уже успело подняться высоко и парило с такой силой, что могло расплавить и те жалкие остатки мозга, какие еще оставались в голове у бедняги. Так проезжал он целый день, не повстречав ничего замечательного. Это привело его в полное отчаяние, потому что ему хотелось как можно скорее встретить какое-нибудь приключение и испытать силу своей могучей руки. К вечеру и он сам, и его кляча выбились из сил и умирали с голоду. Дон Кихот начал поглядывать во все стороны в надежде увидеть какой-нибудь замок или пастушью хижину, где бы можно было отдохнуть и подкрепиться. Надежда его не обманула: неподалеку от дороги он заметил постоялый двор; наш рыцарь прищпорил Росинанта и подъехал к постоялому двору как раз в ту минуту, когда начало смеркаться. Не будем забывать, что воображению нашего искателя приключений все окружающее представлялось не таким, каким оно было в действительности, но каким его рисовали любимые рыцарские романы. Поэтому, увидев постоялый двор, он тотчас же решил, что это замок с четырьмя башнями и крышами из блестящего серебра, с подъемным мостом и глубоким рвом. Он приблизился к этому воображаемому замку и в нескольких шагах от ворот остановил Росинанта, ожидая, что между зубцами башни появится какой-нибудь карлик и затрубит в трубу, извещая о прибытии рыцаря. Как раз в эту минуту какой-то свинопас, собирая свое стадо, затрубил в рог, и Дон Кихот решил, что это карлик оповещает о его прибытии.

Дон Кихот постучал копьём в ворота гостиницы, и на стук вышел хозяин, человек весьма тучный, а посему очень миролюбивый. Взглянув на странного всадника в диковинном вооружении, хозяин едва не расхохотался. Однако грозный вид воинских доспехов Дон Кихота внушал ему почтение, и он чрезвычайно вежливо произнес:

– Если вашей милости, сеньор рыцарь, угодно здесь остановиться, вы найдете у нас все, что пожелаете, кроме удобной постели: ни одной свободной кровати нет в нашей гостинице.

Услышав, как почтительно говорил с ним комендант замка, Дон Кихот ответил:

– Что бы вы мне ни предложили, сеньор кастелян, я всем останусь доволен, ибо, как говорится:

Мой наряд – мои доспехи,
А мой отдых – жаркий бой¹¹.

– Значит, для вашей милости ложем служит твердый камень, а сном – постоянное бодрствование? Если так, то благоволите слезть с коня и будьте уверены, что найдете у меня все необходимое и сможете провести без сна не только одну ночь, а хоть целый год.

¹¹ Отрывок из старинного испанского романа.

С этими словами он придержал стремя, а Дон Кихот спешился с большим трудом и усилиями, ибо целый день ничего не ел.

Затем он попросил хозяина особенно позаботиться о Росинанте, добавив, что это лучшее из всех животных, питающихся ячменем. Взглянув на Росинанта, хозяин совсем не нашел его таким замечательным, как говорил Дон Кихот, однако поостерегся высказать свое мнение вслух, взял лошадь под уздцы и повел в конюшню. Тем временем Дон Кихот принялся снимать доспехи. В этом трудном и сложном деле ему помогали две подошедшие служанки. Само собой разумеется, что Дон Кихот принял их за знатных дам, владелиц замка. Общими усилиями им удалось снять латы, но узлы зеленых лент, которыми был завязан на шее шлем, так затянулись, что развязать их было невозможно. Оставалось только разрезать ленты. Однако Дон Кихот не согласился на это, решив лучше промучиться всю ночь в шлеме. Пока женщины стаскивали с него доспехи, Дон Кихот торжественно разглагольствовал о своих будущих подвигах, о славном коне Росинанте, о своей безмерной благодарности изящным дамам и с чувством декламировал нелепые стихи собственного сочинения:

– Никогда так нежно дамы
Не пеклись о паладине¹²,
Как пеклись о Дон Кихоте,
Из своих земель прибывшем:
Служат фрейлины ему,
Скакуну его – графини¹³,

¹² Паладин. Паладинами первоначально назывались знатные приближенные Карла Великого, жившие вместе с ним в его дворце и сопровождавшие императора в походах. Позднее паладином стали называть всякого знатного и доблестного рыцаря.

¹³ Дон Кихот применяет здесь к себе старинный испанский романс.

то есть Росинанту, ибо так зовут моего коня, благородные сеньоры, а мое имя – Дон Кихот Ламанчский. Правда, мне не хотелось открывать мое имя, пока великие подвиги не прославят его по всему миру. Но утаить его было бы невежливо по отношению к вам, мои сеньоры. Впрочем, скоро наступит время, когда доблесть моей руки покажет, как горячо я хочу вам служить.

Смущенные служанки не знали, что ответить на такие речи, и потому скромно молчали.

Между тем вернувшийся из конюшни хозяин спросил Дон Кихота, не угодно ли ему чего-нибудь.

– Я бы охотно закусил, – ответил идадьго, – ибо мне необходимо подкрепить свои силы.

Как нарочно, была пятница, и во всей гостинице не нашлось ничего другого, кроме соленой рыбы.

Хозяин принес Дон Кихоту вареной трески и кусок хлеба, такого же черного и заплесневевшего, как и доспехи рыцаря. Трудно было не расхохотаться, видя, с каким мучением ел Дон Кихот: дурацкий шлем мешал ему добраться до рта ложкой. Сам он не мог поднести куска к губам, нужно было, чтобы кто-нибудь клал ему пищу прямо в рот. Но напоить его было совсем невозможно, если бы хозяин не принес тростинку; один конец тростинки он вставил в рот Дон Кихоту, а через другой лил вино. Дон Кихот переносил все это с большим терпением, лишь бы только не разрезать завязок шлема. В это время случайно зашедший на постоялый двор крестьянин заиграл на своей камышовой дудке. Этого было довольно, чтобы Дон Кихот окончательно поверил, что попал в какой-то великолепный замок, что на пиру играет музыка, что соленая треска – самая свежая форель, что серый хлеб – белая булка, а хозяин постоялого двора – владелец замка. Поэтому он был в восторге от своего первого выезда. Беспокоило его только одно – что он не был еще посвящен в рыцари и его в любое время могли объявить самозванцем.

Глава 3, в которой рассказывается о том, как Дон Кихот был посвящен в рыцари

Удрученный этими мыслями, Дон Кихот поспешил закончить свой скудный ужин. Встав из-за стола, он отозвал хозяина в сторону, повел его в конюшню и, бросившись там перед ним на колени, начал так:

– О доблестный рыцарь, я не встану с места, пока ваша любезность не соблаговолит исполнить мою просьбу. То, о чем я вас собираюсь просить, послужит на славу вам и на благо человеческому роду.

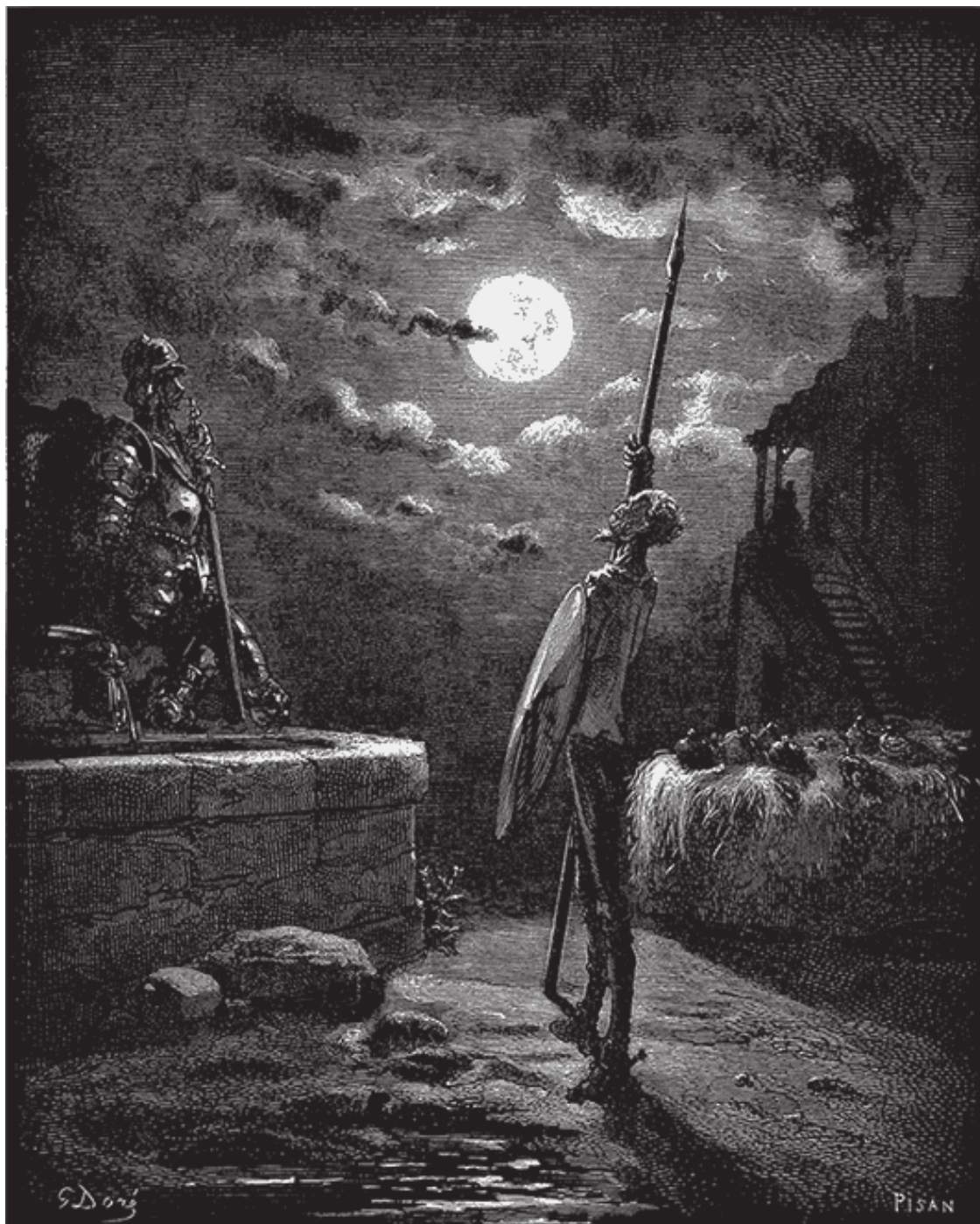
Увидев, что гость стоит на коленях, и услышав странные речи, хозяин в первую минуту совсем растерялся и, разинув рот, смотрел на Дон Кихота, не зная, что делать и что говорить. Оправившись от изумления, он принялся упрашивать Дон Кихота подняться, но тот ни за что не хотел встать, пока, наконец, хозяин не обещал исполнить его просьбу.

– Я был уверен, сеньор, что по безграничному благородству вашему вы не откажетесь исполнить мою просьбу, – сказал Дон Кихот. – Я прошу у вас как милости, чтобы завтра на рассвете вы посвятили меня в рыцари. Всю эту ночь я буду бодрствовать над оружием в часовне вашего замка, а на рассвете вы свершите надо мной обряд посвящения¹⁴. Тогда я получу, наконец, все права странствующего рыцаря и пушусь в поиски приключений. Мое оружие будет служить делу утверждения правды и справедливости на земле, ибо таково назначение того великого рыцарского ордена, к которому я и принадлежу и подвиги которого прославляются по всему миру.

¹⁴ Посвящение в рыцари. Сервантес пародирует действительный обряд посвящения в рыцари. Посвящаемый проводил ночь перед посвящением в церкви на страже оружия. Утром это оружие освящалось, и новый рыцарь приносил над ним торжественное обещание соблюдать законы и правила рыцарства. Затем какой-нибудь знатный и искушенный в боевом деле рыцарь, взяв меч, трижды ударял посвящаемого по левому плечу, произнося: «Посвящаю тебя в рыцари». Посвященного опоясывали мечом, пристегивали ему золотые шпоры, и все присутствовавшие отправлялись на пир в честь нового рыцаря.

Тут хозяин, который и раньше подозревал, что Дон Кихот рехнулся, окончательно убедился в этом и, чтобы хорошенько позабавиться, решил потакать его сумасбродству. Поэтому он ответил Дон Кихоту, что желание и просьба его вполне разумны, что, судя по его гордому виду и манерам, он, должно быть, благородный рыцарь и что подобное намерение вполне достойно его звания. «Я и сам, – прибавил хозяин, – занимался в молодости этим почетным ремеслом. В поисках приключений шатался я по всей Испании, побывал в Севилье, Гренаде, Кордове, Толедо¹⁵ и многих других городах: я ввязывался в различные проказы, скандалы и драки, так что прославился по всем судам и тюрьмам Испании. Но на склоне дней я угомонился: живу спокойно в этом замке и принимаю у себя всех странствующих рыцарей, какого бы звания и состояния они ни были. Я делаю это единственно по моей великой любви к ним, но, конечно, с условием, чтобы в награду за мое доброе отношение они делились со мной своим достоянием». Затем хозяин сказал, что в замке нет часовни, где можно было бы провести ночь, бодрствуя над оружием. Но ему известно, что в случае необходимости рыцарские законы разрешают провести ночь перед посвящением где угодно. Поэтому Дон Кихот может стать на стражу оружия во дворе замка, а завтра, если соизволит бог, он со всеми должными церемониями будет посвящен в рыцари, да еще в такие, каких никогда не видывали на свете.

¹⁵ Все эти места были известны в то время как притоны воров и разбойников.

Под конец трактирщик осведомился, есть ли у Дон Кихота при себе деньги. Тот ответил, что у него нет ни гроша, так как ни в одном романе ему не приходилось читать, чтобы странствующие рыцари возили с собой деньги. На это хозяин возразил, что Дон Кихот ошибается. В романах об этом не пишут только потому, что это ясно само собой. Ему же из достоверных источников известно, что странствующие рыцари обязаны иметь при себе на всякий случай не только туго набитый кошелек, но и чистые рубашки и баночку с целебной мазью для ран. Ведь не всегда можно рассчитывать на помощь доброго волшебника, который пришлет раненому с каким-нибудь карликом или девицей склянку чудодейственного бальзама. Гораздо лучше полагаться на самого себя. И хозяин посоветовал Дон Кихоту никогда не пускаться в путь без денег и необходимых запасов. Рыцарь сам увидит, как все это пригодится ему в странствиях.

Дон Кихот обещал в точности последовать его совету и тотчас же стал готовиться провести ночь перед посвящением на дворе гостиницы. Он собрал все свои доспехи и положил их на колоду, из которой поили скот; затем вооружился копьем и щитом и стал важно прохаживаться вокруг колоды. Уже совсем стемнело, когда он начал эту прогулку.

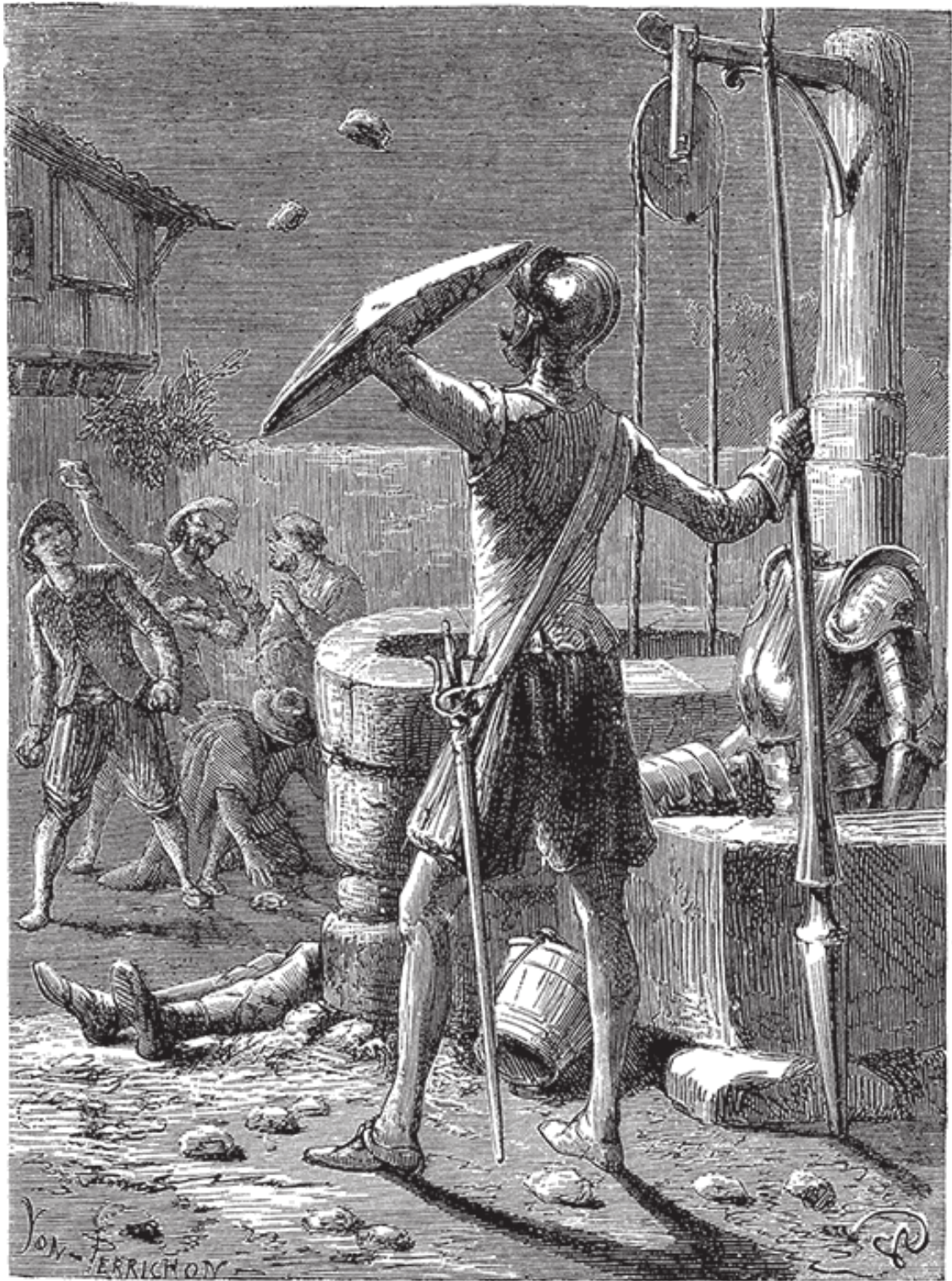
А хозяин вернулся в гостиницу и рассказал постояльцам о безумном идальго, который бодрствует теперь над оружием, ожидая посвящения в рыцари. Постояльцы, заинтересованные таким странным помешательством, выбежали на двор посмотреть на чудака. Дон Кихот с величественным видом мерно шагал взад и вперед. Иногда он останавливался и, опершись на копье, подолгу, не отрываясь смотрел на свои доспехи. Луна сияла так ярко, что зрителям издали было видно все, что делал наш ожидавший посвящения рыцарь.

Вероятно, все обошлось бы спокойно и мирно, но, на беду, одному из погонщиков, ночевавших в гостинице, вздумалось напоить своих мулов. Ничего не подозревая, он спокойно направился к колодцу. Заслышав его шаги, Дон Кихот воскликнул:

– Кто бы ты ни был, дерзостный рыцарь, простирая руки к доспехам самого доблестного из всех странствующих рыцарей, подумай сначала, что ты делаешь! Не прикасайся к ним, не то ты дорого заплатишь за свою дерзость.

Погонщик и ухом не повел. Подойдя к колоде, он подхватил доспехи за ремни и отшвырнул их далеко в сторону. Увидев это, Дон Кихот возвел глаза к небу и, обращаясь мысленно к своей сеньоре Дульсине, сказал:

– Помогите мне, моя сеньора, отомстить за первую обиду, нанесенную поработанному вами доблестному сердцу: не лишите меня в этом первом испытании вашей милости и опоры.

С этими словами он отложил в сторону щит, поднял обеими руками копье и с такой силой хватил погонщика, что тот без чувств растянулся на земле. А Дон Кихот поднял доспехи, положил их на колоду и снова принялся расхаживать вокруг колодца с таким невозмутимым видом, словно ничего не случилось. Спустя некоторое время вышел второй погонщик. Ничего не зная о печальной судьбе своего товарища, он также вознамерился сбросить злосчастные доспехи с колоды. Но Дон Кихот предупредил его попытку. Ни слова не говоря, он снова поднял копье и нанес бедняге такой удар по голове, что и второй погонщик грохнулся на землю.

На шум сбежались все обитатели гостиницы во главе с хозяином. При виде этой толпы Дон Кихот схватил щит, обнажил меч и с гордостью воскликнул:

– О царственная красота, оплот моей души и моего сердца! Наступил час, когда твое величие должно обратить взоры на плененного тобой рыцаря, вступающего в великую битву.

Эти слова, прозвучавшие словно молитва, пробудили в сердце нашего идальго такое мужество, что, напади на него все погонщики мира, он и тогда бы не отступил. Твердо стоял он под градом камней, которыми издали осыпали его обозленные товарищи раненых; он только прикрывался щитом, но ни на шаг не отходил от колоды, где лежали его доспехи. На дворе поднялся отчаянный шум. Погонщики орали и бранились. Перепуганный хозяин умолял их прекратить драку. А Дон Кихот кричал во весь голос:

– Подлые и низкие рабы! Я вас презираю! Швыряйте камни, подходите, подступайте, нападайте! Вы получите сейчас награду за вашу наглость и безумие!

В этих восклицаниях Дон Кихота было столько отваги и ярости, что нападающих охватил великий страх. Мало-помалу они утихли и перестали бросать камни. Тогда Дон Кихот позволил убрать раненых и снова принялся охранять доспехи с прежней важностью и спокойствием.

Однако эта история пришлась хозяину не по вкусу, и он решил немедленно посвятить гостя в этот чертов рыцарский орден, пока не приключилось новой беды. Почтительно приблизившись к Дон Кихоту, он сказал:

– Не гневайтесь, ваша милость, на эту наглую челядь. Обещаю вам примерно наказать ее за дерзость. А теперь не пора ли нам приступить к совершению священного обряда? Обычно бодрствование над оружием продолжается не свыше двух часов, вы же простояли на страже более четырех. Я уже докладывал вам, что у меня в замке нет часовни. Однако мы смело можем обойтись и без нее. Главное в посвящении – удар рукой по затылку и мечом по левому плечу. А это можно проделать и среди чистого поля. Итак, не будем терять драгоценного времени.

Наш рыцарь слепо поверил словам хозяина и ответил, что готов повиноваться.

– Прошу вас только об одном, – прибавил он, – поторопитесь с исполнением обряда. Ибо, когда я буду посвящен и кому-нибудь снова вздумается на меня напасть, я не оставлю в замке ни одной живой души. Из уважения к вам, почтенный владетель замка, я пощажу лишь тех, за кого вы заступитесь.

Эти слова рыцаря только усилили желание хозяина поскорее развязаться с беспокойным гостем.

Человек находчивый и ловкий, он тотчас же притащил толстую книгу, в которой записывал, сколько ячменя и соломы отпускалось погонщикам; затем в сопровождении двух служанок и мальчика, несшего огарок свечи, он приблизился к Дон Кихоту, велел ему опуститься на колени и, сделав вид, что читает по книге какую-то благочестивую молитву, поднял руку и со всего размаха хлопнул его по шее, потом, продолжая бормотать себе под нос какой-то псалом, хватил его по плечу его же собственным мечом. Вслед за тем он велел одной из служанок опоясать посвященного мечом, что та и исполнила с большой ловкостью. Правда, она чуть не умерла со смеху, но подвиги, совершенные на ее глазах рыцарем, заставили ее сдерживать свою веселость. Пристегивая меч к поясу Дон Кихота, добрая сеньора сказала:

– Пошли бог счастья вашей милости в рыцарских делах и удачи в сражениях.

Дон Кихот спросил, как ее зовут, ибо он желал знать, какой даме он обязан столь великой милостью, чтобы со временем разделить с ней почести, которые он завоюет силою своей руки. Она с большим смирением отвечала, что зовут ее Толосой, что она дочь сапожника из Толедо и что она всегда готова ему служить верой и правдой. Дон Кихот попросил ее из любви к нему именоваться отныне доньей Толосой¹⁶. Она пообещала. Затем другая дама надела ему шпоры, и с нею у него произошел такой же разговор, как и с той, которая опоясала его мечом. Он спросил, как ее имя, и она ответила, что зовут ее Молинерой и что она дочь честного мельника из Антекеры; Дон Кихот и ее попросил прибавить к своему имени титул доньи; при этом он рассыпался перед ней в бесчисленных благодарностях. Когда все эти церемонии были проделаны, Дон Кихот поторопился сесть на коня: очень уж не терпелось ему отправиться на поиски приключений. Он оседлал Росинанта, вскочил на него и стал благодарить хозяина за посвящение в таких необыкновенных выражениях, что нет никакой возможности передать их. А хозяин, обрадованный тем, что отделался, наконец, от рыцаря, отвечал на его речи более краткими, но не менее пышными фразами и, не взяв с него ничего за ночлег, отпустил подобру-поздорову.

¹⁶ В Испании частица «дон» – титул дворян, а «донья» – титул испанских дам.

Глава 4, о том, что случилось с нашим рыцарем после отъезда из гостиницы

Уже рассветало, когда Дон Кихот покинул гостиницу. Памятуя, что ему говорил хозяин насчет денег, белья и прочего, он прежде всего решил вернуться домой, чтобы запастись всем необходимым и подыскать себе оруженосца, поэтому он повернул Росинанта по направлению к своей деревне. Росинант, словно поняв желание своего господина, с такой охотой побежал рысцой, что, казалось, копыта его едва касались земли.

Но не успел наш рыцарь проехать несколько шагов, как из чащи леса послышались жалобные стоны. Дон Кихот придержал Росинанта и воскликнул:

– Благодарю небо за милость, мне ниспосланную! Вот мне и представляется случай исполнить долг рыцаря и пожать плоды моего благородного решения! Уж наверное, это стонет какой-нибудь несчастный, которому нужны мое заступничество и помощь.

И, дернув Росинанта за узду, он поспешил в ту сторону, откуда раздавались стоны. Едва он въехал в лес, как взорам его предстала такая картина: здоровенный крестьянин, привязав к дереву обнаженного до пояса мальчика лет пятнадцати, нещадно стегал его толстым ремнем. Мальчик рвался и кричал не своим голосом, а крестьянин хладнокровно приговаривал:

– Вперед не зевай, а сейчас помалкивай.

Мальчик отвечал:

– Больше никогда не буду, сеньор! Клянусь вам, никогда больше не буду! Даю слово, что впредь буду лучше смотреть за стадом.

Тут Дон Кихот воскликнул гневным голосом:

– Недостойный рыцарь, стыдно нападать на тех, кто не в силах защищаться. Я сейчас докажу вам всю низость вашего поступка!

При виде всадника, обвешанного оружием и размахивающего копьем перед самым его носом, крестьянин решил, что ему пришел конец, и дрожащим голосом ответил:

– Сеньор рыцарь, этот мальчишка – мой пастух. Он такой лентяй и разиня, что чуть не каждый день теряет овец. За это я и наказываю его, а он утверждает, что я это делаю из злобы, чтобы не платить ему жалованья.

– Клянусь солнцем, которое нам светит, я проткну тебя копьем! Отпусти беднягу и немедленно уплати ему сполна все жалованье. Не то я одним ударом прикончу тебя на месте! Сейчас же отвяжи его!

Перепуганный крестьянин, не говоря ни слова, отвязал мальчика. Дон Кихот спросил у бедняги, сколько хозяин ему должен. Мальчик отвечал, что за девять месяцев по семи реалов в месяц. Дон Кихот подсчитал – вышло шестьдесят три реала – и велел крестьянину немедленно расплатиться с мальчиком или готовиться к смерти. Испуганный крестьянин пробормотал в ответ, что из этой суммы следует вычесть стоимость трех пар башмаков, которые он выдал мальчику, и двух кровопусканий, сделанных ему во время болезни и стоивших один реал.

– Допустим, что все это так, – ответил Дон Кихот. – Но, отстегав его без всякой вины, вы получили сполна и за сапоги, и за кровопускание, ибо если он порвал кожаные башмаки, которые вы ему купили, то вы порвали ему его собственную кожу; и если цирюльник пускал ему кровь, когда он был болен, то вы пускаете ему кровь, когда он здоров. Значит, вы с ним квиты.

– Повинуюсь вам, сеньор рыцарь, но все горе в том, что у меня при себе нет денег. Пускай Андрес отправится со мной в деревню, и я заплачу ему все до последнего реала!

– Чтобы я с ним пошел? – воскликнул мальчик. – Да ни за что, сеньор! И не подумаю. Ведь как только мы останемся одни, он с меня всю шкуру спустит.

– Он этого не сделает, – возразил Дон Кихот. – Достаточно мне приказать, и он исполнит мое приказание. Пусть только он поклянется рыцарским орденом, к которому принадлежит, и я отпущу его и поручусь, что он тебе заплатит.

– Да подумайте, ваша милость сеньор, что вы говорите! – воскликнул мальчик. – Мой хозяин вовсе не рыцарь и ни в какой рыцарский орден не записан: ведь это – Хуан Альдудо, богач из деревни Кинтанар.

– Это не важно, – отвечал Дон Кихот. – И Альдудо может быть рыцарем. Каждый из нас – сын своих добрых дел.

– Да какие же добрые дела у моего хозяина, раз он отказывается заплатить мне за службу? – сказал мальчик.

– Я не отказываюсь, сыночек Андрес, – заявил крестьянин. – Ступай за мной. Клянусь всеми рыцарскими орденами, какие только есть на свете, что заплачу тебе все до последнего реала, да еще в новенькой монете.

– Разрешаю вам и не в новенькой, – сказал Дон Кихот. – Довольно, если вы заплатите обыкновенными реалами. Смотрите же, сдержите вашу клятву – не то, клянусь вам, вы получите жестокое возмездие: вы можете спрятаться, словно ящерица, – все равно я вас найду. А если вам угодно знать, кто вам это приказывает, так знайте же: я – доблестный Дон Кихот Ламанчский, мститель за обиды и несправедливости.

С этими словами он пришпорил Росинанта и быстро ускакал от них. Крестьянин подождал, пока рыцарь скрылся в лесной чаще, а затем обратился к Андресу:

– Подойди-ка, сынок, поближе, я хочу заплатить тебе свой долг, как мне приказано этим мстителем за обиды.

– Честное слово, – отвечал Андрес, – ваша милость поступит очень хорошо, если исполнит приказ этого доброго рыцаря; дай ему бог тысячу лет жизни за его доблесть и правый суд!

– Я так люблю тебя, – ответил крестьянин, – что сейчас увеличу долг, чтобы увеличить платеж.

И, схватив его за руку, он снова привязал его к дубу и отстегал до полусмерти.

– Ну, а теперь, сеньор Андрес, – молвил крестьянин, – ищите вашего защитника. Впрочем, мне кажется, что я слишком легко обидел вас. Уж очень мне хочется спустить с вас всю шкуру.

Затем крестьянин отвязал мальчика и посоветовал ему отправиться на поиски своего благодетеля. Обливаясь слезами, Андрес поплелся из леса, обещая разыскать рыцаря и все рассказать ему, а хозяин стоял и посмеивался, глядя ему вслед.

Вот к чему привело заступничество Дон Кихота!

А между тем нашему рыцарю казалось, что он положил прекрасное начало своим рыцарским подвигам. Вполне довольный этим приключением, он спокойно продолжал свой путь, вполголоса рассуждая сам с собою:

– О прекрасная Дульсинея Тобосская, поистине ты можешь считать себя счастливейшей из всех женщин, ныне живущих на земле. О красавица из красавиц! Тебе даровано судьбою повелевать, словно покорным рабом, таким отважным и славным рыцарем, как Дон Кихот Ламанчский. Весь мир знает, что только вчера он был посвящен в рыцари, а сегодня уже отомстил за обиду и несправедливость. Он вырвал бич из рук бесчестного злодея, истязавшего слабого отрока.

Вскоре он достиг перекрестка двух дорог. Ему тотчас же пришло на память, что странствующие рыцари обычно останавливались на перекрестках, раздумывая, куда направить свой путь. Подражая им, он тоже постоял некоторое время, словно не зная, куда ехать, и, наконец, положился на волю Росинанта. Росинант, разумеется, избрал путь, который вел в конюшню, и Дон Кихот направился в родную деревню. Проехав мили две, Дон Кихот заметил большую кавалькаду. Как выяснилось позднее, это были купцы из Толедо, направлявшиеся в Мурсию закупать шелк. Купцов было шестеро, и ехали они под зонтиками в сопровождении четырех верховых слуг и трех погонщиков мулов, шедших пешком. Дон Кихот тотчас же вообразил, что его ждет новое приключение. Поэтому он поплотнее уселся в седле, сжал в руке копье, прикрыл грудь щитом и, остановившись посреди дороги, с гордым и отважным видом стал поджидать приближения купцов, которых он принимал за странствующих рыцарей. Когда они подъехали поближе, он возвысил голос и надменно произнес:

– Ни один из вас не сделает шагу дальше, если вы не признаете, что на свете нет девицы более прекрасной, чем несравненная Дульсинея Тобосская!

Услышав такие слова, купцы остановились. По странным речам и диковинному костюму незнакомца они сразу догадались, что перед ними сумасшедший. Его настойчивые требования показались им забавными, и один из них, шутник и весельчак, ответил:

– Сеньор рыцарь, мы не знаем, кто эта добрая сеньора, о которой вы говорите. Покажите ее нам, и если окажется, что она и вправду так красива, как вы утверждаете, мы охотно исполним ваше требование.

– Нет никакой заслуги в том, – сказал Дон Кихот, – чтобы признать справедливость моих слов, увидя ее воочию! Я требую от вас, чтобы вы, и не видав ее, признали, подтвердили и отстаивали эту истину, иначе я вызываю вас на бой. Выходите либо по очереди, как этого требует рыцарский закон, либо все вместе. Уверенный в своей бесспорной правоте, я встречу вас достойным образом.

– Сеньор рыцарь, – ответил купец, – мы боимся, как бы нам не пришлось взять грех на душу, признав то, о чем мы никогда не слышали и чего мы никогда не видели. Поэтому, от имени всех этих сеньоров – моих спутников, я умоляю вашу милость: покажите нам какой-нибудь портрет этой сеньоры. Пусть ваша дама окажется кривой на один глаз – в угоду вашей

милости, мы все же признаем ее высшим совершенством, взглянув на ее портрет, и ваша милость успокоится, добившись желаемого.

Охваченный гневом, Дон Кихот вскричал:

– Вы мне дорого заплатите за оскорбления, которые вы наносите несравненной красоте моей дамы!

С этими словами он взял копье наперевес и в бешенстве устремился на своего собеседника. Дерзкому купцу пришлось бы очень плохо, если бы, на его счастье, Росинант не споткнулся о камень. Росинант упал, и Дон Кихот отлетел далеко в сторону. Тщетно пытался он подняться на ноги: ему мешали копье, щит, шпоры, шлем и тяжелые старые доспехи. Бессильно барахтаясь на земле, он восклицал:

– Не бегите, трусы, негодяи, погодите! Не моя вина, что я упал: в этом виноват мой конь!

Один из погонщиков мулов, видимо не отличавшийся кротостью, не стерпел этих оскорблений и решил в отместку пересчитать рыцарю ребра. Он подбежал к Дон Кихоту, выхватил у него копье, сломал его и одним из кусков принялся так колотить нашего рыцаря, что,

несмотря на крепкие доспехи, измолот его, как мешок зерна. Напрасно купцы кричали, чтобы он перестал: погонщик не унимался. Он хватал один кусок копья за другим и ломал их о спину простертого на земле рыцаря. А тот, несмотря на сыпавшиеся на него удары, не умолкал и продолжал угрожать небу, земле и тем, кого он принимал за разбойников.

Наконец погонщик устал и оставил несчастного в покое; купцы поехали дальше; разговоров о бедном избитом рыцаре хватило у них на весь дальнейший путь. А Дон Кихот, увидев, что враги его удалились, снова попробовал подняться. Но погонщик избил его до полусмерти, и бедный идадьго не мог пошевелить и пальцем. И все же он не падал духом; он знал, что такие невзгоды нередко достаются на долю странствующих рыцарей и что доблесть его не посрамлена, ибо это несчастье произошло по вине коня.

Глава 5 о возвращении нашего рыцаря домой

Убедившись, что он действительно не в силах шевельнуться, наш рыцарь решил прибегнуть к своему обычному утешению: вспомнить какой-нибудь подходящий случай из романов. Его безумному воображению тотчас представился раненый Балдуин, покинутый на произвол судьбы среди пустынных гор. Дон Кихоту показалось, что жалобные речи этого рыцаря вполне подходят к его печальному положению; и вот наш идадьго принялся с глубоким чувством звать к воображаемой даме:

О приди, моя сеньора,
Разделить мою печаль!
Или ты о ней не знаешь,
Иль тебе меня не жаль?¹⁷

Но не успел он дойти до слов:

О властитель Мантуанский,
Дядя мой и государь, —

¹⁷ Старинный романс о маркизе Мантуанском и его племяннике рыцаре Балдуине пользовался огромной популярностью в Испании.

как судьба послала ему помощь. На дороге показался крестьянин, живший в том же селе, что и Дон Кихот. Крестьянин возвращался с мельницы; увидя человека, распростертого на земле, он подошел к нему и спросил, что с ним такое и почему он так жалобно стонет.

Дон Кихот, должно быть, вообразил, что перед ним его дядя, маркиз Мантуанский; поэтому, не отвечая на вопросы, он продолжал повторять романс, в котором говорилось о несчастьях рыцаря Балдуина.

Крестьянин пришел в крайнее изумление. Он поспешил откинуть погнутое палочными ударами забрало и увидел под ним знакомое лицо.

– Сеньор Кехана, – воскликнул он, – кто это вас так отделал?

Добряк заботливо снял с бедного рыцаря нагрудник и наспинник, чтобы посмотреть, не ранен ли он. Но ни ран, ни крови не заметно. Тогда он поднял Дон Кихота с земли и с большим трудом усадил на своего осла, так как ему казалось, что бедняге на осле будет спокойнее. Устроив поудобнее несчастного идальго, он подобрал доспехи и оружие рыцаря, привязал все это к седлу Росинанта, взял за повод и лошадь и осла и молча направился к деревне. Дон Кихот также был молчалив и задумчив. Погонщик так избил его, что он едва держался в седле. От времени до времени он выпускал вздохи, долетавшие, казалось, до самого неба. Встревоженный крестьянин снова спросил его, что у него болит. К этому времени Дон Кихот уже успел забыть о Балдуине; ему пришла на память новая история о том, как правитель Антекеры, Родриго де Нарваэс, захватил мавра Абиндарраэса и заключил его в своем замке. Поэтому на вопрос крестьянина Дон Кихот ответил в тех же выражениях, в каких пленный Абиндарраэс отвечал Родриго де Нарваэсу.

– Знайте же, ваша милость сеньор дон Родриго де Нарваэс, – так закончил свою речь рыцарь, – что прекрасная Харифа, о которой я вам только что говорил, ныне – прелестная Дульсинея Тобосская, в честь которой я совершал, совершаю и совершу такие славные подвиги, каких никто на свете не видал, не видит и не увидит никогда.

Крестьянин на это ответил:

– Да поймите, ваша милость сеньор, что я вовсе не дон Родриго де Нарваэс, а ваш односельчанин Педро Алонсо; ваша же милость не Балдуин и не Абиндарраэс, а почтенный идальго, сеньор Кехана.

– Я сам знаю, кто я такой, – возразил Дон Кихот, – и знаю, что подвиги, совершенные всеми рыцарями вместе, не сравнятся с моими.

Ведя такие разговоры, они добрались под вечер до деревни.

Так как крестьянину не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел Дон Кихота – жалкого, избитого, верхом на осле, он остановился за околицей, ожидая, пока совсем стемнеет. Тогда он въехал в село и направился к дому Дон Кихота. В доме слышались громкие голоса: два закадычных друга нашего идальго – священник и цирюльник – совещались с его домашними. Экономка громко восклицала:

– Ну что вы скажете, ваша милость сеньор лицензиат¹⁸ Перо Перес, – так звали священника, – о моем господине? Вот уже два дня, как исчезли и он, и его кляча, и щит, и копье, и доспехи! Ах, несчастная я женщина! Я думаю, что его свели с ума эти проклятые рыцарские романы. Я помню, как, беседуя сам с собой, он не раз клялся, что бросит дом и отправится на поиски приключений. Чтобы черт побрал все эти книги, погубившие самую разумную голову во всей Ламанче!

То же говорила и племянница:

– Знаете ли, сеньор мастер Николас, – так звали цирюльника, – сеньор мой дядя нередко по двое суток не смыкал глаз, зачитываясь этими проклятыми романами. В конце концов он приходил в такой азарт, что бросал книгу, хватал меч и наотмашь рубил стены. Выбившись из сил, он восклицал, что убил четырех великанов, ростом с башню. От страшной усталости с дяди лил пот, а он думал, что это течет кровь из ран, которые он получил во время боя. Затем он выпивал большой ковш холодной воды и говорил, что это не вода, а драгоценнейший

¹⁸ Лицензиат – ученая степень, которая давала право преподавать в университете.

напиток, который принес его друг, великий волшебник Эскифе. Но во всем этом я виню себя. Я не могу себе простить, что не догадалась раньше сообщить вашим милостям о сумасбродствах моего дяди. Вы бы, конечно, сумели положить им конец. Довольно было бы сжечь книги, которые сводили его с ума.

– Я вполне с вами согласен, – сказал священник, – и даю вам слово, что завтра же мы предадим огню все эти глупые романы, дабы они не сбивали с толку нашего бедного друга.

Дон Кихот со своим спутником слышали весь этот разговор. Теперь крестьянину стало вполне ясно, что за недуг у его соседа. Поэтому он громко закричал:

– Откройте, сеньора! Прибыл тяжело раненный сеньор Балдуин, маркиз Мантуанский, он же сеньор мавр Абиндарраэс, а ведет его отважный Родриго де Нарваэс, правитель Антекеры.

Все выбежали на его голос; мужчины узнали своего друга, женщины – своего хозяина и дядю и бросились его обнимать. Но Дон Кихот, который так ослабел, что не мог сойти с осла, сказал:

– Погодите! Я тяжело ранен по вине моего коня. Отнесите меня на постель и, если возможно, призовите мудрую волшебницу Урганду¹⁹, чтобы она перевязала и исцелила мои раны.

– Видите, какое несчастье! – воскликнула тут экономка. – Сердце мое верно чуяло! Пожалуйте, в добрый час, ваша милость, мы вас вылечим и без всяких волшебниц. Тысячу раз будь они прокляты, эти рыцарские книги: вот до чего довели они вашу милость!

Затем Дон Кихота отнесли на постель и хотели перевязать ему раны, но никаких ран не оказалось. Он объяснил, что просто ушибся, так как вместе со своим конем Росинантом рухнул на землю в самый разгар боя с десятью великанами. Более дерзостных и свирепых созданий, по его словам, земля не производила.

– Та-та-та, – перебил священник, – так у нас и великаны завелись? Клянусь, не успеет завтра зайти солнце, как от них не останется и следа.

Тут они стали расспрашивать Дон Кихота о его приключениях, но тот не пожелал ни о чем рассказывать. Он только попросил дать ему поесть и оставить его в покое, ибо больше всего он нуждался в еде и сне. Желание его было исполнено, а священник подробно расспросил крестьянина, где и как нашел он Дон Кихота.

Крестьянин охотно рассказал обо всем случившемся и даже повторил некоторые из безумных речей идадьго.

Это еще более укрепило священника в его решении уничтожить книги Дон Кихота. На следующее утро он зашел за своим другом, цирюльником, и оба они направились в дом нашего идадьго.

Дон Кихот все еще спал. Священник попросил у племянницы ключи от комнаты, где хранились книги – виновники всего несчастья. В сопровождении экономки все направились в эту комнату. Там лежало на полках около сотни толстых и еще много маленьких томов в отлич-

¹⁹ Урганда – волшебница, одно из главных действующих лиц любимого Дон Кихотом рыцарского романа «Эспландиан».

ных переплетах. Попросив священника минутку подождать, экономка выбежала из комнаты и вскоре вернулась с чашкой святой воды и кропилом.

– Возьмите-ка, сеньор священник, окропите сначала комнату, а то еще явится один из волшебников, о которых говорится в этих книгах, и превратит нас в каких-нибудь чудищ в отместку за то, что мы собираемся сжечь всю его братию со света.

Священник только рассмеялся в ответ на эти опасения простодушной экономки и попросил цирюльника передавать ему книги одну за другой. Ему хотелось отобрать те, которые не заслуживали казни огнем.

– Нет, нет, – воскликнула племянница, – ни одна из них не стоит помилования: все они повинны в нашей беде. Лучше всего выбросим их через окно во двор и устроим из них костер.

Племяннице вторила экономка. Но священник не обратил никакого внимания на их болтовню и решил познакомиться хотя бы только с заглавиями книг. Мастер Николас передал ему толстый том. Это оказалась история Амадиса Галльского в четырех частях. Священник сказал:

– Я слышал, что это первый рыцарский роман, отпечатанный в Испании, и что от него ведут начало все остальные. Поэтому я полагаю, что мы должны сжечь его без всякой жалости.

– О, нет, сеньор! – возразил цирюльник. – Я слышал, что этот роман лучший из всех, которые когда-либо были написаны, и потому он, как исключение, заслуживает пощады.

– Пожалуй, вы правы, – ответил священник, – мы примем это во внимание и временно даруем ему жизнь. Ну, а теперь посмотрим, что стоит с ним рядом.

– Подвиги Эспландиана, законного сына Амадиса Галльского, – сказал цирюльник.

– Ну, по совести говоря, – промолвил священник, – заслуги отца не спасают сына. Возьмите-ка его, сеньора экономка, откройте окошко и выбросьте во двор. Пускай он будет первым поленом в нашем костре.

Экономка повиновалась с величайшим удовольствием.

– Ну, дальше, – сказал священник.

– Следующий за ним, – продолжал цирюльник, – Амадис Греческий, и мне кажется, что все книги на этой полке из племени Амадиса.

– Ну, так пусть все они отправляются во двор, – ответил священник.

– И я того же мнения, – ответил цирюльник.

– И я, – подхватила племянница.

– Ну, если так, – сказала экономка, – то на костер их всех.

И толстые и тонкие тома один за другим полетели в окно.

Покончив с рыцарскими романами, священник обратился к полке, где стояли сборники различных стихотворений и поэм. Но едва он взял в руки первый сборник, снизу раздался голос Дон Кихота.

– Сюда, сюда, отважные рыцари! – кричал он. – Пришло время показать силу ваших могучих рук! Придворные рыцари хотят присвоить себе победу на турнире.

Встревоженные этими криками, наши друзья побросали книги и кинулись на шум.

Вбежав в спальню, они увидели, что Дон Кихот уже вскочил с постели, схватил шпагу и рубит и колет воображаемых врагов с такой яростью и проворством, словно никогда и не чувствовал себя больным и слабым.

Священник с мастером Николасом подбежали к нему и насильно уложили в постель. Несколько успокоившись, Дон Кихот обратился к священнику с такой речью:

– Поистине, сеньор архиепископ Турпин²⁰, великий позор для двенадцати пэров²¹, что они позволили придворным рыцарям присвоить себе победу, одержанную нами, странствующими рыцарями. Нет, никогда я не допущу такого издевательства!

– Успокойтесь, ваша милость, сеньор кум, – отвечал священник, – бог даст, завтра все переменится, и то, что сегодня мы потеряли, завтра вернем с избытком. А пока пусть ваша милость подумает о своем здоровье. Мне кажется, что вы если не ранены, то, уж наверное, ужасно устали.

²⁰ Архиепископ Турпин – реймский архиепископ конца VIII века, которому долгое время приписывалось составление знаменитой хроники «О жизни Карла Великого» («Хроника Турпина»). В этой хронике содержатся фантастические, лишенные исторического правдоподобия рассказы о подвигах и приключениях Карла Великого и его племянника Роланда в Испании.

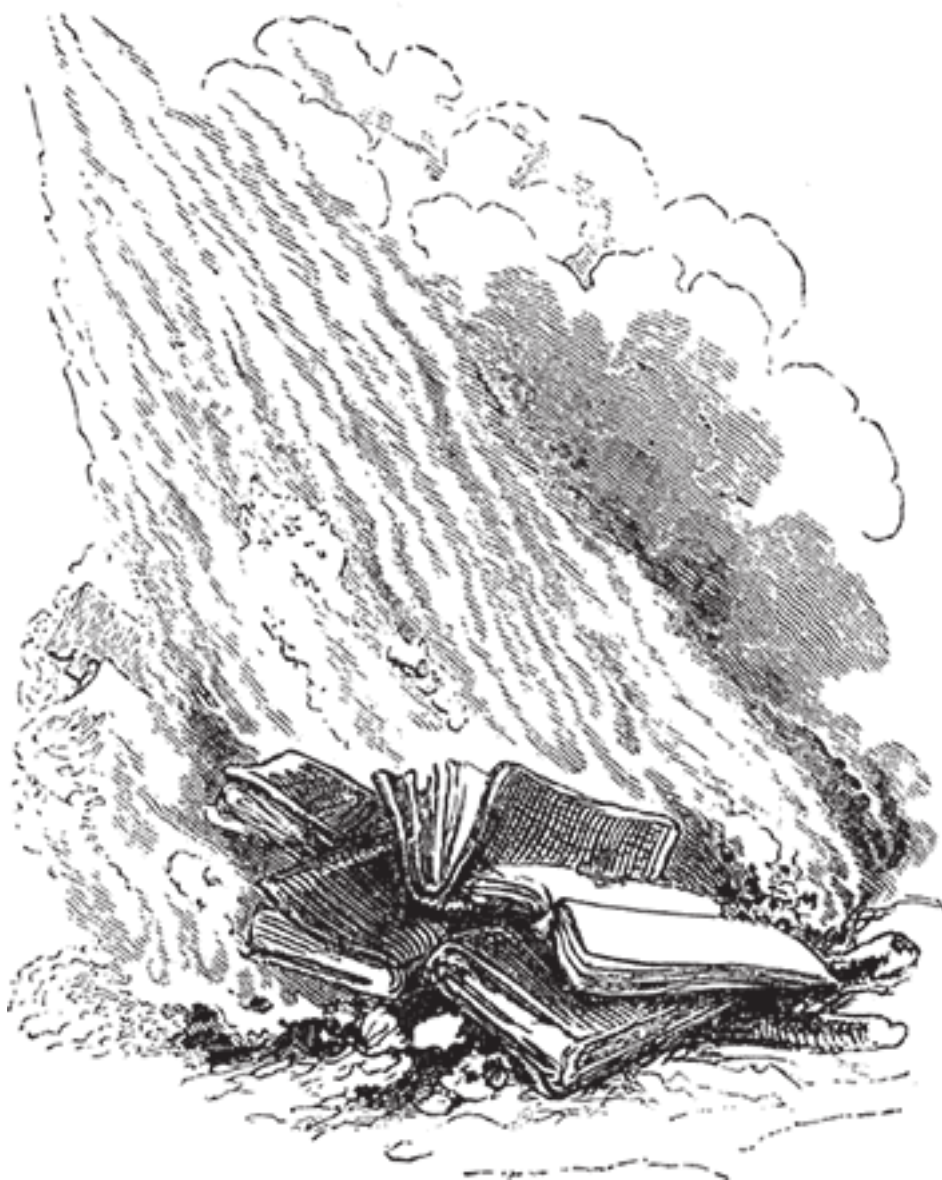
²¹ Двенадцать пэров – так называли двенадцать легендарных рыцарей – сподвижников Карла Великого.

– Нет, я не ранен, – ответил Дон Кихот, – но действительно порядком избит и помят. Коварный и завистливый дон Рольдан²² избил меня стволом дуба: ведь он прекрасно понимает, что я единственный его соперник в рыцарских подвигах. Но только бы мне подняться с этого ложа. Я отплачу ему. Пока же принесите мне позавтракать, потому что сейчас прежде всего надо подкрепить свои силы. А отомстить ему я сумею позже.

Так они и сделали: принесли ему поесть. Дон Кихот позавтракал и снова крепко заснул.

²² Рольдан – народная переделка имени Роланд.

В ту же ночь экономка сожгла все книги, какие были в доме: в костер попали и те, что пощадил священник. На следующий день дверь в библиотеку заложили кирпичом и тщательно замуровали. А Дон Кихоту было решено сказать, что какой-то волшебник похитил комнату целиком со всеми книгами, полками и мебелью. Покончив с этим делом, все стали с нетерпением ждать выздоровления идадьго. Дня через два Дон Кихот уже настолько окреп, что мог встать с постели. Прежде всего, конечно, он отправился посмотреть книги. Каково же было его удивление, когда он не нашел дверей в свою библиотеку. Долго он бродил по дому, шарил по всем комнатам, снова и снова подходил к замурованной двери, ощупывал ее руками и с растерянным видом оглядывался по сторонам. Наконец он спросил экономку, где же дверь в библиотеку. Экономка, заранее наученная священником, как ответить на вопрос, воскликнула:

– В библиотеку? Да что вы, ваша милость! Ни библиотеки, ни книг давно нет. Сам дьявол унес все это.

Тут вмешалась в разговор племянница:

– Когда ваша милость была в отъезде, однажды ночью прилетел волшебник. Спрыгнув с дракона, на котором сидел верхом, он вошел в библиотеку: уж я и не знаю, что он там делал, но только спустя некоторое время он вылетел сквозь крышу, а дом весь наполнился дымом. Когда же мы решились посмотреть, что он натворил, то уже не было ни комнаты, ни книг. Одно только мы обе отлично помним: когда этот злой старик улетал, он крикнул громким голосом, что его зовут Муньятон.

– Не Муньятон, а Фрестон, – перебил Дон Кихот.

– Ну, уж бог его знает, – сказала экономка, – как его зовут: Фрестон или Фритон, помню только, что его имя кончалось на «тон».

– Так оно и есть, – сказал Дон Кихот, – этот мудрый волшебник – мой заклятый враг. Он меня ненавидит, ибо с помощью своих магических книг и колдовства узнал, что мне суждено вступить в бой с рыцарем, которому он благоволит, и одержать над ним победу. Вот почему он и старался чинить мне всякие помехи.

Глава 6 о втором выезде нашего доброго рыцаря Дон Кихота Ламанчского

После этого Дон Кихот целых две недели сидел спокойно дома. Экономка и племянница с радостью заметили, что его страсть к необычайным приключениям, по-видимому, несколько остыла. Иногда, впрочем, он говорил своим приятелям – священнику и цирюльнику, что мир ни в чем так не нуждается, как в странствующих рыцарях, призванных возродить золотой век на земле. Дон Кихот с воодушевлением говорил об этом счастливом времени, когда обман, коварство и ложь не примешались еще к правде и откровенности; когда ни корысть, ни пристрастие, ни личный произвол судей не угнетали еще людей; когда повсюду царил мир и спокойствие, и счастливый человек безмятежно наслаждался прекрасными дарами природы. Он слепо верил, что вернуть людей к этим волшебным временам – его удел. Иногда священник возражал ему, иногда соглашался с ним, ибо без этой уловки нечего было и думать о том, чтобы доказать бедному идалго всю нелепость таких рассуждений.

Однако в глубине души Дон Кихот оставался верен своим сумасбродным планам. Тайком от своих домашних он принялся уговаривать одного крестьянина, человека доброго (если только можно назвать добрым того, у кого своего добра не очень-то много), но, как говорится, без царя в голове, поступить к нему в оруженосцы²³. Дон Кихот убеждал его с большим жаром и сулил ему богатство и славу. Между прочим, он обещал пожаловать ему в пожизненное владение первый же остров, который он завоюет своими подвигами. А это могло случиться, по его

²³ Оруженосец – не слуга, а скорее боевой помощник рыцаря. Юноши из старинных и зажиточных дворянских семей охотно шли в оруженосцы к знатному и прославившемуся своими подвигами рыцарю. Служба оруженосцем у такого рыцаря считалась хорошей военной школой. Кроме того, это был верный путь к получению рыцарского звания. С точки зрения строгих рыцарских правил, Санчо был таким же неподходящим человеком на роль оруженосца, как простая крестьянка Альдонса Лоренсо на роль прекрасной дамы.

словам, очень скоро. В конце концов сбитый с толку Санчо Панса – так звали крестьянина – сдался на все эти убеждения, бросил свою жену и детей и поступил на службу к Дон Кихоту.

Затем Дон Кихот принялся раздобывать деньги: одно он продал, другое заложил и таким способом собрал порядочную сумму. Кроме того, он взял на время у одного из своих приятелей круглый щит и починил разбитый шлем. Покончив со всеми этими делами, он сообщил своему оруженосцу Санчо, что в такой-то день и час он намерен отправиться в путь, и предложил ему позаботиться о своем снаряжении. Дон Кихот особенно напирал на то, чтобы Санчо не забыл захватить дорожную сумку. Санчо обещал не забыть и сказал, что заодно захватит и своего осла, так как к пешему хождению он не очень-то приспособлен. Это заявление Санчо несколько смутило Дон Кихота. Он старался припомнить, у кого из странствующих рыцарей был оруженосец, разъезжавший верхом на осле, но так и не мог вспомнить. Однако он примирился с этим, утешаясь мыслью, что при первой же встрече с каким-нибудь неучтивым рыцарем он отнимет у него коня и отдаст это более почтенное животное своему оруженосцу.

Наконец все было готово, и однажды ночью, тайком от всех, они покинули деревню. Санчо не попрощался с женой и детьми, а Дон Кихот – со своей экономкой и племянницей. Ехали они всю ночь, и, когда рассвело, они были так далеко от деревни, что уже могли не бояться погони.

Санчо Панса, погруженный в приятные мечты, торжественно восседал на своем осле. Ему очень хотелось поскорее стать губернатором обещанного острова. Случайно Дон Кихот повернул на ту самую дорогу, через Монтельскую равнину, которую он выбрал и в первый свой выезд. Но теперь ехать по ней было приятнее: час был еще ранний, и косые лучи солнца не беспокоили наших путников. Тут Санчо Панса сказал своему господину:

– Смотрите же, ваша милость сеньор странствующий рыцарь, не забудьте вашего обещания насчет острова. Как бы велик он ни был, все равно – я с ним управлюсь.

На это Дон Кихот ответил:

– Раз навсегда запомни, друг мой Санчо Панса, что в старину среди странствующих рыцарей был весьма распространен обычай назначать своих оруженосцев правителями ост-

ровов или королевств, ими завоеванных, и я твердо решил последовать этому прекрасному примеру. Но мало того. В старину рыцари жаловали своим оруженосцам какую-нибудь провинцию только после многих лет тяжелой службы. Нередко оруженосцы успевали состариться в ожидании обещанной награды. Я же, если только мы оба останемся живы, в ближайшие дни, наверное, завоюю не одно, а несколько королевств. Тогда я, не медля ни минуты, отдам тебе лучшее из них. Не думай, что я говорю зря: со странствующими рыцарями случаются такие необычайные приключения, каких и во сне не увидишь. Поэтому мне легко будет одарить тебя еще лучше, чем я обещал.

– Но если я, – заявил Санчо, – сделаюсь королем, так моя супружница Тереса Панса по меньшей мере будет королевой, а детки мои инфантами?

– В этом нет никакого сомнения, – ответил Дон Кихот.

– Ну, а я сомневаюсь, – сказал Санчо Панса, – потому что если бы короны сыпались на землю словно град, то и тогда, думается мне, ни одна из них не пришлась бы по мерке Тересе Пансе. Какая уж она королева, сеньор мой! Как королева она двух грошей не стоит. Графство ей еще, пожалуй, и подошло бы, да и то лишь с помощью божьей.

– Ну, положишь в этом на господа бога, Санчо, – сказал Дон Кихот, – он даст ей то, что ей больше подходит, а сам не унижай себя и не вздумай удовлетвориться меньше, чем губернаторством.

– И не подумаю, сеньор мой, – ответил Санчо, – я знаю, как могуч и благороден мой господин. Ваша милость, наверное, подарит мне то, что придется мне по плечу и по вкусу.

Глава 7 о победе, одержанной доблестным Дон Кихотом в ужасном, доселе неслыханном приключении с ветряными мельницами

Тут они увидели тридцать или сорок ветряных мельниц, стоявших посреди поля. Заметив их еще издали, Дон Кихот сказал своему оруженосцу:

– Благосклонная судьба посылает нам удачу. Посмотри в ту сторону, друг Санчо! Вон там на равнине собрались великаны. Сейчас я вступлю с ними в бой и перебую их всех до единого. Они владеют несметными сокровищами; одержав над ними победу, мы станем богачами. Это – праведный бой, ибо самому богу угодно, чтобы сие злое семя было стерто с лица земли.

– Да где же эти великаны? – спросил Санчо Панса.

– Да вот они перед тобой! – ответил Дон Кихот. – Видишь, какие у них огромные руки? У иных чуть ли не в две мили длиной.

– Поверьте, ваша милость, – это вовсе не великаны, а ветряные мельницы. А то, что вы называете руками, вовсе не руки, а крылья, которые вертятся от ветра и приводят в движение жернова.

– Сразу видно, – сказал Дон Кихот, – что ты еще не опытен в рыцарских приключениях. Это великаны! Если тебе страшно, так отойди в сторону и читай молитвы, а я тем временем вступлю с ними в жестокий неравный бой!

С этими словами Дон Кихот вонзил шпоры в бока Росинанта и помчался вперед, не слушая воплей своего оруженосца.

– Не бегите, презренные создания! – вскричал он. – Вас много! А против вас только один рыцарь!

В эту минуту поднялся легкий ветер, и огромные крылья начали вращаться. Увидев это, Дон Кихот закричал еще громче:

– Будь у вас рук больше, чем у гиганта Бриарея²⁴, вам все равно не избежать вашей участи!

²⁴ Бриарей – по верованию древних греков, сын бога морей Посейдона, сторукий великан, обладавший невероятной силой и изрыгавший пламя.

И, поручив душу своей даме Дульсинее Тобосской, Дон Кихот ринулся на ближайшую к нему мельницу и со всего размаха вонзил копьё в ее крыло.

Но тут сильный порыв ветра повернул крыло. Копьё сломалось, а рыцарь вместе с лошадью отлетел далеко в сторону.

Увидев это, Санчо во всю прыть поскакал на помощь своему господину. Дон Кихот лежал словно мертвый, ошеломленный страшным ударом мельничного крыла.

– Вот видите, ваша милость! – воскликнул Санчо. – Ну, не говорил ли я, что это ветряные мельницы, а не великаны. Ведь это лишь тот не видит, у кого самого мельница в голове.

– Молчи, друг Санчо, – ответил Дон Кихот. – Ты ничего не понимаешь в рыцарских делах. Я уверен, что это новые проделки того самого волшебника Фрестона, который похитил у меня

мою библиотеку. Это он превратил великанов в мельницы, чтобы лишить меня славы победы. Так сильна его вражда ко мне. Но не тревожься! Рано или поздно я разрушу его злые чары.

– Все может быть, – согласился Санчо Панса. Затем он помог Дон Кихоту подняться и сесть на Росинанта, который едва не вывихнул себе передние ноги в этой злосчастной схватке с волшебными великанами.

Наш рыцарь с верным оруженосцем поехали дальше, беседуя об этом приключении.

– Больше всего, – сказал Дон Кихот, – меня печалит утрата копья. Но я вспоминаю рассказ об одном испанском рыцаре, по имени Диэго Перес де Варгас; у этого рыцаря во время сражения сломался меч; тогда он отломал от дуба тяжелый сук и с этой дубинкой совершил столько подвигов и перебил такое множество мавров, что его стали называть Варгас-Дубинка. Так вот я последую примеру Варгаса и с первого же дуба, который попадется нам по дороге, отломаю себе увесистый сук. С этим суком в руках я совершу великие подвиги, и ты будешь счастлив, что удостоился чести быть их свидетелем!

– На все воля божья, – ответил Санчо, – я верю всему, что ваша милость изволит рассказывать. Только держитесь на седле тверже, сеньор мой, а то вы совсем съехали набок: должно быть, вы здорово ушиблись.

– Да, это правда, – сказал Дон Кихот, – и если я не жалуясь на боль, то только потому, что странствующие рыцари не должны жаловаться на раны, хотя бы у них вываливались все внутренности.

– Ну, коли так, мне нечего возразить, – ответил Санчо. – А что касается меня, так я заору от самой пустячной царапины, если только рыцарские правила не запрещают кричать от боли и оруженосцам странствующих рыцарей.

Дон Кихот посмеялся простодушию Санчо и сказал, что он никогда не читал в рыцарских романах, чтобы оруженосцам запрещалось стонать от боли. Поэтому Санчо может кричать, стонать и жаловаться, сколько ему вздумается.

Тут Санчо поглядел на солнце и заявил, что не мешало бы закусить.

Дон Кихот ответил, что он еще не чувствует голода, но если Санчо хочется есть, то пусть не стесняется.

Получив это милостивое разрешение, Санчо устроился поудобнее на своем осле, достал из котомки провизию и принялся закусывать. Каждый проглоченный кусок он запивал глотком

вина из бурдюка с таким удовольствием, что ему позавидовал бы любой хозяин постоянного двора. Плеться шажком и попивая винцо, Санчо размышлял о том, что странствовать в поисках приключений, хотя бы и самых опасных, вовсе не труд, а одно удовольствие.

Тем временем совсем стемнело, и наши путники, свернув с дороги, расположились на ночлег. Дон Кихот отломил от ближайшего дерева огромный сук и прикрепил к нему железный наконечник от сломанного копья. Желая во всем подражать славным героям своих излюбленных романов, Дон Кихот решил всю ночь провести без сна в мечтах о своей даме Дульсине.

А Санчо, плотно закусив, как мертвый проспал до утра. Если бы Дон Кихот не разбудил его, то он не проснулся бы ни от лучей солнца, ударявших ему прямо в лицо, ни от пения множества птиц, радостно приветствовавших наступление нового дня. Поднявшись, он первым делом взялся за бурдюк и очень опечалился, заметив, что винца в нем порядком поубавилось. Он боялся, что эту убыль ему не скоро удастся пополнить. Но Дон Кихот отказался от завтрака, ибо, как мы уже сказали, он питался одними сладостными мечтами.

Они поехали дальше по направлению к ущелью Пуэрто Лаписе и часам к трем дня добрались до него.

– Здесь, братец Санчо, – сказал Дон Кихот, – нас ждут необыкновенные приключения. Но помни: какие бы опасности ни угрожали мне, ты не должен обнажать меча на мою защиту. Оруженосцу позволяется помогать своему господину только тогда, когда на него нападает простая чернь – какой-нибудь сброд. Но если это будут рыцари, то по законам рыцарства тебе строжайше запрещается вмешиваться в бой, пока ты сам еще не посвящен в рыцари.

– Можете быть спокойны, сеньор, – ответил Санчо, – я не ослушаюсь ваших приказаний; я от природы человек миролюбивый и первый никогда в драку не полезу. Однако скажу прямо, – если мне придется защищать собственную шкуру, то тут уж я не посмотрю ни на какие рыцарские законы и буду обороняться от обидчиков, как сумею.

– Ну, это твое дело, – сказал Дон Кихот. – Я только хотел предупредить тебя. Никогда не вмешивайся в мои схватки с рыцарями. Постарайся сдерживать свой пыл и отвагу.

– На этот счет будьте покойны, ваша милость. Обещаю исполнять ваше приказание так же свято, как заповедь праздновать воскресные дни!

Глава 8 о славном бое между храбрым бискайцем и доблестным ламанчцем

Пока они вели эту беседу, на дороге показались два монаха-бенедиктинца²⁵. Они ехали на высоченных мулах, которых издали можно было принять за верблюдов. Зной и пыль заставили путников раскрыть широкие зонтики и надеть дорожные очки. За монахами ехала карета, окруженная четырьмя или пятью всадниками и двумя пешими погонщиками. (Как выяснилось впоследствии, в карете находилась дама, направлявшаяся в Севилью к мужу.) Едва Дон Кихот увидел монахов, он крикнул своему оруженосцу:

– Ну, братец Санчо, нам предстоит такое замечательное приключение, лучше которого и не придумаешь! Нет сомнения, что эти всадники в черном – злые волшебники, похитившие какую-то принцессу, чтобы увезти ее бог знает куда. Но я во что бы то ни стало должен расстроить их адскую затею.

– Смотрите, ваша милость, – ответил Санчо Панса, – как бы вам не впутаться в скверную историю. Эти всадники в черном просто-напросто монахи-бенедиктинцы, а в карете, должно быть, едут какие-нибудь путешественники. Остановитесь, сеньор! Подумайте хорошенько, что вы делаете!

– Я уже говорил тебе, Санчо, что ты ничего не смыслишь в рыцарских приключениях. Но меня не проведешь!

С этими словами он поскакал вперед, и, когда монахи приблизились на такое расстояние, что могли услышать эти слова, он остановил Росинанта и закричал громким голосом:

– О вы, злобные исчадия ада, освободите немедленно благородных принцесс, которых вы похитили, не то приготовьтесь принять смерть от моей руки, как достойную кару за ваши злодеяния!

²⁵ Бенедиктинец – монах ордена святого Бенедикта, основанного в VI веке. Орден обладал огромными богатствами и был чрезвычайно влиятелен.

Монахи придержали мулов и остановились, пораженные странным видом и нелепыми речами Дон Кихота. Опомнившись от изумления, они ответили:

– Сеньор рыцарь, мы вовсе не злобные исчадия ада, а монахи ордена святого Бенедикта. Мы путешествуем по своим делам. А кто едет или кого везут в этой карете, нам неизвестно.

– Нет, вам не обмануть меня! Знаю я вас, подлые лжецы! – воскликнул Дон Кихот.

И, не дожидаясь ответа, он прищпорил Росинанта и, опустив копье, с такой яростной отвагой напал на одного из монахов, что, если бы тот сам не бросился на землю, он бы, наверное, вышиб его из седла и опасно ранил, а не то, пожалуй, и убил.

Заметив, что монах лежит на земле, Санчо соскочил с осла и, подбежав к нему, стал снимать с него платье. Двое слуг, сопровождавших монахов, с угрозами набросились на Санчо. Напрасно Санчо кричал им, что по рыцарским законам он вправе получить добычу, которую завоевал в бою его господин. Слуги ничего не смыслили в рыцарских законах. Заметив, что Дон Кихот вступил в разговор с путешественницей и не глядит в их сторону, они повалили Санчо на землю и избили его до полусмерти. Тем временем перепуганный насмерть монах поднялся с земли, вскочил на мула и помчался к поджидавшему его поодаль спутнику. Затем оба бенедиктинца, не дожидаясь, чем кончится эта странная история, поскакали дальше, крестясь с таким ужасом, словно сам дьявол гнался за ними по пятам.

Между тем Дон Кихот обратился с такой речью к даме, сидевшей в карете:

– Ваша светлость, – начал он, – вольна теперь располагать собой, как ей заблагорассудится, ибо наглость ваших похитителей уже повержена в прах мощью моей руки. Но вы должны знать имя вашего спасителя. Я – Дон Кихот Ламанчский, странствующий рыцарь, плененный несравненной и прекрасной доньей Дульсинеей Тобосской. В награду за услугу, которую я вам оказал, прошу лишь об одном; поезжайте в Тобосо, явитесь пред лицом моей дамы и скажите ей, что это я даровал вам свободу.

Один из конюхов, сопровождавших карету, родом бискаец²⁶, услышав, что Дон Кихот требует, чтобы они вернулись в Тобосо, подъехал к нему, схватил за копьё и закричал на ломаном испанском языке:

– Ходи себе, рыцарь, ходи к черту! Клянусь господом создателем, пусти карету, не то твоя голова долой, не будь я бискаец!

Дон Кихот отлично его понял и с большим достоинством ответил:

– Жалкое создание! Если бы ты был не слугою, а рыцарем, я проучил бы тебя за дерзость и нахальство.

Но взбешенный бискаец закричал:

– Как не рыцарь! Клянусь богом, ты врешь! Бросай копьё, бери меч. Я – бискайская земля, идальго на море, идальго на земле. Я тебе покажу, рыцарь я или нет.

Эти дерзкие слова привели в ярость Дон Кихота.

– О Дульсинея, госпожа моего сердца и цвет красоты, помогите вашему рыцарю, который вступает в отчаянный бой, чтобы воздать должное вашей добродетели.

И, швырнув копьё на землю, он выхватил меч и с бешеной отвагой устремился на бискайца. Но и бискаец не струсил. В мгновение ока он вытащил из стоявшей рядом кареты подушку и прикрылся ею, словно щитом, и поджидал врага, не двигаясь с места. Зрители, затаив дыхание, взирали на эту страшную схватку. Дама в карете и ее служанки творили молитвы, призывая всех святых на помощь своему слуге.

²⁶ Бискаец – баск.

Первым нанес удар вспыльчивый бискаец. Он обрушился на врага с такой яростью и силой, что, не повернись у него в руке меч, этот удар положил бы конец не только жестокому поединку, но и всем дальнейшим похождениям нашего рыцаря. Но благосклонная судьба, хранившая Дон Кихота для новых подвигов, повернула меч в руке противника так, что удар пришелся плашмя по левому плечу. Однако шлем его был разбит, край уха срезан, а с левого бока сорваны доспехи, которые с ужасающим грохотом упали на землю.

Какое перо может описать ярость, охватившую Дон Кихота? Выпрямившись в стременах, он с таким бешенством ударил бискайца по голове, что у того из носа, рта и ушей полилась кровь, он зашатался и, наверное бы, вылетел из седла, если бы не ухватился за шею своего мула. Поводья выпали у него из рук, ноги выскользнули из стремян; перепуганный мул помчался по полю и наконец сбросил своего хозяина на землю.

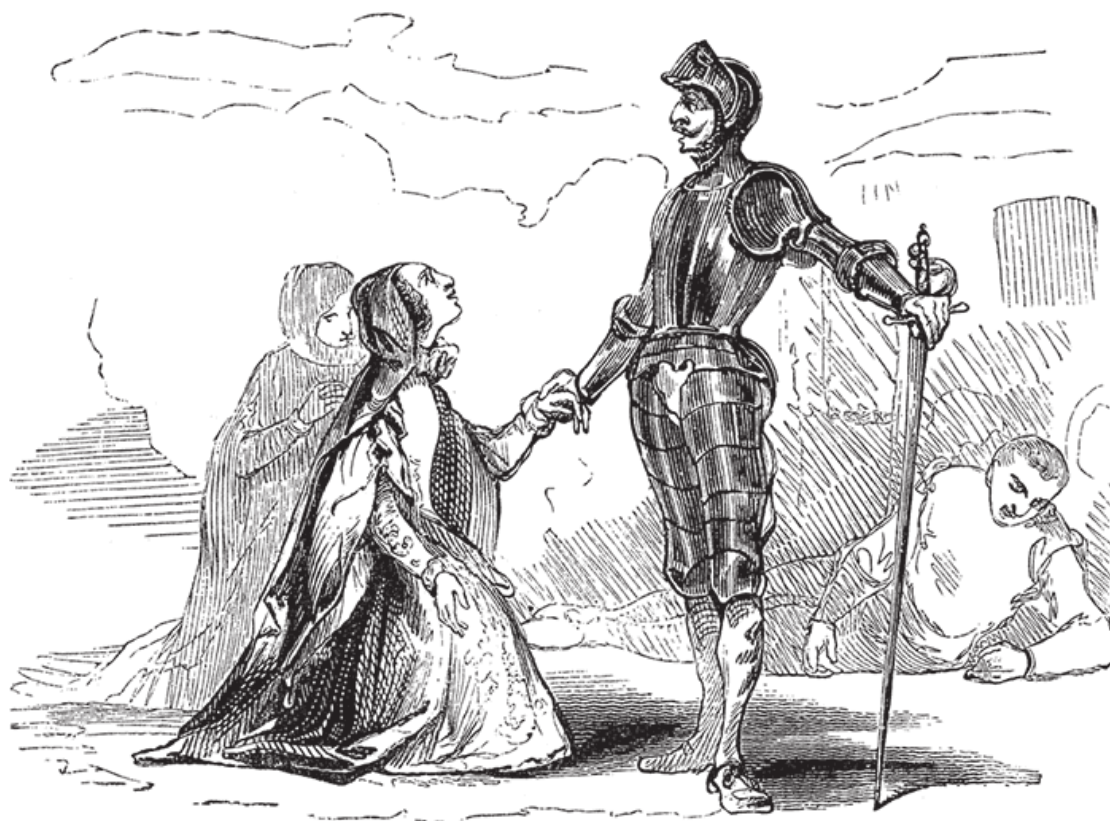
Когда бискаец свалился, Дон Кихот спрыгнул с лошади, подбежал к поверженному врагу и, занеся над ним свой меч, крикнул, чтобы тот сдавался. Но бискаец был так оглушен, что не мог вымолвить ни слова; ему, наверное, пришлось бы худо: ослепленный гневом, Дон Кихот не пощадил бы его. Но, на счастье бедняги, дама, с трепетом следившая за поединком, выскочила из кареты и кинулась к нашему рыцарю, моля даровать жизнь ее слуге.

– Я всегда к вашим услугам, прекрасная дама, – с большой важностью и достоинством ответил Дон Кихот, – и с удовольствием исполню вашу просьбу, но на одном условии: этот рыцарь должен обещать мне, что он отправится в село, называемое Тобосо, и предстанет от моего имени перед несравненной доньей Дульсинеей, а уж она распорядится им, как ей будет угодно.

Перепуганная и огорченная дама, не разобрав толком, о чем он ее просит, и даже не расспросив, кто такая эта Дульсинья, обещала, что ее слуга в точности исполнит приказание рыцаря.

– Я верю вашему слову, – сказал Дон Кихот, – и пощажу его, хотя он заслуживает жестокой кары.

Глава 9 об интересной беседе, которую вели между собой Дон Кихот и Санчо Панса

Тем временем Санчо Панса, жестоко избитый слугами монахов, кое-как поднялся на ноги и с большим вниманием следил за поединком Дон Кихота. Он горячо молил бога даровать победу нашему рыцарю и помочь ему завоевать какой-нибудь остров, где бы Санчо, согласно обещанию своего господина, сделался губернатором. Увидев, что бой кончен и что господин его собирается сесть на Росинанта, он бросился перед ним на колени, поцеловал его руку и сказал:

– Да будет угодно вашей милости, сеньор мой Дон Кихот, пожаловать мне губернаторство на острове, который вы завоевали в этом жестоком бою. Как бы он ни был велик, я чувствую, что могу и буду управлять им ничуть не хуже всех других губернаторов на свете.

На это Дон Кихот ответил:

– Заметь себе, брат Санчо, что такие приключения часто случаются со странствующими рыцарями на перекрестках дорог: тебе могут проломить голову или отрубить ухо, но ничего другого они тебе не принесут. Потерпи немного – будут у нас приключения и поважнее; тогда я сделаю тебя не только губернатором острова, но и кем-нибудь повыше.

Санчо горячо поблагодарил Дон Кихота, еще раз поцеловал ему руку и край кольчуги и помог сесть на Росинанта; потом взобрался на своего осла и поехал следом за ним. Дон Кихот, не сказав на прощанье ни слова даме, сидевшей в карете, быстро поскакал вперед. Санчо трусил за ним, изо всех сил подгоняя своего ослика, однако ему было не угнаться за Росинантом. Санчо скоро отстал. Тогда он принялся кричать своему господину, чтобы тот его подождал. Услышав эти крики, Дон Кихот придержал Росинанта. Поравнявшись с ним, Санчо сказал:

– Думается мне, сеньор, что для нас благоразумнее всего укрыться в какой-нибудь церкви: ведь человек, с которым вы только что сразились, получил такие тяжелые повреждения, что не будет удивительно, если об этом происшествии донесут Санта Эрмандад²⁷. Тогда нас посадят в тюрьму, и нам немало придется попотеть, прежде чем мы выберемся оттуда.

– Замолчи, – сказал Дон Кихот. – Слышанное ли дело, чтобы странствующего рыцаря сажали в тюрьму за убийство противника на поединке!

– Про убийства я ничего не знаю, – ответил Санчо, – и сам я отроду этим делом не занимался, но зато я хорошо знаю, что Санта Эрмандад очень интересуется теми, кто затевает драки на больших дорогах.

– Не тревожься, друг мой, – сказал Дон Кихот, – я тебя освобожу из любой тюрьмы. Но скажи мне по совести: видал ли ты когда-нибудь на свете рыцаря отважнее меня? Читал ли ты в романах, чтобы какой-нибудь рыцарь проявил больше смелости при нападении, упорства в защите и ловкости при нанесении удара?

– По правде сказать, – ответил Санчо, – я никогда в жизни не читал никаких романов, потому что я читать не умею, да и писать тоже. Но я готов побиться об заклад, что более отважному господину, чем ваша милость, я никогда не служил за всю мою жизнь. Лишь бы вам не пришлось расплачиваться за всю эту отвагу в том укромном местечке, о котором я только что упоминал. Однако, ваша милость, вам следует позаботиться о себе: ведь у вас из уха сильно идет кровь, а у меня в сумке есть корпия и немножко белой мази.

²⁷ Санта Эрмандад (дословно – святое братство) – первоначально так назывались вольные союзы городских и сельских жителей, целью которых была защита себя и своего имущества от бесчинства феодалов и их приспешников. Постепенно при поддержке королевской власти Санта Эрмандад из вольной лиги превратилась в административное учреждение для борьбы с преступлениями, совершенными на больших дорогах и в более отдаленных и диких местностях Испании.

– Все это было бы лишним, – ответил Дон Кихот, – если бы я не забыл приготовить склянку чудотворного бальзама Фьерабраса: одной капли его было бы достаточно, чтобы исцелить любую рану.

– А что это за бальзам? – спросил Санчо Панса.

– Состав этого бальзама, – ответил Дон Кихот, – я помню очень хорошо. Вот погоди, в первом же селении я приготовлю его и дам тебе. Если когда-нибудь в битве могучий противник разрубит меня пополам (а это случается со странствующими рыцарями), ты осторожно подними ту мою половину, которая упала на землю, и приложи ее к той, что осталась в седле, только смотри, чтобы они пришились аккуратно друг к другу. Затем дай мне выпить два-три глотка этого бальзама, и я снова буду жив и здоров, как ни в чем не бывало.

– Ну, в таком случае, – сказал Санчо, – не надо мне никакого губернаторства. В награду за мою великую и верную службу я прошу только одного: дайте мне, ваша милость, рецепт этой удивительной жидкости. Я нисколько не сомневаюсь, что ваш бальзам всегда и везде можно будет продать по два реала за унцию, а может быть, и дороже. А этого мне за глаза довольно, чтобы честно и спокойно дожить свой век. Скажите, однако, дорого ли обходится его приготовление?

– На три реала его можно изготовить три асумбры²⁸, – ответил Дон Кихот.

– Так чего же вы ждете, ваша милость! – воскликнул Санчо. – Отчего вы сами его не делаете и меня не научите?

– Молчи, друг мой, – ответил Дон Кихот, – еще не такие тайны я открою тебе и не такими милостями осыплю. Ну, а теперь займемся моим ухом: оно у меня болит больше, чем мне бы хотелось.

Санчо вынул из сумки корпию и мазь. Но когда Дон Кихот снял шлем и увидел, как он исковеркан, то едва не лишился чувств. Положив руку на меч и подняв глаза к небу, он сказал:

– Клянусь творцом мира и четырьмя Евангелиями, что отныне я буду вести такую же жизнь, какую вел великий маркиз Мантуанский, когда он поклялся отомстить за смерть своего племянника Балдуина; клянусь не вкушать хлеба со скатерти, не ночевать под крышей, не снимать доспехов и не возвращаться домой до тех пор, пока я не отомщу тому, кто нанес мне подобное оскорбление.

Услышав эти слова, Санчо сказал:

– Что вы говорите, ваша милость, сеньор Дон Кихот! Ведь если побежденный вами рыцарь исполнил ваше приказание и отправился с поклоном к госпоже Дульсинее Тобосской, – значит, он чист перед вами и не заслуживает нового наказания, пока не совершит другого преступления.

– Ты прав, Санчо, – отвечал Дон Кихот. – И я отказываюсь от мести этому рыцарю. Но я буду верен моей клятве до тех пор, пока силой не отниму у какого-нибудь рыцаря такой же прекрасный шлем, как этот. И не думай, Санчо, что мои слова, как дым от соломы, уносит ветер. Ведь я следую великим примерам: то же самое случилось со шлемом Мамбрина, который так дорого обошелся Сакрипанту.

– Да пошлите вы к черту, ваша милость, все эти обеты! – воскликнул Санчо. – Они только здоровью во вред и совести в ущерб. Ну, а если мы долго не встретим ни одного человека в шлеме? Что вы тогда станете делать? Неужели же вы неуклонно будете исполнять ваш обет – спать одетым, ночевать под открытым небом и подвергать себя тысячам других лишений по примеру выжившего из ума старика, маркиза Мантуанского? Подумайте, ваша милость: ведь по всем этим дорогам разъезжают не вооруженные рыцари, а простые погонщики да мирные жители окрестных местечек. Эти бедняки не только никогда не видали шлемов, но, пожалуй, и не слыхивали о них.

²⁸ Асумбра – мера жидкости, немного больше двух литров.

– Ошибаешься, – ответил Дон Кихот. – Не пройдет и двух часов, как мы повстречаем на нашем пути больше вооруженных людей, чем было их в армии, осаждавшей Альбраку из-за прекрасной Анджелики²⁹.

– Ну, ладно, пусть будет по-вашему, – ответил Санчо. – Дай только бог, чтобы нам повезло и мы поскорей завоевали остров, который мне так дорого обходится, а уж там я умру спокойно.

– Я уже говорил, Санчо, что тебе нечего об этом беспокоиться: не будет острова, так найдется какое-нибудь королевство, вроде Дании или Собрадисы³⁰, которое отлично подойдет тебе, – словно перстень на палец. Ты от этого только выиграешь: ведь королевства эти не какие-нибудь жалкие острова, окруженные бушующим морем; туда можно добраться и по твердой земле. Впрочем, мы поговорим об этом в свое время, а теперь посмотри, не найдется ли у тебя в сумке чего-нибудь закусить. Подкрепившись, мы тотчас же отправимся на поиски какого-нибудь замка, там переночуем, и я приготовлю бальзам, о котором я тебе говорил, ибо, клянусь богом, мое ухо болит нестерпимо.

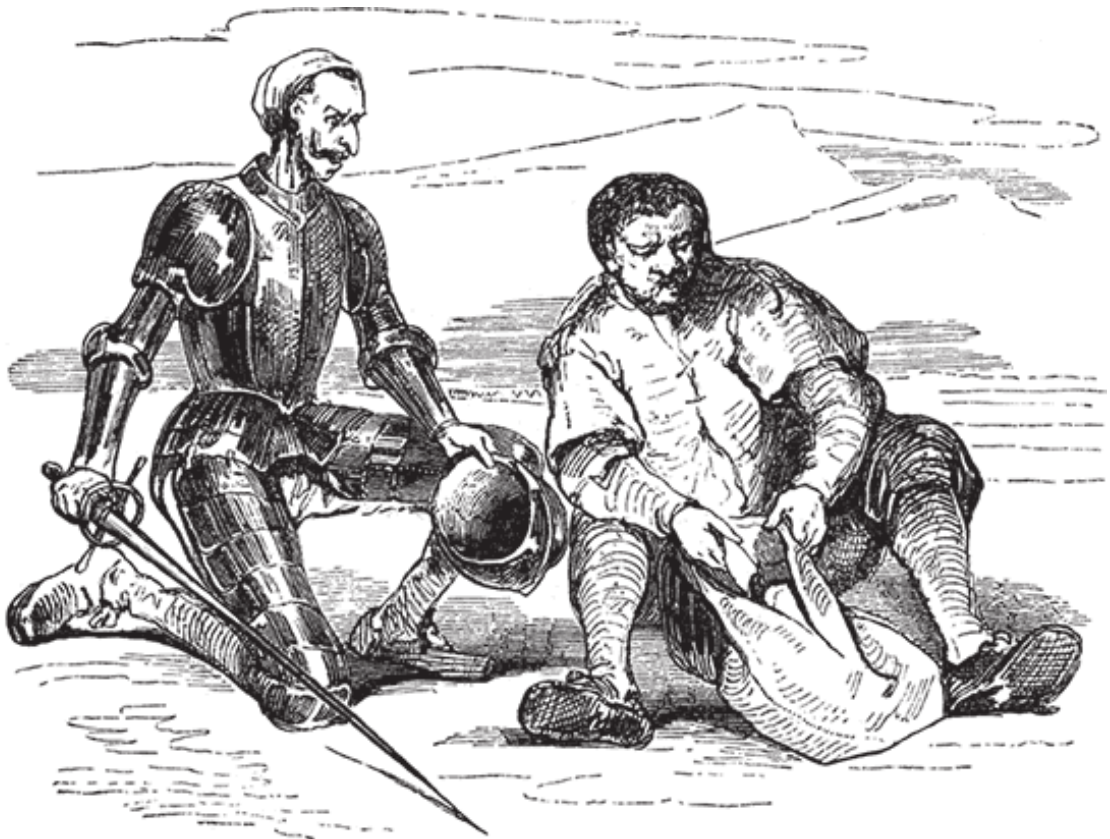
– У меня всего-навсего луковица, кусочек сыра да несколько корок хлеба, – сказал Санчо. – Все это – кушанья, недостойные столь доблестного рыцаря, как ваша милость.

– Как мало ты в этом смыслишь! – воскликнул Дон Кихот. – Знай, Санчо, доблесть странствующих рыцарей состоит именно в том, чтобы не есть по целым месяцам. Во всяком случае, они совсем неприхотливы в пище и едят все, что попадется под руку. Если бы ты прочел столько романов, сколько прочел я, ты бы знал, что самые славные рыцари вкушали пищу лишь на пышных пирах, которые устраивали в их честь, а в остальное время питались ароматами цветов. Конечно, надо думать, что они подкрепляли свои силы и чем-нибудь более существенным. Ведь рыцари такие же люди, как и все, и не могут обходиться без еды. А так как они большую часть жизни проводили в лесах и пустынях, то, вероятно, им приходилось довольствоваться самой простой деревенской пищей, вроде той, какую ты мне предлагаешь. Поэтому, друг Санчо, пусть не огорчает тебя то, что радует меня, ибо для меня нет ничего слаще, как следовать примеру моих великих предшественников. Да и подобает ли заботиться о еде тому, чьи помыслы направлены на обновление погрязшего в пороках и грехах мира! Так не старайся же заставить меня нарушить священные обычаи странствующих рыцарей.

²⁹ В поэме Боярдо «Влюбленный Роланд» Агрикан, царь татарский, осаждает сильную крепость Альбраку с войском в два миллиона солдат, чтобы овладеть прекрасной Анжеликой, дочерью короля Ралафрона.

³⁰ Фантастические государства, о которых говорится в «Амадисе Галльском».

– Простите меня, ваша милость, – ответил Санчо. – Ведь я не умею ни читать, ни писать. Так немудрено, что рыцарские правила мне неизвестны. Впредь я буду возить для вас мешок с сушеными плодами, а для себя припасу что-нибудь повкуснее да пожирнее.

– Я вовсе не говорю, Санчо, – возразил Дон Кихот, – что странствующие рыцари не могут ничего есть, кроме сушеных плодов. Я хотел только сказать, что обычно они питались ими да еще кой-какими полевыми травами. Я хорошо знаю эти травы и сумею их отыскать.

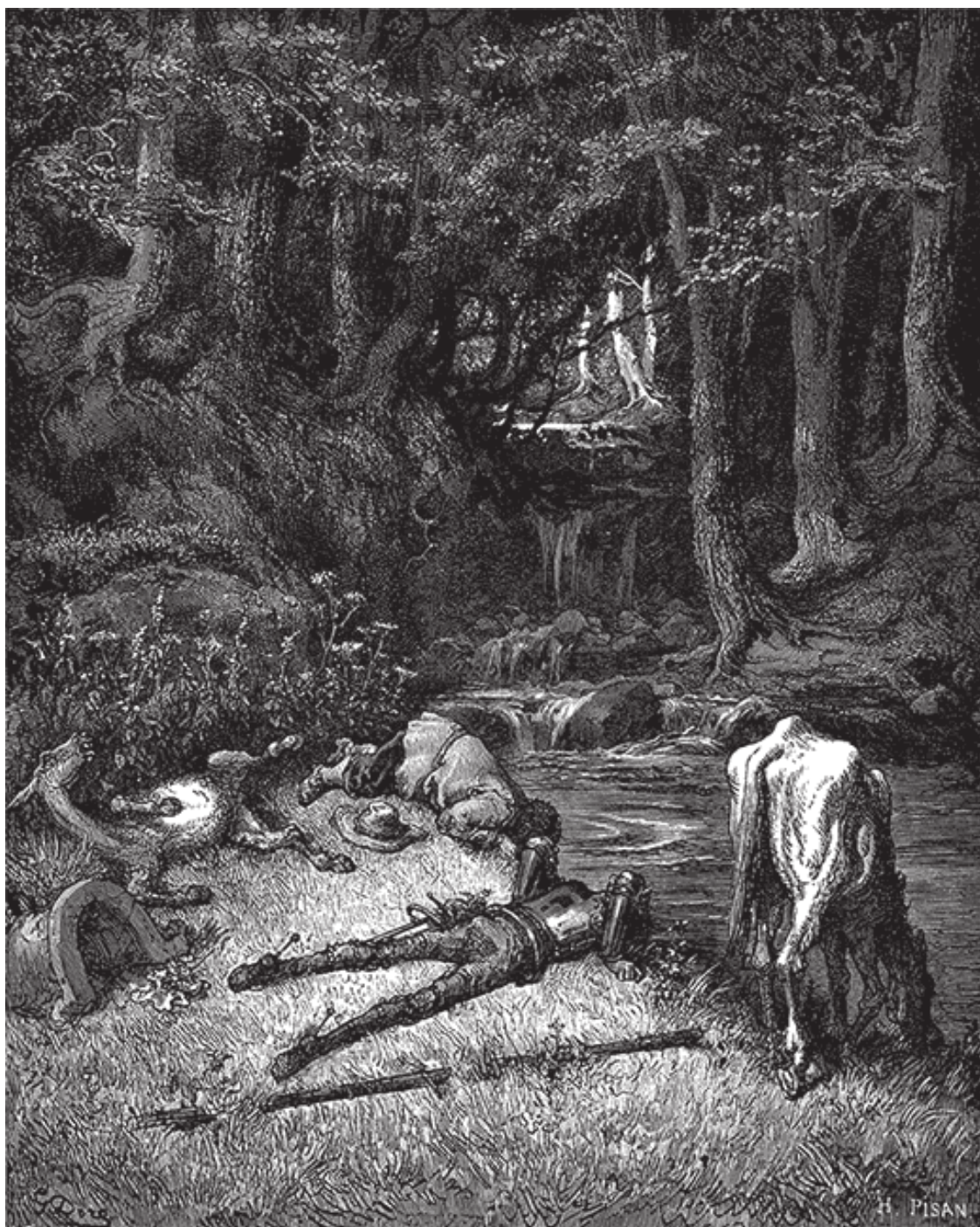
– Вот это преполезная наука, – заметил Санчо. – Чует мое сердце, что когда-нибудь она нам пригодится.

Глава 10, в которой рассказывается о злосчастной встрече Дон Кихота с янгуэскими погонщиками

Тут Дон Кихот и Санчо сошли со своих скакунов, раскрыли сумку со съестными припасами и в добром мире и согласии, не считаясь чинами, принялись дружно уплетать то, что в ней нашлось.

Тем временем Росинант и осел паслись на свободе в густой траве. Положившись на смирный нрав Росинанта, Санчо не позаботился спутать ему ноги.

Однако рок или, вернее, дьявол сыграл с нашими друзьями злую шутку. Тут же на лугу паслись лошади погонщиков из Янгуэса. Увидев лошадей, Росинант, соскучившийся в одиночестве, пустился к ним навстречу. Однако янгуэские красавицы обошлись с ним очень неприветливо. Они принялись дружно кусать и лягать беднягу. Не прошло и минуты, как подпруга была разорвана и седло лежало на земле. На шум прибежали погонщики. Увидев чужого коня в своем табуне, они пустили в ход тяжелые дубины и так отделали несчастного Росинанта, что тот почти замертво свалился на землю.

– Сразу видно, друг Санчо, – сказал Дон Кихот, – что это не рыцари, а низкие и жалкие людишки. А, стало быть, ты смело можешь помочь мне отомстить им за Росинанта.

– Какая тут, к черту, месть, – ответил Санчо, – когда их больше двадцати человек, а нас всего двое, чтобы не сказать полтора.

– Я один стою сотни, – сказал Дон Кихот. И, не тратя лишних слов, он обнажил свой меч и бросился на янгуюэцев. Подстрекаемый отвагой своего господина, Санчо Панса последовал его примеру. С первым же ударом Дон Кихот тяжело ранил одного из погонщиков. На минуту янгуюэцы растерялись, но, видя, что нападающих всего двое, ободрились и взялись за дубинки. Окружив противников, они принялись с замечательной ловкостью и проворством осыпать их жестокими ударами. Неравный бой длился очень недолго: через несколько минут Санчо свалился на землю, а Дон Кихот, которому в этой схватке мало помогли все его искусство и мужество, упал к ногам Росинанта. Ведь дубинка – страшное оружие в руках разъяренных крестьян. Увидев, что противники лежат без движения, погонщики подумали, что они убили незнакомцев. Боясь, как бы их не притянули к ответу за убийство, янгуюэцы с величайшей поспешностью навьючили своих лошадей и двинулись в дальнейший путь, оставив двух искателей приключений валяться на земле.

Первый очнулся Санчо Панса. Осмотревшись, он увидел, что его господин лежит рядом. Тогда он произнес слабым, жалобным голосом:

– Сеньор Дон Кихот! А сеньор Дон Кихот!

– Что, братец Санчо? – простонал в ответ Дон Кихот.

– Я хотел бы, – ответил Санчо Панса, – чтобы ваша милость могла угостить меня глотком-двумя бальзама Ферта Бласе. Может быть, он так же хорошо помогает от ударов крестьянской дубины, как и рыцарского меча.

– Увы! – воскликнул Дон Кихот. – Если бы он был у нас, нам нечего было бы желать. Но клянусь тебе, Санчо Панса, честью странствующего рыцаря, что не пройдет двух дней, и, если только судьба не воспротивится, я добуду его.

– Как полагает ваша милость, когда заживут наши синяки? – спросил Санчо Панса.

— О моих синяках, — ответил избитый рыцарь, — я ничего не могу сказать; впрочем, больше всего меня мучает, что во всем случившемся виноват я сам. Мне не следовало обнажать меч против людей, не посвященных в рыцарское звание. И потому бог сражений справедливо покарал меня за это нарушение рыцарских законов. Да, Санчо Панса, запомни хорошенько, что я тебе скажу, ибо это послужит на пользу нам обоим: как только ты увидишь, что презренная чернь собирается напасть на нас, не жди, чтобы я обнажил против нее мой меч, а берись скорей за свой и накажи ее, как тебе вздумается. Но если на выручку и на подмогу черни явятся рыцари, тогда уж я сумею защитить тебя и дать им достойный отпор. Ведь ты на тысяче примеров мог убедиться, как велика мощь моей доблестной руки.

Вот как возгордился бедный наш сеньор после своей победы над храбрым бискайцем. Но Санчо Панса был другого мнения, чем его господин, и потому, вместо того, чтобы промолчать, ответил:

— Сеньор, я человек смирный, кроткий, миролюбивый и готов стерпеть любую обиду, потому что у меня есть жена и дети, которых надо прокормить и поставить на ноги. А потому я, с разрешения вашей милости, ни в коем случае не подниму меча ни на простолюдина, ни на рыцаря. Я наперед прощаю все обиды, которые мне нанесли или нанесут еще. Пускай моим обидчиком будет знатный человек или простой, богач или бедняк, идальго или крестьянин, — мне все равно: я никого не трону.

Услышав это, Дон Кихот сказал:

— Хотел бы я, чтобы у меня не так болели ребра. Тогда бы я подробно объяснил тебе, Санчо, как ты заблуждаешься. Слушай, грешник. Вообрази себе, что ветер судьбы, доселе к нам неблагоприятный, вдруг переменялся на попутный и, надув паруса наших желаний, благополучно пригнал нас в гавань того острова, который я обещал тебе. Боюсь, что ты не справишься со своей новой должностью. Ведь ты не хочешь мстить за обиды, доблестно защищать свою честь, мужественно бороться за свои права. А между тем обычно жители завоеванных стран неохотно покоряются новому повелителю, и ему необходимы мужество и твердость, чтобы господствовать над ними.

– Хотелось бы мне обладать сейчас тем мужеством и твердостью, о которых толкует ваша милость, – ответил Санчо Панса, – уж очень тяжело мне приходится. Клянусь честью бедняка, сейчас я больше нуждаюсь в припарках, чем в поучениях. Попробуйте-ка встать на ноги, сеньор, и давайте поможем подняться Росинанту, хотя он этого и не заслуживает: ведь именно он – причина нашего несчастья. Вот уж никогда не ждал я от Росинанта такой прыти, всегда считал его таким же благоразумным и миролюбивым, как я сам. Правду говорят, что не так-то просто разгадать своего ближнего. И кто бы мог ожидать, что за победоносными ударами меча, которыми вы наградили того несчастного странствующего рыцаря, так быстро последует град палочных ударов, обрушившихся на наши плечи!

– Твои-то плечи, Санчо, – сказал Дон Кихот, – привыкли к этому, а каково мне, которого никто никогда и пальцем не смел тронуть. Если бы я не думал – да что я говорю! – если бы я не был уверен, что на долю многих рыцарей выпадали подобные невзгоды, я умер бы с досады.

На это оруженосец ответил:

– Но раз, сеньор, такие невзгоды неизбежны для странствующих рыцарей, так сделайте милость, скажите мне, сыплются ли они все время понемножку, или для них есть какие-нибудь положенные сроки. Боюсь, что нам не выдержать больше и двух таких приключений!

– Знай, друг мой Санчо, – ответил Дон Кихот, – что жизнь странствующих рыцарей полна опасностей и злоключений, но зато каждый из них может надеяться завоевать себе королевскую и даже императорскую корону. Если бы у меня не болел так бок, я бы тебе рассказал, как некоторые из них одной лишь доблестью достигли королевского престола. Но даже после этого они нередко претерпевали великие страдания и бедствия. Прекрасным примером превратностей рыцарской судьбы может служить доблестный Амадис Галльский, который попал однажды в руки своего смертельного врага, волшебника Аркалая. Аркалай привязал его к столбу на дворе своего замка и дал ему более двухсот ударов уздой своего коня. И мне совсем не подобает жаловаться на страдания, ибо несчастья этих доблестных и благородных людей во много раз превосходят мои. К тому же раны, нанесенные случайно подвернувшимся под руку оружием, не считаются позорными. На этот счет имеются ясные указания в правилах о поединках, где говорится: «Если один сапожник ударит другого колодкой, которую держит в руке, то, хотя колодка эта сделана из дерева, нельзя считать, что тот, кого ударили ею, избит палкой». Не думай, что в этой несчастной схватке пострадала наша честь: ведь эти люди дрались простыми дубинами. Ни у одного из них, насколько мне помнится, не было при себе ни меча, ни шпаги, ни кинжала.

– У меня не было времени рассмотреть, чем они там дрались, – ответил Санчо. – Не успел я оглянуться, как они так попотчевали меня своими палицами, что у меня свет померк в глазах и ноги подкосились. К тому же у меня нет никакой охоты думать о том, пострадала ли моя честь от палочных ударов или нет. Довольно и того, что они так же крепко врезались мне в память, как и в ребра.

– Знай же, братец Санчо, – сказал Дон Кихот, – что нет горя, которое бы не забылось, и боли, которую бы не исцелила смерть.

– Да разве есть на свете невзгоды, – ответил Санчо, – хуже тех, которые может облегчить только время, а исцелить смерть? Если бы нашему горю могла пособить простая мазь, так это было бы еще не горе. Но мне сдается, что все больничные пластыри нам сейчас мало помогут.

– Не унывай, друг Санчо! Бери пример с меня, – сказал Дон Кихот. – Давай-ка лучше посмотрим, как обстоит дело с Росинантом. Думается мне, что бедняге досталось не меньше нашего.

– Чему же тут удивляться, – ответил Санчо, – раз он сделался странствующим конем. Еще удивительно, что осел мой так дешево отделался: он не потерял ни единого волоска, тогда как мы едва не лишились кожи.

– Судьба в невзгодах всегда оставляет лазейку, чтобы можно было выбраться из них, – сказал Дон Кихот. – Говорю я это к тому, что твоя скотина может на этот раз заменить Росинанта и довезти меня до какого-нибудь замка, где позаботятся о моих ранах. Я вовсе не считаю такой способ передвижения унижительным для рыцаря; помнится, я читал где-то, что добрый старый Силен, приемный отец и воспитатель веселого бога смеха, въехал в Стовратный город, сидя верхом на прекрасном осле³¹.

– Да ведь он сидел верхом, ваша милость, – молвил Санчо. – Большая разница – сидеть верхом или лежать поперек седла вроде мешка с мусором.

На это Дон Кихот ответил:

– Раны, полученные в бою, всегда приносят честь, друг Панса. Поэтому не спорь больше, а лучше постарайся поудобнее уложить меня на осла. Нам надо поторопиться, чтобы ночь не застала нас в этом глухом месте.

– Но я слышал от вашей милости, – сказал Панса, – что странствующие рыцари предпочитают проводить ночь под открытым небом.

– Это случается, – ответил Дон Кихот, – когда им не удастся устроиться иначе или когда они влюблены. Правда, был один рыцарь, который простоял на скале целых два года, терпя зной, стужу и всякую непогоду, между тем как его дама сердца и не знала об этом. Знаменитый Амадис Галльский, навлекши на себя немилость своей дамы сердца, на целых восемь лет удалился в пустыню. Там он молился и каялся, проливая обильные слезы и моля суровую повелительницу о прощении. За все это время он ни разу не ночевал под кровом, не вкушал горячей пищи, не обновлял одежды. Можно привести и другие примеры. Но довольно болтать, Санчо. Поторопись, пока и с ослом не стряслось еще какой-нибудь беды.

– Авось, на этот раз дьявол не попутает, – сказал Санчо.

И, испустив десятка три охов и ахов, шесть десятков вздохов и дюжин десять проклятий по адресу того, кто его впутал в такое дело, он с трудом встал с земли. Согнувшись в три погибели, хромая и пошатываясь, он пошел к ослу и оседлал его. Осел тоже имел какой-то жалкий вид, словно сочувствовал беде хозяина. Санчо усадил на него Дон Кихота, привязал сзади Росинанта и, взяв осла за узду, поплелся кое-как в сторону большой дороги.

³¹ Силен – по поверьям древних греков, воспитатель бога виноделия Вакха (Диониса), страстный поклонник вина и веселых праздников. Силена часто изображали пьяным, верхом на осле.

Но судьба сжалилась над ним: не успел он пройти и мили, как завидел вдали постоялый двор, который Дон Кихот тотчас же принял за замок. Напрасно Санчо убеждал его, что это постоялый двор. Дон Кихот упорно утверждал, что это замок. Их спор тянулся до тех пор, пока они не подъехали к воротам. Тут Санчо, не спрашивая, куда попал, последовал во двор со всем своим обозом.

Глава 11 о том, что случилось с Дон Кихотом и верным его оруженосцем на постоялом дворе, который рыцарь принял за замок

Хозяин постоялого двора, увидев Дон Кихота, лежащего поперек осла, спросил Санчо, что за беда случилась с этим беднягой. Санчо ответил, что он свалился со скалы и расшиб себе бока. Услышав это, хозяйка, женщина от природы сердобольная и сострадательная, поспешила на помощь Дон Кихоту и велела своей дочери, молоденькой и миловидной девушке, ухаживать за новым постояльцем. Вместе со служанкой, здоровой, рослой астурийкой с кривым глазом и плоским затылком, по имени Мариторнес, они приготовили для нашего рыцаря постель на чердаке, где еще раньше устроился на ночлег богатый погонщик мулов из Аревало. Постель эта была устроена из трех-четырех досок, кое-как укрепленных на двух скамейках разной вышины; на доски был положен тощий тюфяк; шерсть в этом тюфяке свалилась в твердые, словно булыжник, комья; две простыни, жесткие, как буйволовая кожа, да жалкое дырявое одеяло дополняли убранство этого дьявольского ложа.

Дон Кихота уложили на эту убогую постель, и хозяйка с дочкой тотчас принялись облеплять его пластырями. Во время этой операции хозяйка заметила на теле бедного идадьго множество синяков и сказала, что эти синяки похожи скорее на следы доброй дубины, чем на ушибы от падения.

– Доброй дубины? – ответил Санчо. – Нет, просто скала была усеяна остриями и выступами, и каждый камень оставил по синяку.

При этом он добавил:

– Сделайте милость, хозяйюшка, поберегите немного этого пластыря. Он еще кой-кому пригодится: у меня самого ломит поясницу.

– Вы, стало быть, тоже свалились? – спросила хозяйка.

– Я-то не падал, – ответил Санчо Панса, – но, когда мой господин упал, я так перепугался, что у меня все тело заныло, словно мне всыпали тысячу палок.

– Это бывает, – сказала хозяйкина дочка. – Мне самой часто случается видеть во сне, будто я падаю с башни и все не могу упасть. Проснувшись же, я чувствую себя такой разбитой, как будто и в самом деле упала.

– В том-то и дело, сеньора, – сказал Санчо, – что я вовсе не во сне, а наяву покрылся синяками, точь-в-точь как мой господин Дон Кихот.

– Как зовут этого кабальеро? – спросила служанка Мариторнес.

– Дон Кихот Ламанчский, – ответил Санчо Панса. – Он странствующий рыцарь, один из самых славных и могучих, каких только видывали на свете.

– А кто такие – странствующие рыцари? – опять спросила служанка.

– Вот простота! – воскликнул Санчо Панса. – Неужели же вы ничего не слышали о них? Так знайте же, сестрица, что странствующий рыцарь – самое занятное существо на свете. Сегодня он может быть избит до полусмерти, а завтра, глядишь, он уже император; сегодня он жалкий бедняк, а завтра у него три-четыре королевства на выбор для своего оруженосца.

– Как же это так? – спросила хозяйка. – Ведь если ваш господин такая важная особа, так почему же вы еще не обзавелись хотя бы каким-нибудь графством?

– Не так скоро это делается, – ответил Санчо. – Всего лишь месяц, как мы выехали на поиски приключений, и до сих пор еще не встретили ни одного стоящего. Бывает иной раз,

что пошел за одним, а нашел совсем другое. Но говорю вам, если только господин мой, Дон Кихот, оправится от своих ран, то есть ушибов, да и я жив останусь, так на мою долю достанется кое-что получше первейшего княжества Испании.

Дон Кихот очень внимательно прислушивался к этому разговору. Приподнявшись с трудом на своей постели, он взял хозяйку за руку и сказал:

– Поверьте, прекрасная сеньора, вы можете считать за счастье, что приютили в своем замке такую особу, как я. Сам я не стану рассказывать вам о себе, ибо хвалиться – значит унижать себя. Но мой оруженосец поведает вам, кто я. Скажу только, что в моей памяти навеки запечатлеется услуга, оказанная мне вами, и что всю жизнь я буду вам за нее благодарен. И если бы любовь уже не накинула на меня сети, подчинив власти волшебных глаз жестокой красавицы, имя которой я произношу не иначе, как шепотом, то глаза этой прекрасной девицы стали бы властителями моей свободы.

В смущении слушали хозяйка, дочь ее и добрая Мариторнес слова странствующего рыцаря, которые были так же мало понятны им, как если бы он говорил по-гречески. Правда, они догадывались, что рыцарь благодарит их в самых любезных выражениях, но решительно не знали, что отвечать ему, и только смотрели на него во все глаза. Поистине он им казался каким-то особым существом. Пожелав ему доброй ночи, хозяйка с дочерью покинули его, а служанка Мариторнес занялась Санчо, который нуждался в помощи не меньше своего господина. Покончив с этим делом, она также спустилась вниз, и наши путники остались одни.

Убогое и жесткое ложе Дон Кихота было первым от входа на чердак; Санчо расположился рядом с ним; постель погонщика стояла несколько поодаль. Проведав своих мулов и задав им на ночь корм, погонщик поднялся на чердак, улегся и тотчас же заснул. Санчо старался последовать его примеру, но сильная боль в боках мешала ему забыться.

Дон Кихот мучился от боли не меньше Санчо и лежал с открытыми, как у зайца, глазами, бесцельно вглядываясь в темноту. Вскоре весь дом погрузился в тишину, и все огни были погашены, кроме одной лампы, висевшей у входа.

Эта глубокая тишина, а также воспоминания о приключениях, которыми были полны его любимые романы, внушали нашему идальго одну из самых странных и нелепых мыслей, какие только можно вообразить. Ему представилось, что он попал в какой-то великолепный замок и что дочь хозяина, плененная его благородной внешностью, влюбилась в него и обещала прийти сегодня ночью к нему на свидание. Принимая весь этот бред за чистую правду, он стал тревожно размышлять о тех опасных искушениях, которым могла подвергнуться его добродетель. Он принял твердое решение не изменять своей даме, Дульсинее Тобосской, хотя бы даже сама королева Джиневра³² призналась ему в своей любви.

³² Джиневра – жена легендарного английского короля Артура, героиня множества средневековых легенд и романов.

На беду, Мариторнес понадобилось что-то на чердаке. Осторожно, стараясь не шуметь, она поднялась наверх. Но едва она переступила порог, как Дон Кихот, заслышав ее шаги, присел на кровати и стал ждать ее приближения. Пробираясь в темноте, астурийка действительно чуть не наткнулась на его кровать, и наш благородный кабальеро успел схватить ее за руку. Испуганная Мариторнес тщетно пыталась вырваться, но Дон Кихот усадил ее на край своей кровати и тихо и нежно произнес:

– О, как я желал бы, прекрасная и знатная сеньора, достойно отплатить за ту высокую милость, которую дарует мне одно лишь созерцание вашей небесной красоты! Но роковой судьбе было угодно уже давно поразить мое сердце любовью к другой прекрасной повелительнице. Я поклялся в вечной верности несравненной Дульсинее Тобосской, единственной владычице всех моих сокровенных помыслов. Не будь этого, я бы конечно, не преминул повергнуть к вашим стопам мое исполненное благодарности сердце.

Но растерявшаяся Мариторнес не слушала того, что говорил ей Дон Кихот, и старалась вырвать свою руку. В конце концов этот шум разбудил погонщика, который, надо сказать, был далеко не равнодушен к Мариторнес. Мучимый ревностью, он осторожно встал и подошел к постели Дон Кихота. Тут он разглядел, что Дон Кихот держит вырывающуюся Мариторнес за руку и тихо говорит ей что-то. Недолго думая, взбешенный погонщик размахнулся и так хватил по зубам красноречивого рыцаря, что у того рот наполнился кровью. Найдя, что этого мало, погонщик вскочил на грудь Дон Кихота и начал топтать его ногами. Убогая кровать не выдержала новой тяжести и рухнула с ужасным шумом. Встревоженный всей этой суматохой, хозяин схватил светильник и кинулся на чердак. Завидев его, Мариторнес еще больше испугалась и, бросившись бежать, споткнулась о постель мирно спавшего Санчо и упала на него. Спросонья

Санчо вообразил, что его душит домовый, и пустил в ход кулаки. Мариторнес, забыв от боли о всякой осторожности, сама принялась тузить его, и между ними завязалась жаркая схватка. Увидев это, погонщик бросился на помощь Мариторнес, а прибежавший хозяин начал колотить кого попало. В довершение беды, светильник погас, и нещадные удары сыпались наугад.

Случилось так, что на том же дворе ночевал стрелок Толедской Санта Эрмандад. Заслышав необычайный шум сражения, он схватил свой жезл и, поднявшись на чердак, закричал:

– Остановитесь во имя правосудия! Остановитесь во имя бога и Санта Эрмандад! Приказываю вам это!

Первый, на кого он наткнулся, был Дон Кихот, лежавший без чувства на своей рухнувшей постели. Схватив его за бороду, стрелок закричал: «На помощь правосудию!» Но, видя, что пойманный им человек не двигается и не шевелится, он вообразил, что тот убит, и потому громко крикнул:

– Заприте ворота! Не выпускайте никого, здесь произошло убийство!

Крик этот перепугал всех, и битва прекратилась в одно мгновение. Хозяин торопливо вернулся в свою комнату, погонщик – к своим попонам, служанка – в свою клетушку; и только несчастные Дон Кихот и Санчо не могли двинуться с места. Тогда стрелок, выпустив из рук бороду Дон Кихота, пошел искать огня, чтобы изловить и арестовать преступников. Но долгое время он не мог ничего найти, потому что хозяин нарочно погасил лампу у входа; стрелку пришлось отправиться к очагу, где после больших трудов и усилий ему удалось, наконец, зажечь светильник.

Глава 12, в которой описываются дальнейшие бесчисленные невзгоды, испытанные храбрым Дон Кихотом и его верным оруженосцем на постоялом дворе, который рыцарь, на свою беду, принял за замок

Тем временем Дон Кихот успел прийти в себя и жалобным голосом окликнул своего оруженосца:

– Санчо, друг мой, ты спишь? Спишь, друг мой Санчо?

– Какой тут, к черту, сон, – откликнулся Санчо голосом, полным тоски и злости, – кажется, все дьяволы натешились надо мной в эту ночь!

– Вполне готов этому поверить, – ответил Дон Кихот, – потому что либо я ничего не понимаю, либо замок этот очарован. Ибо знай... Впрочем, сперва ты должен мне поклясться, что все то, что я тебе расскажу, ты сохранишь в тайне и при моей жизни, и после того, как я умру.

– Клянусь, – сказал Санчо.

– Говорю я это потому, – сказал Дон Кихот, – что совесть не позволяет мне оскорблять чью-либо честь.

– Говорю вам, – ответил Санчо, – что клянусь молчать об этом до того самого дня, когда ваша милость отдаст богу душу, и дай, господи, чтобы мне удалось разболтать все завтра же.

– Разве я так плохо обращаюсь с тобой, Санчо, – спросил Дон Кихот, – что ты желаешь мне скорой смерти?

– Дело совсем не в этом, – ответил Санчо, – а просто сил у меня нет долго хранить тайну. И тяжело и противно.

– Ну, хорошо, – сказал Дон Кихот, – я полагаюсь на твою любовь ко мне и благородство. Знай же, что этой ночью со мной случилось одно из самых удивительных приключений, какими я могу похвалиться. Короче говоря, ко мне только что приходила дочь владельца этого замка, самая очаровательная девица в целом свете. Как описать тебе ее наряд, или остроту ее ума, или другие прелести, о которых мне повелевает умолчать верность госпоже моей Дульсинеи Тобосской? Скажу лишь одно: либо небо позавидовало моему счастью, либо, что, пожалуй, будет вернее, этот замок очарован. Ибо, в то время как я вел с ней нежнейшую беседу, невидимая рука какого-то чудовищного великана размахнулась и нанесла мне такой удар по челюсти, что у меня и посейчас весь рот в крови, а после так избила меня, что мне теперь куда хуже, чем было вчера, после дубин погонщиков. Все это наводит меня на мысль, что красоту этой девушки охраняет какой-нибудь очарованный мавр и что она создана не для меня.

– Да уж, конечно, и не для меня, – ответил Санчо, – потому что более четырехсот мавров прогулялось по моей спине, так что в сравнении с этим вчерашние дубины – нежные поцелуи. Но скажите, сеньор, как вы можете называть удивительным это приключение? Ведь мы едва живы остались, а пользы от него ни на волос. Вашей милости удалось хоть за руку поддержать какую-то несравненную красавицу, ну, а на мою долю достались только колотушки. Несчастный я человек! На горе родила меня мать! Ведь я совсем не странствующий рыцарь, а почему-то на мою голову все шишки валятся!

– Как, неужели и тебя поколотили? – спросил Дон Кихот.

– А то как же, будь прокляты мои родители! – отвечал Санчо. – О чем же я и говорю?

– Не печалься, друг мой, – сказал Дон Кихот. – Сейчас я приготовлю драгоценный бальзам, который мигом нас исцелит.

В эту минуту стрелок, которому удалось, наконец, зажечь светильник, вошел, чтобы взглянуть на мнимого мертвеца. В суматохе он не успел одеться и теперь, при мерцающем свете ночника, выглядел в своей белой рубашке и с белым платком на голове весьма зловеще.

– Сеньор, уж не это ли очарованный мавр, вернувшийся, чтобы прикончить нас?

– Нет, это не он, – ответил Дон Кихот, – потому что очарованных нельзя видеть.

– Если их нельзя видеть, то уж чувствовать, наверное, можно, – ответил Санчо. – Об этом могут порассказать мои бока.

– Да и мои тоже, – сказал Дон Кихот. – Но все же я не думаю, что человек, которого мы видим, очарованный мавр.

Стрелок весьма удивился, застав их мирно беседующими. Он подошел к Дон Кихоту и спросил:

– Ну, как дела, милейший?

– На вашем месте, – ответил Дон Кихот, – я был бы повежливее. Или в ваших краях принято так разговаривать со странствующими рыцарями, невежа?

Услышав такой ответ, стрелок взбесился, размахнулся светильником, полным масла, и запустил его в голову Дон Кихота, так что едва не раскроил ему череп. Комната погрузилась во мрак, а стрелок выбежал вон.

– Несомненно, сеньор, – сказал Санчо Панса, – это очарованный мавр. Он, наверное, бережет для других свое сокровище, а для нас приберегает только удары кулаками да светильниками.

– По-видимому, ты прав, Санчо, – ответил Дон Кихот, – и нечего даже и пытаться вступить в бой с таким волшебником. Бесполезно также сердиться или жаловаться. Ведь это невидимые и призрачные силы, и мы не можем им отомстить. Но об этом после. А теперь, Санчо, встань да позови коменданта этой крепости. Постарайся достать у него немного масла, вина, соли и розмарина, чтобы я мог приготовить целебный бальзам. По правде сказать, я очень в нем нуждаюсь, так как у меня сильно идет кровь из раны, которую нанес мне этот призрак.

Кряхтя от боли, Санчо поднялся и побрел к хозяину. Наткнувшись по дороге на стрелка, он сказал ему:

– Кто бы вы ни были, сеньор, окажите нам великую милость: дайте немного розмарина, масла, соли и вина, чтобы изготовить лекарство для одного из лучших странствующих рыцарей, который лежит на своем ложе, тяжело раненный рукой очарованного мавра, поселившегося на этом дворе.

Услышав это, стрелок решил, что перед ним сумасшедший. Он открыл входную дверь, позвал хозяина и передал ему просьбу бедняги Санчо.

Хозяин вручил Санчо все нужное, и тот отнес это Дон Кихоту.

Дон Кихот тотчас же взял эти снадобья, тщательно смешал их, прокипятил в принесенном Мариторнес кухонном горшке, и целебный бальзам был готов. Затем он попросил дать ему какую-нибудь склянку, чтобы перелить в нее смесь, но так как склянки в доме не оказалось, то он удовольствовался жестянкой из-под оливкового масла. После этого он прочитал над жестянкой раз восемьдесят «Отче наш» и множество других молитв, сопровождая каждое свое слово крестным знамением. Санчо Панса, хозяин и стрелок молчаливо наблюдали за всеми приготовлениями Дон Кихота. Окончив молитвы, наш рыцарь захотел немедленно испытать на себе силу целительного бальзама и сразу проглотил изрядную порцию из того, что оставалось еще в горшке. Но едва он успел допить лекарство, как его начало отчаянно рвать. От корчей, вызванных рвотой, у него выступил обильный пот; он попросил, чтобы его потеплее укрыли и оставили в покое. Проспав добрых три часа, Дон Кихот проснулся бодрым и свежим; даже ломота от побоев почти прошла. Он счел себя совсем здоровым и окончательно убедился, что изготовил настоящий бальзам Фьерабраса и что благодаря этому снадобью ему не страшны отныне никакие стычки, побоища и потасовки.

Исцеление господина показалось Санчо Пансе настоящим чудом, и он тотчас же попросил Дон Кихота дать ему волшебного бальзама. Дон Кихот охотно протянул ему горшок. Санчо, ухватившись за него обеими руками, с глубокой верой в волшебную силу снадобья перелил себе в глотку немногим меньше, чем его господин. Однако желудок у Санчо был не столь чув-

ствителен, как у его господина. Беднягу не вырвало сразу, и он испытывал такую резь в животе, что весь покрылся холодным потом, и решил, что пришел его последний час.

Корчась от боли, он принялся проклинать и бальзам и злодея, угостившего его. Глядя, как он мучается, Дон Кихот сказал:

– Я полагаю, Санчо, что вся беда постигла тебя оттого, что ты не настоящий рыцарь, ибо я думаю, этот бальзам приносит пользу только рыцарям.

– Но если ваша милость знали это, – воскликнул Санчо, – так зачем же – пропади я со всей моей родней! – вы не сказали мне об этом прежде?

В эту минуту напиток оказал, наконец, свое действие. Обливаясь холодным потом, Санчо корчился в таких страшных судорогах, что не только он сам, но и все присутствующие думали, что ему пришел конец. Мучения Санчо длились около двух часов, и он настолько ослабел, что едва мог держаться на ногах.

А между тем Дон Кихот пожелал немедленно отправиться на поиски приключений, ибо каждый лишний час, проведенный в бездействии, казался ему потерей для всех обездоленных, нуждающихся в его защите и покровительстве. Он собственноручно оседлал Росинанта и навьючил осла своего оруженосца, а затем помог Санчо одеться и взобраться на седло.

Все многочисленные обитатели постоялого двора собрались посмотреть на отъезд Дон Кихота. Была тут и дочка хозяина, с которой наш кабальеро не спускал глаз. Временами у него из груди вырывались тяжкие, глубокие вздохи. Присутствующие решили, что он вздыхает от боли в боках, так, по крайней мере, думали все те, кто накануне вечером видел его синяки и ссадины.

На прощанье Дон Кихот подъехал к хозяину и торжественным голосом сказал:

— Велики и многочисленны милости, оказанные мне в вашем замке, владетельный сеньор, и я считаю себя обязанным до конца дней моих питать к вам благодарность. О, если бы я мог отплатить вам, наказав какого-нибудь наглеца, причинившего вам обиду! Ибо знайте, что мое назначение — помогать слабым, заступаться за угнетаемых и карать злодеев. Припомните хоро-

шенько и скажите прямо, не нуждаетесь ли вы в моей защите. Клянусь вам честью рыцаря, что всякое ваше справедливое желание будет тотчас и полностью удовлетворено.

На это хозяин ему ответил с таким же достоинством:

– Сеньор кабальеро, мне нет никакой надобности, чтобы ваша милость мстила за нанесенные мне обиды, потому что я сумею, при случае, и сам расправиться со своими обидчиками. Я хотел бы только, чтобы ваша милость уплатила мне за ночлег в моей гостинице, за ужин и две постели, а также и за солому и корм для ваших двух животных.

– Значит, это постоялый двор? – спросил Дон Кихот.

– Да, и притом пользующийся лучшей славой, – ответил хозяин.

– До этой минуты я заблуждался, – сказал Дон Кихот, – ибо, по правде сказать, воображал, что это замок. Но раз это не замок, а постоялый двор, мне остается только просить вас избавить меня от платы. Ибо я не могу нарушить устав странствующих рыцарей, согласно которому, – как это мне хорошо известно, – они никогда не расплачивались в гостиницах, где останавливались. По древнему обычаю, им всюду обязаны оказывать наилучший прием; это лишь справедливая награда за все тяжкие лишения, которые они претерпевают, проводя дни и ночи в поисках приключений, терпя голод и жажду, зной и стужу и подвергая себя всем превратностям изменчивой судьбы.

– В этих вещах я мало смыслю, – заявил хозяин. – Заплатите мне что следует, а до разных рыцарских правил мне нет никакого дела.

– Вы грубиян и невежа! – воскликнул Дон Кихот. И, пришпорив Росинанта, он выехал из ворот и поскакал, не заботясь о том, едет ли за ним его оруженосец или нет. Видя, что гость уехал не расплатившись, хозяин обратился со своим счетом к Санчо Пансе; однако Санчо наотрез отказался платить.

– Оруженосец странствующего рыцаря, – заявил Санчо, – обязан подчиняться тому же уставу, что и его господин.

Хозяин не на шутку рассердился и пригрозил, что если Санчо не заплатит, то он с ним разделается по-своему. Но Санчо на это ответил, что пусть лучше его убьют, а платить он не станет. Он ни за что не согласится нарушить прекрасный и древний обычай странствующих рыцарей. В противном случае он рискует навлечь на себя укоры других оруженосцев за несоблюдение столь справедливого закона.

На беду несчастного Санчо, на постоялом дворе ночевало четверо сукновалов из Сеговии, трое торговцев из Кордовы да еще двое проходимцев из Ярмарочного околотка в Севилье. Все они были веселые, разудалые ребята и большие шутники. Они слышали слова Санчо и решили расправиться с ним по-свойски. Мигом обступили они несчастного оруженосца и стащили его с седла. Один из них сбегал за хозяйским одеялом; парни положили беднягу на это одеяло и принялись подбрасывать его высоко в воздух.

Крики страдальца были так пронзительны, что достигли слуха его господина. Сначала Дон Кихот решил, что ему подвернулось какое-то новое приключение, но вскоре узнал голос своего оруженосца. Он повернул коня и поскакал обратно к постоялому двору. Подъехав ближе, Дон Кихот увидел веселую игру, затеянную с его оруженосцем. Санчо так забавно кувыркался в воздухе, что сам Дон Кихот, наверное, расхохотался бы, если б не был так разгневан. Он бросился на выручку несчастному, однако ворота были заперты; тогда он решил перелезть через забор, но у него не хватило сил даже на то, чтобы соскочить с коня.

Поэтому ему ничего не оставалось иного, как, стоя за оградой, осыпать проказников градом проклятий и ругательств.

Но шутники не обращали на это никакого внимания и продолжали весело трудиться, а порхавший в воздухе Санчо пронзительно кричал. Наконец они устали и бросили свою потеху. Привели осла, усадили Санчо в седло, набросили ему на плечи плащ и отпустили на все четыре стороны. Сердобольная Мариторнес, видя, как он измучен, подумала, что кружка воды не будет для него лишней. Санчо взял кружку и уже поднес ее к губам, как вдруг остановился, услышав голос своего господина:

– Санчо, сынок, не пей воды! Не пей ее, сынок, если не хочешь умереть. Смотри, вот чудодейственный бальзам, который сразу исцелит тебя.

Но в ответ на это Санчо хмуро взглянул на своего господина и крикнул:
– Или ваша милость уже забыли, что я – не рыцарь? Приберегите ваш напиток для себя – тысяча дьяволов! – а меня оставьте в покое!

Последние слова он произнес, уткнувшись носом в кружку. Но, заметив после первого же глотка, что это всего-навсего вода, он сделал гримасу и попросил Мариторнес принести ему вина. Мариторнес с большой охотой исполнила его просьбу, заплатив за вино из собственного кармана. Выпив вино, Санчо ударил своего осла пятками и, широко распахнув ворота, выехал со двора, довольный тем, что настоял на своем и не уплатил ни гроша за ночлег, хотя и не без ущерба для своих боков.

Правда, хозяин оставил у себя его дорожную сумку, но Санчо впопыхах не заметил этого.

Глава 13 о том, как Дон Кихот сражался со стадом баранов

Когда измученный, еле живой Санчо подъехал к своему господину, Дон Кихот сказал бедняге:

– Знаешь, мой добрый Санчо, теперь я окончательно убедился, что этот замок, или, как ты его называешь, постоялый двор, наверно заколдован. Эти злодеи, так жестоко потешавшиеся над тобой, не могут быть обыкновенными людьми; это, конечно, призраки, выходцы с того света, могущественные волшебники. Они и на меня наслали чары, ибо я был словно прикован к своему седлу и не мог двинуться с места. Но, клянусь честью, если бы мне удалось перелезть через забор, я бы жестоко отомстил за тебя, – я бы нарушил даже рыцарский закон, запрещающий рыцарю вступать в бой с не посвященными в рыцарский сан.

– Да я и сам отомстил бы за себя, – ответил Санчо, – не ослабей я так после дьявольского бальзама. Но что поделаешь, когда не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Однако вы напрасно думаете, ваша милость, что негодяи, потешавшиеся надо мной, – призраки или волшебники. Это самые обыкновенные люди из мяса и костей, вроде нас с вами. У каждого из них есть свое имя, – я слышал, как они перекликались: одного звали Педро Мартинес, другого Тенорио Эрнандес, а хозяина двора зовут Хуан Паломеке-Левша. Так что, сеньор, если вы не могли перелезть через забор и сойти с лошади, то дело тут совсем не в колдовстве. Где уж избитому до полусмерти человеку лазить через заборы! Однако скажу вам, ваша милость: все эти поиски приключений доведут нас до таких злоключений, что, чего доброго, мы скоро разучимся отличать свою правую ногу от левой. Уж простите меня, дурака. Но самое лучшее и разумное, что мы можем сделать, пока нас еще не совсем искалечили, – это вернуться домой. Уже близко время жатвы; самая пора теперь заняться хозяйством, вместо того, чтобы бродить по свету, кидаясь из огня да в полымя.

– Мой бедный Санчо! Как мало ты сведущ в рыцарских делах! Молчи и вооружись терпением! Настанет день, и ты собственными глазами увидишь, какое это благородное дело посвящать себя рыцарским подвигам. Скажи мне, что может дать большую радость и удовлетворение, чем победа над врагом? Признайся, что лучше этого нет ничего на свете.

– А хотя бы и так, – ответил Санчо, – в этих делах я ничего не смыслю. Знаю только одно: с того дня, как мы сделали странствующими рыцарями, – вернее сказать, сделались вы, сеньор, потому что я только ваш оруженосец, – мы не одержали ни одной победы, кроме победы над бискайцем, да и то в этом сражении ваша милость потеряла пол-уха и полшлема. С тех пор мы ничего не видели, кроме колотушек да зуботычин. А мне на долю выпало сверх того подбрасывание на этом проклятом одеяле. А вы еще, словно в насмешку, говорите, что подбрасывали меня не люди, а какие-то призраки, которым я и отомстить-то не могу, чтобы испытать, так ли велико удовольствие от мести, как утверждает ваша милость.

– Потерпи немного, Санчо, – ответил Дон Кихот. – Я надеюсь добыть меч, обладающий чудесным свойством: кто им владеет, не подвластен никакому колдовству. Возможно, что счастливая судьба даст мне в руки меч Амадиса, – а это один из самых замечательных мечей в мире, потому что он остер, как бритва, и нет таких прочных или заколдованных доспехов, которые могли бы устоять против него.

– Боюсь, – ворчал Санчо, – что если вашей милости и удастся добыть такой меч, то он окажется пригодным только для рыцарей, а оруженосцу придется снова расплачиваться своими боками.

– Отбрось свой страх, Санчо, – сказал Дон Кихот, – скоро небо будет благосклоннее к тебе.

Занятые этой беседой, они медленно ехали вперед, как вдруг Дон Кихот заметил на дороге огромное облако густой пыли. Увидев его, он обернулся к Санчо и вскричал радостным голосом:

– Настал день, о Санчо, когда ты увидишь, к каким великим подвигам готовила меня судьба. Вот, наконец, такое приключение, где мне понадобится вся мощь моей руки; я совершу деяния, которые будут вписаны в книгу «Славы» для поучения потомству. Видишь, Санчо, встающее впереди облако пыли? Оно скрывает огромное войско, направляющееся в нашу сторону.

– Уж если на то пошло, – заметил Санчо, – то целых два войска, потому что с другой стороны несется точно такое же облако.

Дон Кихот оглянулся и очень обрадовался, убедившись, что Санчо говорит правду. Его расстроенному воображению всегда и всюду мерещились битвы, чары, приключения, подвиги, любовные безумства и поединки, о которых рассказывается в рыцарских романах. Не мудрено поэтому, если он ни на минуту не сомневался, что это двигаются навстречу друг другу две враждебные армии. На самом же деле эту пыль подняли два больших стада баранов, которых перегоняли с одного пастбища на другое. Но Дон Кихот с таким жаром утверждал, что это две огромные армии, что Санчо в конце концов поверил и спросил:

– Сеньор, если это и вправду два враждебных войска, так что же нам-то делать?

– Что делать? – воскликнул Дон Кихот. – Наше дело – помогать угнетенным и слабым. Мы обязаны поддержать ту сторону, которая больше всего будет нуждаться в помощи. Знай, Санчо, что армией, идущей к нам навстречу, предводительствует великий император Алифанфарон,

повелитель огромного острова Трапобаны, а тот, кто ведет войска позади нас, – его враг, король гарамантов Пентаполин.

– А из-за чего воюют эти два сеньора? – спросил Санчо.

– Из-за того, – ответил Дон Кихот, – что Алифанфарон влюбился в дочь Пентаполины, очаровательную девушку, христианку; Алифанфарон язычник, и отец девушки не хочет выдавать ее за языческого короля, пока тот не отречется от лжепророка Магомета и не примет нашей веры.

– Пропади моя борода, – воскликнул Санчо, – если Пентаполин не вполне прав! Я от всего сердца рад помочь ему.

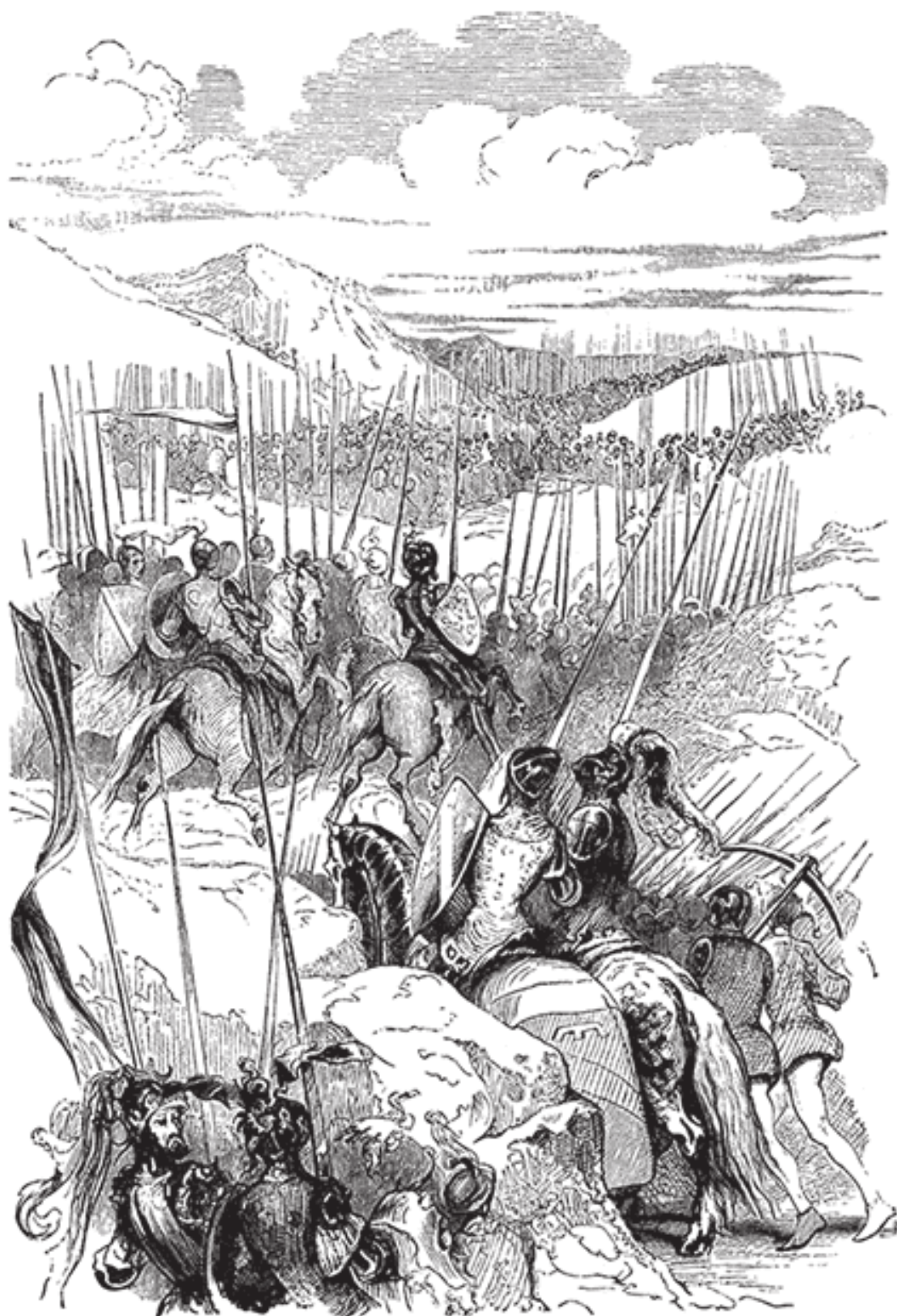
– Этим ты исполнишь свой долг, – сказал Дон Кихот, – потому что для участия в таких сражениях совсем не надо быть рыцарем.

– Это-то я понимаю, – ответил Санчо. – Но вот в чем беда: куда мы спрячем моего осла, чтобы потом найти его? Мне кажется, что не подобает вступать в бой, сидя верхом на осле.

– Ты совершенно прав, – сказал Дон Кихот. – Пусти его на все четыре стороны и не заботься, найдется ли он после. Одержав победу, мы добудем тысячи лошадей, так что даже Росинанту грозит опасность, что я променяю его на лучшего коня. А теперь, пока дело не дошло до битвы, слушай меня внимательно: я тебе перечислю главных рыцарей обеих армий. Но, чтобы тебе легче было рассмотреть их, подыдемся на соседний пригорок, откуда будут хорошо видны оба войска.

Так они и сделали, но и с пригорка нельзя было ничего толком разглядеть. Густая пыль скрывала оба стада, однако это не смутило Дон Кихота. В своем воображении наш рыцарь видел две враждебные армии. Протянув вперед руку, он уверенно заговорил:

– Смотри, Санчо, вот рыцарь в золоченых доспехах: на его щите изображен лев с короной, лежащий у ног девушки. Это доблестный Лауркалько, повелитель Пуэнте де Плата. Рядом с ним воин в доспехах, украшенных золотыми цветами, это – грозный Микоколембо, великий герцог Киросии. Дальше, справа от него – настоящий великан, неустрашимый Брандабарбаран де Боличе, повелитель трех Аравий, на нем панцирь из змеиной кожи, а в руках у него вместо щита дверь, принадлежавшая храму, который разрушил Самсон, когда он, умирая, мстил своим врагам. Теперь, если ты обратишь взоры в другую сторону, ты увидишь во главе противоположной армии вечно побеждающего и ни разу еще не побежденного Тимонеля Каркахонского, властителя Новой Бискайи; на нем лазурные доспехи, покрытые золотом и серебром, в руках у него щит с изображением золотой кошки и с надписью «Мяу». Как утверждают, это сокращенное имя его дамы – несравненной Миулины, дочери герцога Альфеньикена Альгарбского. Рядом с ним на могучем коне молодой рыцарь в белоснежных доспехах и с белым щитом без девиза. Этот вновь посвященный рыцарь, француз Пьер Папин, сеньор Утрикский. А тот, что подальше, в небесно-лазоревого доспехах, вонзающий железные шпоры в бока своей быстроногой полосатой зебры, – могучий герцог Персии Эспартафилардо дель Боске, с пучком спаржи на щите и девизом, написанным по-кастильски: «Проследи мою судьбу».

И, воодушевляясь все больше и больше, Дон Кихот перечислял множество рыцарей обеих воображаемых армий, наделяя каждого особыми приметами, гербом и девизом.

– В войске, что впереди нас, – продолжал он без передышки, – собраны самые различные племена. Тут есть народы, пьющие сладкие воды прославленного Ксанфа; за ними следуют горцы, пришедшие из окрестностей Массилии; далее идут племена, просеивающие чистей-

ший золотой песок в счастливой Аравии. Вот блаженные народы, живущие на дивных прохладных берегах светлого Термодонта. Далее движутся нумидийцы, не верные своему слову; за ними персы, прославленные за свою стрельбу из лука; мидяне и парфяне, сражающиеся на бегу; арабы с их кочевыми шатрами; скифы, столь же известные своей жестокостью, как и белизной кожи; эфиопы с проколотыми губами и многое множество других народов, имена которых я не в силах вспомнить. В другой армии впереди всех шествуют племена, утоляющие свою жажду хрустальной водой Бетиса, берега которого покрыты оливковыми рощами; за ними выступают те, что освежают и умывают свои лица влагою многоводного, золотиносного Тахо; еще дальше те, кто обитает на плодоносных берегах дивного Хениля. А вот народы, беззаботно живущие на роскошных лугах Хереса. Взгляни: вот и богатые ламанчцы в венках из золотых колосьев; вот и последние потомки древних готы, пасущие стада свои на просторных лугах у вод извилистой Гвадианы; вот те, что дрожат от холода в лесистых Пиренеях и на снежных высотах Апеннин. Словом, Санчо, ты видишь здесь все племена и все народы, какие только существуют во вселенной³³.

Каких только стран не назвал Дон Кихот, каких народов он не перечислил!

Многие из них существовали только в романах, которыми была набита его голова. Санчо внимательно слушал своего господина, не решаясь вымолвить ни слова. Только время от времени поворачивал он голову в надежде увидеть рыцарей и великанов, которых называл Дон Кихот. Но, кроме облаков пыли, он ничего не мог разглядеть. В конце концов Санчо не выдержал и воскликнул:

– Куда, к черту, запропалились, сеньор, все эти рыцари и великаны, о которых вы толкуете? Я, по крайней мере, ни одного из них не вижу. Или все они так же очарованы, как призраки, являвшиеся к нам прошлой ночью?

– Что ты говоришь! – воскликнул Дон Кихот. – Неужели ты не слышишь ржания коней, барабанного боя и звуков труб?

– Ничего я не слышу, – ответил Санчо, – кроме блеянья овец и баранов.

Действительно, оба стада баранов были уже совсем близко.

– Страх, овладевший тобой, – сказал Дон Кихот, – мешает тебе видеть и слышать. Ведь страх-то в том и выражается, что наши чувства теряют свою ясность и все представляется в искаженном виде. Но раз ты так боишься, то отойди в сторону и предоставь мне действовать одному. Поверь, что я один сумею даровать победу тем, кому явлюсь на помощь.

³³ Перечисляемые Дон Кихотом имена героев, а также названия различных племен и местностей заимствованы им частью из рыцарских романов, а частью из современных ему исторических и географических сочинений.

С этими словами он вонзил шпоры в бока Росинанта и, взяв копье наперевес, с быстротой молнии помчался с пригорка.

– Господин мой, сеньор Дон Кихот, – принялся кричать Санчо, – вернитесь! Клянусь создателем, вы нападаете на овец и баранов! Вернитесь, заклинаю вас именем моего отца! Ну что это за безумие! Поверьте мне, здесь нет ни великанов, ни рыцарей, ни доспехов, ни щитов, ни небесной лазури, ни всей этой чертовщины! Да что же это он делает, грехи мои тяжкие!

Но ничто не могло остановить Дон Кихота. Несясь во весь опор, он громко восклицал:

– Мужайтесь, верные защитники благородного Пентаполина! Вперед, за мной! Я отомщу вашему врагу, низкому Алифанфарону!

С этим возгласом он врезался в самую гущу стада овец и принялся колоть их своим копьем с такой яростной отвагой, словно это были его смертельные враги. Напрасно пастухи отчаянными воплями пытались остановить его. Дон Кихот не унимался и продолжал разить направо и налево. Тогда, видя, что слова не помогают, пастухи взяли за свои пращи и стали

швырять в Дон Кихота камнями величиной с кулак. А тот метался среди обезумевшего стада, восклицая:

– Где ты, надменный Алифанфарон? Выходи на бой! Я – рыцарь, готовый один на один сразиться с тобой и наказать тебя за дерзкое нападение на Пентаполина Гарамантского.

Но тут ему в бок попал такой увесистый булыжник, что едва не раздробил костей.

От адской боли Дон Кихот решил, что он уже убит или смертельно ранен; вспомнив про свой бальзам, он схватил жестянку и поднес ее ко рту. Но, прежде чем он успел сделать несколько глотков, второй булыжник выбил жестянку у него из руки и разможил челюсть. Если уже от первого удара у бедного рыцаря помутилось в голове, то от второго он без чувств упал на землю. Подбежавшие к нему пастухи вообразили, что он убит. Они поспешно собрали свое стадо, взвалили себе на плечи штук семь покалеченных овец и поскорее убрались восвояси.

А Санчо, глядя с пригорка на безумства своего господина, рвал на себе волосы, проклиная тот день и час, когда судьба связала его с безумным идальго.

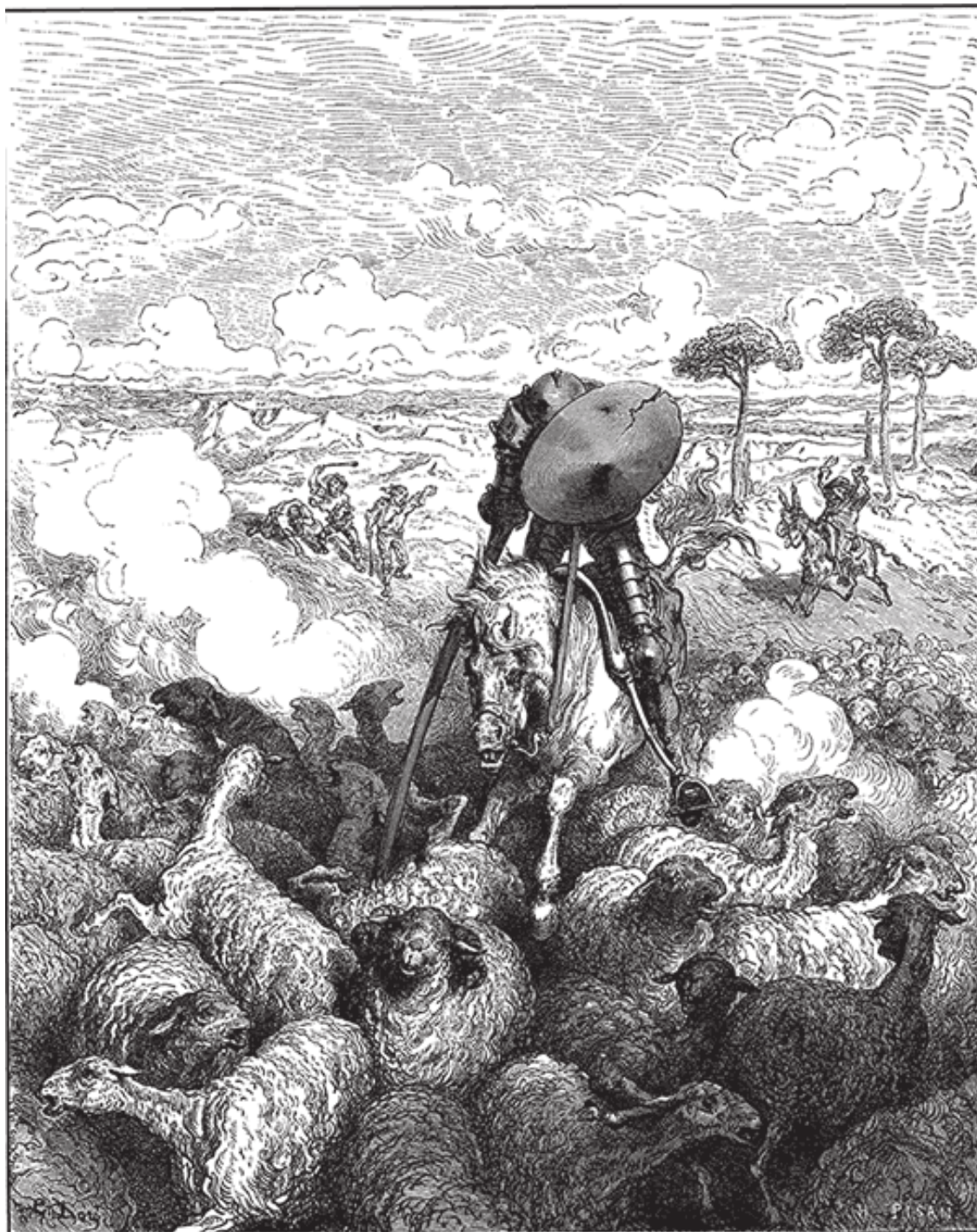
Когда пастухи со своими стадами удалились, Санчо спустился с холма и подбежал к Дон Кихоту, лежавшему недвижно на земле.

– Ну, не прав ли я был, сеньор Дон Кихот? – воскликнул Санчо. – Ведь я же кричал вам, что это не армия, а всего-навсего стадо баранов.

– Санчо, друг мой, – слабым голосом отвечал Дон Кихот, – поверь, что все это – подлые козни моего коварного врага, волшебника, вечно преследующего меня! Завидуя славе, которую я должен был завоевать в этой битве, он превратил вражескую армию в стадо баранов. Ты легко можешь убедиться, Санчо, что я говорю правду; садись на осла и поезжай за ними. Ты увидишь, что, отъехав подальше от меня, рыцари снова примут свое прежнее обличье и из баранов превратятся в славных воинов. Но, впрочем, погоди. Прежде всего помоги мне. Боюсь, что я получил тяжелые раны.

Санчо кинулся к ослу, чтобы достать из сумки мазь и бинты и перевязать раны Дон Кихота, но сумки не было. Убедившись в этом, Санчо чуть не сошел с ума от горя. Он сыпал ужасными проклятиями, клялся, что бросит своего господина и вернется домой, кричал, что ему плевать на все острова и губернаторства.

Тем временем Дон Кихот поднялся, придерживая рукой разбитую челюсть. Он взял под уздцы верного Росинанта, который ни на минуту не отходил от своего хозяина, и направился к Санчо. Санчо стоял молча, припав грудью к своему ослу и закрывая лицо руками. Видя его глубокое отчаяние, Дон Кихот сказал:

– Знай, Санчо, – тому, кто хочет возвыситься над другими, и терпеть приходится больше. Все грозные бури, обрушившиеся на нас, свидетельствуют о том, что скоро небо прояснится и дела наши пойдут хорошо. Ибо ни горе, ни радость не бывают слишком продолжительны, а из этого следует, что если горе тянулось долго, то, значит, радость уже близка. Поэтому брось печалиться о постигших меня невзгодах. Ведь ты же невредим и вполне благополучен.

– Как так благополучен! – вскричал Санчо. – Разве тот, кого вчера подбрасывали на одеяле, не был сыном моего отца? А сумка, которая пропала вместе со всем моим скарбом, разве она чужая, а не моя?

– У тебя пропала сумка? – спросил Дон Кихот.

– То-то и есть, что пропала, – ответил Санчо.

– Значит, нам не придется сегодня обедать, – сказал Дон Кихот.

– Но ведь на этих лугах, – ответил Санчо, – должны расти те травы, которые, по словам вашей милости, могут с успехом заменить обыкновенную пищу странствующим рыцарям.

– По правде говоря, – сказал Дон Кихот, – всем травам я предпочел бы добрую краюху хлеба с парой копченых сардинок в придачу. Но что об этом толковать! Садись, добрый Санчо, на своего осла и поезжай за мной. Бог милосерд, он посылает пищу мошкам в воздухе, червям в земле и головастикам в воде. Его солнце светит всем – и злым и добрым, а его дождь поливает и праведных и грешников. Он непременно позаботится о нас, своих слугах.

– Вашей милости, – сказал Санчо, – больше бы пристало быть проповедником, чем странствующим рыцарем.

– Странствующие рыцари обязаны все знать и все уметь, – ответил Дон Кихот. – В прежние времена бывали рыцари, которые могли произнести речь или проповедь не хуже любого доктора Парижского университета. Знай, мой друг, что никогда копьё не притупляло пера, как и перо – копьё.

– Хорошо, сеньор мой, пусть будет по-вашему, – сказал Санчо. – А теперь давайте-ка двинемся в путь и поищем где-нибудь ночлега. Хоть бы господь помог нам сыскать местечко, где нет ни волшебных одеял, ни призраков, ни очарованных мавров. Провались я, коли мне охота еще раз с ними встретиться.

– Попроси, сынок, божьей помощи, – сказал Дон Кихот, – и веди меня, куда хочешь, потому что на этот раз я готов предоставить тебе выбор ночлега. А теперь протяни-ка руку и пощупай, сколько у меня не хватает зубов. Вот здесь, справа, потому что тут у меня сильнее всего болит.

Санчо засунул ему в рот руку и спросил:

– Сколько зубов у вашей милости было здесь раньше?

– Четыре, – ответил Дон Кихот, – и все, кроме зубов мудрости, целые и здоровые.

– Не ошибается ли ваша милость? – спросил Санчо.

– Говорю тебе, что четыре, если не пять, – ответил Дон Кихот, – потому что за всю мою жизнь мне не рвали зубов, и ни один не сгнил и не выпал от простуды.

– А теперь у вашей милости, – сказал Санчо, – с этой стороны внизу осталось два с половиной, а наверху ровно ничего, ни одной половинки, совсем гладко стало, как ладошка.

– Вот несчастье! – воскликнул Дон Кихот, услышав от оруженосца эту печальную новость. – Лучше бы мне отрубили руку, – только, конечно, не правую, чтоб было чем держать меч. Ибо знай, Санчо, что рот без коренных зубов – то же, что мельница без жернова; для человека каждый зуб дороже алмаза. Но что поделаешь, еще не такие невзгоды могут постигнуть нас, принявших на себя суровый обет рыцарства. Садись, мой друг, на осла и трогайся в путь, а я последую за тобой всюду, куда пожелаешь.

Санчо сел на осла и поехал по большой дороге, в ту сторону, где он надеялся найти ночлег. А Дон Кихот плелся за ним на своем Росинанте: ехать быстрее он не мог, так как еле держался в седле от боли в боку и челюсти. Чтобы хоть чем-нибудь развлечь своего господина, Санчо завел с ним вот какую беседу.

Глава 14 о разумной беседе между Санчо Пансой и его господином и о последовавшем затем приключении с мертвым телом

– Сдается мне, сеньор, – сказал Санчо, – что все эти напасти обрушились на нас в наказание за то, что ваша милость не сдержали торжественного обета: не ночевать под крышей, не раздеваться на ночь, не вкушать хлеба за столом и не совершать многого другого, пока вы не добудете шлема Маландрина или Ламандрина, или как там звали этого проклятого волшебника.

– Ты верно говоришь, Санчо, – сказал Дон Кихот. – Честное слово, эта клятва совсем вылетела у меня из головы. Теперь я понимаю, за что тебя подбрасывали на одеяле. За то, конечно, что ты вовремя не напомнил мне об этом. Но ты увидишь, что я заглажу свою вину. Нет такого греха, которого бы рыцарь не мог искупить своими подвигами.

– Да я-то чем виноват, ведь я не давал никаких клятв! – воскликнул Санчо.

– Не важно, клялся ты или нет, – ответил Дон Кихот, – довольно и того, что ты был моим соучастником, вольным или невольным, – все равно. Ты видел, как я нарушил клятву, и не остановил меня.

– Ну, в таком случае постарайтесь, ваша милость, не забыть об этом, как вы забыли о своем обете. А то, чего доброго, у привидений явится охота еще раз потешиться надо мной, да, пожалуй, и над вашей милостью.

Беседуя таким образом, наши путники тихо плелись по большой дороге. Между тем солнце зашло, настала темная ночь, а никаких следов жилья все не было заметно. Измученные и голодные, они молча продолжали ехать вперед, с тоской помышляя о ночлеге. Вдруг вдали на дороге замелькали яркие огни, похожие на блуждающие звезды. При виде их Санчо чуть не умер со страха, да и Дон Кихоту стало не по себе.

Один натянул недоуздок осла, другой – поводья коня, и оба остановились, стараясь отгадать, что бы такое это могло быть. Они заметили, что огни движутся им навстречу и постепенно становятся все ярче и ярче. Тут Санчо затрясся, как лист, да и у Дон Кихота волосы встали дыбом. Призвав на помощь все свое мужество, наш рыцарь сказал:

– Без сомнения, Санчо, это одно из величайших и опаснейших приключений, в котором мне придется проявлять всю мою силу и мужество.

– Ну, пропала моя голова! – вскричал Санчо. – Если это опять призраки, – а похоже, что это так, – где мне набраться ребер, чтобы выдержать новую трепку?

– Кто бы ни были эти привидения, – заявил Дон Кихот, – я не позволю им тронуть хотя бы нитку на твоём платье. Если в прошлый раз они натешились над тобой, то только потому, что я не мог перелезть через изгородь во двор. Но сейчас мы в открытом поле, и здесь моему мечу есть где разгуляться.

– А если они опять нашьют на вас заклятье и пригвоздят к месту, как в тот раз, – сказал Санчо, – что пользы в том, что мы в открытом поле?

– Во всяком случае, Санчо, – сказал Дон Кихот, – прошу тебя – не падай духом. Ты сейчас на деле увидишь, каково мое мужество.

– Постараюсь, с божьей помощью, набраться храбрости, – ответил Санчо.

Свернув немного в сторону, они снова начали пристально вглядываться в темноту, пытаясь разобраться, что это за огни движутся на них; вскоре они различили множество каких-то странников в длинных мантиях; это жуткое зрелище так подействовало на Санчо, что он начал стучать зубами, как в лихорадке. Но еще больше он перетрусил, и еще сильнее застучали у него зубы, когда таинственная процессия приблизилась настолько, что ее можно было хорошо разглядеть. Впереди ехало человек двадцать всадников в белых мантиях, с зажженными факелами в руках; за ними двигались тяжелые похоронные дроги, а за дрогами следовало еще шесть всадников, закутанных в длинные траурные плащи, которые доходили почти до копыт мулов (что это были мулы, а не лошади, сразу было видно по их спокойной поступи). Всадники медленно подвигались вперед, что-то бормоча себе под нос тихими и жалобными голосами. В пустынной местности, да еще в такой поздний час, это необычайное зрелище могло испугать кого угодно. Не сомневаясь, что перед ним привидения, Санчо окончательно упал духом, но чем сильнее трусил Санчо, тем больше возрастало мужество Дон Кихота, воображению которого живо представилось одно из приключений, описанных в романах.

Ему почудилось, что похоронные дроги – траурная колесница, на которой везут убитого или тяжело раненного рыцаря, и что именно ему, Дон Кихоту, следует за него отомстить. Недолго думая, он взял наперевес свое копье, покрепче уселся в седле и, приосанившись, гордо выехал на середину дороги, по которой должны были проехать всадники в мантиях. Когда же они совсем приблизились, он крикнул громким голосом:

– Эй! Кто бы вы ни были, остановитесь! Отвечайте немедленно, кто вы такие, куда и откуда едете и кого везете на этой колеснице. Ибо по всему видно, что вы либо виновники, либо жертвы злодеяния. Я должен узнать, в чем дело, чтобы покарать вас за содеянное вами зло или отомстить за обиду, вам учиненную.

– Мы торопимся, – сказал один из всадников, – а до постоянного двора еще далеко, поэтому нам некогда вступать с вами в длинные разговоры.

И, пришпорив мула, он хотел проехать мимо. Оскорбленный таким ответом, Дон Кихот схватил мула за узду и закричал:

– Остановитесь, невежи, и отвечайте на мои вопросы! В противном случае я вызываю вас на бой.

Испуганный мул встал на дыбы и сбросил седока на землю. Слуга, шедший рядом, принялся осыпать Дон Кихота ругательствами. Дон Кихот, и без того уже взбешенный, бросился на одного из всадников в черном и в мгновение ока свалил его на землю. Затем он с молниеносной быстротой устремился на остальных противников. Казалось, у Росинанта выросли крылья – так легко и горделиво носился он взад и вперед. Всадники в мантиях были робкие и к тому же безоружные люди. Они и не пытались дать отпор Дон Кихоту и разбежались в разные стороны. Им, должно быть, казалось, что на них напал не человек, а дьявол.

Покончив со всеми своими врагами, Дон Кихот снова подъехал к всаднику, сброшенному мулом. Тот все еще беспомощно лежал на земле; возле него валялся догоравший факел. Дон Кихот направил на него свое копье и повелел, под угрозой смерти, сдаться.

– Сдаюсь, сдаюсь! – закричал лежавший. – Пощадите меня, ваша милость, я сломал себе ногу и не могу подняться. Умоляю вас, сеньор, если вы добрый христианин, не убивайте меня. Ведь я духовное лицо.

– Так какой же дьявол, – воскликнул Дон Кихот, – заставил вас, духовное лицо, впутаться в эту историю?

– Кто меня впутал в нее? – отвечал лежащий. – Должно быть, злая судьба.

– Смотрите, как бы вам не пришлось еще хуже, – сказал Дон Кихот. – Лучше не упрямьтесь и объясните толком, кто вы такой и что это за процессия.

– Охотно удовлетворю вашу милость, – ответил лицензиат. – Итак, позвольте доложить вашей милости, что я зовусь Алонзо Лопес, родом из Алькобендас. Я ехал из города Баэсы вместе с другими одиннадцатью священнослужителями, – все они сейчас разбежались. Мы направлялись в Сеговию, провожая тело одного дворянина, умершего в Баэсе, в фамильный склеп в Сеговии, откуда он родом.

– Кто же убил его? – спросил Дон Кихот.

– Бог с помощью гнилой горячки, унесшей его в могилу.

– Если так, – сказал Дон Кихот, – то господь избавил меня от труда мстить за этого человека, ибо в смерти его никто не повинен. Должен вам сказать, ваше преподобие, что я – рыцарь из Ламанчи, по имени Дон Кихот, и мое назначение – странствовать по свету в поисках приключений, творя правый суд, карая злодеев, защищая обиженных, утешая несчастных.

– Уж не знаю, – промолвил лицензиат, – как вы чините правый суд, а только ногу мою вы так починили, что она до конца жизни не выправится; и утешили вы меня так, что я этого вовек не забуду. Поистине приключение это оказалось для меня великим злоключением.

– Не все так делается, как мы того хотим, – ответил Дон Кихот. – Вся беда в том, сеньор лицензиат, что вам пришлось на ум путешествовать глубокой ночью, в траурных одеждах, с зажженными факелами в руках, распевая вполголоса какие-то непонятные напевы. Не мудрено, что я принял вас за выходцев с того света, за полчище злых демонов, и, исполняя долг странствующего рыцаря, напал на вас.

– Уж видно, мне так было на роду написано, – сказал лицензиат, – но по крайней мере, сеньор странствующий рыцарь, раз вы причинили мне такое зло, то помогите мне подняться, потому что я никак не могу высвободить из-под седла ногу, запутавшуюся в стремях.

– Что же вы молчали до сих пор! – воскликнул Дон Кихот. – Санчо, Санчо! – позвал он своего оруженосца.

Однако Санчо вовсе не торопился на его зов. В первые минуты схватки он только дивился отваге и ловкости своего господина, но затем, опомнившись от страха и удивления, занялся втихомолку разгрузкой мула, шедшего позади с выюком съестных припасов. Устроив из своего плаща объемистый мешок, он торопливо стал перекладывать туда провизию. Только покончив с этим делом и положив мешок на серого, он поспешил на зов своего хозяина. Совместными усилиями они вытащили сеньора лицензиата из-под мула, усадили его в седло и дали ему в руки факел. Затем Дон Кихот предложил бедняге отправиться вдогонку за своими спутниками и передать им его извинения за невольную обиду, которую он им нанес, исполняя священный долг странствующего рыцаря. А Санчо к этому прибавил:

– Если бы эти сеньоры пожелали узнать, кто тот храбрец, который так ловко с ними расправился, скажите им, ваша милость, что это – знаменитый Дон Кихот Ламанчский, по прозвищу рыцарь Печального Образа.

Когда лицензиат распрощался с ними и поехал своей дорогой, Дон Кихот спросил Санчо, почему это ему вздумалось назвать его рыцарем Печального Образа.

– Да видите, ваша милость, – ответил Санчо, – при свете факела вы показались мне таким несчастным, худым и бледным, что просто жалко было на вас смотреть. Вы, должно быть, совсем измучились с этими сражениями да приключениями.

– Нет, Санчо, – сказал Дон Кихот, – дело совсем не в этом. Вернее всего, что мудрец, которому предстоит написать историю моих подвигов, счел нужным, чтобы я избрал себе какое-нибудь прозвище по примеру рыцарей былых времен: один звался рыцарем Пламенного Меча, другой – рыцарем Дев, третий – рыцарем Смерти, – под этими прозвищами они и стали известны на всем земном шаре. Так вот я и думаю, что этот мудрец внушил тебе мысль назвать меня рыцарем Печального Образа. Отныне я принимаю это имя и, чтобы закрепить его за собой, при первой же возможности прикажу изобразить на своем щите самое печальное лицо.

– Незачем тратить на это время и деньги, – сказал Санчо. – Довольно вам поднять забрало, и каждый, без всяких изображений на щите, сразу же назовет вас рыцарем Печального Образа, – уж вы можете мне поверить. Клянусь вам, сеньор. Голод и выбитые зубы так вас украсили, что вы вполне можете обойтись без печального изображения на щите.

Дон Кихот улыбнулся, но не стал спорить с Санчо. Нашему рыцарю внезапно пришло в голову, что он должен осмотреть погребальную колесницу, дабы проверить, действительно ли на ней везут человеческое тело. Но Санчо воспротивился этому.

– Сеньор, – сказал он, – это опасное приключение окончилось для вашей милости более счастливо, чем все прежние. Но люди, обращенные вами в бегство, могут спохватиться, что они бежали от одного-единственного рыцаря. Опомнившись и устыдившись своей трусости, они, пожалуй, вернутся да зададут нам хорошую трепку. Осел мой в полном порядке, горы близко, голод дает себя чувствовать, – так не лучше ли нам попроворнее удалиться отсюда? Мертвый, как говорится, в могилу, а живой за стол.

Тут Санчо схватил осла за узду и решительно двинулся вперед. Дон Кихот, сознавая, что его оруженосец прав, последовал за ним без всяких возражений. Перевалив через цепь холмов, они выехали на уютную, защищенную от ветра лужайку и решили здесь заночевать. Санчо разгрузил осла; рыцарь и оруженосец растянулись на зеленой траве и сразу позавтракали, пообедали и поужинали, набив свои желудки холодными закусками, которые господа церковники (редко о себе забывающие) везли на муле в своем обозе. Но тут явилась новая беда: у них не оказалось не только вина, но даже воды, чтобы промочить горло. Тогда Санчо, заметив, что лужайка покрыта мелкой, свежей травкой, сказал... но что именно он сказал, мы узнаем из следующей главы.

Глава 15 о невиданном и неслыханном подвиге, совершенном рыцарем Дон Кихотом Ламанчским

– Эта трава так свежа, сеньор, что поблизости, наверное, есть какой-нибудь ручеек. Пройдемте немного подальше. Я уверен, что нам удастся утолить ужасную жажду, которая, по правде сказать, еще хуже голода.

Совет понравился Дон Кихоту; он взял Росинанта за узду, Санчо нагрузил на осла все остатки ужина, и они двинулись вперед. Ночь была так темна, что они могли пробираться по лугу только ощупью. Но не успели они сделать и двухсот шагов, как до слуха их долетел сильный шум потока, падавшего, казалось, с огромных и высоких утесов. Шум этот чрезвычайно их обрадовал. Они остановились, чтобы прислушаться, с какой стороны он доносится, но тут вдруг различили странные звуки, совсем не похожие на гул водопада. Это были какие-то мерные удары, словно кто-то бил молотом о наковальню. Звуки эти, сливаясь с яростным гулом потока, способны были вселить страх в сердце всякого, и Санчо, который от природы был труслив и малодушен, совсем растерялся от ужаса. Ночь была темная, место пустынное, листья деревьев, колеблемые нежным ветерком, шелестели тихо и жутко: вдали глухо шумел водопад, и сквозь этот шум мерно раздавались зловещие удары, – все это невольно вселяло страх в сердце.

Дон Кихот не мог более оставаться в неизвестности. Исполненный отваги и решимости, он вскочил на верного Росинанта, схватил щит, взял копье наперевес и воскликнул:

– Друг Санчо, ты должен знать, что небу было угодно произвести меня на свет в железный век, чтобы я воскресил век золотой. Я – тот, кому суждены опасности, великие деяния и отваж-

ные подвиги. Я – тот, повторяю, кому надлежит воскресить доблесть рыцарей Круглого стола³⁴, двенадцати пэров Франции, девяти мужей Славы³⁵, затмив собой всех Платиров, Таблантов, Оливантов, Тирантов, Фебов и Бельянисов и все полчища знаменитых странствующих рыцарей минувших времен, ибо я совершу столько великих и удивительных подвигов, что перед ними померкнут самые славные деяния этих героев. Прислушайся, мой верный и преданный оруженосец, как глубоко молчание беспросветной ночи, как глухо и невнятно лепечут листья, как жутко шумит поток, словно он низвергается с высоких Лунных гор, как беспрестанные удары поражают и терзают наш слух. Все это может пробудить боязнь и ужас в сердце самого Марса³⁶; что же сказать о тех, кто не привык к подобным приключениям! Но я не знаю страха, кровь моя кипит, и сердце готово выпрыгнуть из груди, – так жажду я броситься в это приключение, как бы опасно оно ни было. Итак, прощай. Подтяни немного подпруги у Росинанта, и да хранит тебя бог! Жди меня здесь три дня, не больше. Если через три дня я не вернусь, отправляйся домой, в деревню, а затем побывай в Тобосо и передай несравненной госпоже моей Дульсине, что плененный ею рыцарь погиб, совершая подвиг, который сделал достойным того, кто хочет называться ее слугой.

Выслушав слова своего господина, Санчо так растрогался, что заплакал и сказал:

– Не понимаю, сеньор, почему вам вздумалось пускаться в это ужасное приключение: теперь ночь, никто нас не видит, и мы отлично можем свернуть в сторону и избежать опасности, хотя бы нам пришлось не пить целых трое суток. Никто об этом не узнает и не назовет нас трусами, тем более что наш деревенский священник, которого ваша милость отлично знает, не раз, мне помнится, говорил в проповедях: кто напрашивается на опасность, тот и погибает. Небо спасло вашу милость от подбрасывания на одеяле, которое выпало мне на долю. Оно сохранило вас невредимым в победоносной битве с толпой врагов, сопровождавших покойника. Довольно с вас и этого. Не искушайте судьбы, пускаясь в приключение, где можно уцелеть только чудом. Подумайте обо мне. Знайте, что едва вы покинете меня, как я от страха отдам свою душу всякому, кто пожелает ее взять. Я оставил родину, бросил жену и детей, чтобы служить вашей милости, надеясь на этом деле не потерять, а выиграть; но, как говорится, жадность рвет мешок. Все мои надежды рушатся. Как раз в ту самую минуту, когда я рассчитывал получить злополучный остров, который ваша милость столько раз мне обещала, вы собираетесь покинуть меня в этом глухом, безлюдном месте. Во имя самого бога, сеньор, умоляю вас, не причиняйте мне такого горя. Дождитесь хоть утра. Ведь до рассвета осталось не более трех часов, если только меня не обманывает наука, которую я изучал, когда скитался пастухом в полях. Сейчас пасть Медведицы приходится как раз над нашими головами, а это означает полночь.

– Где ты видишь пасть Медведицы, Санчо? – спросил Дон Кихот. – Ведь ночь так пасмурна, что на небе нельзя разглядеть ни одной звезды³⁷.

– Это верно, – ответил Санчо, – но у страха много глаз: он видит и то, что под землей, и то, что на небе. А, впрочем, здраво рассуждая, и без того ясно, что до рассвета недалеко.

– Пускай себе он наступает, когда ему вздумается, – ответил Дон Кихот, – но никогда никто не скажет, что слезы и мольбы могли удержать меня от исполнения рыцарского долга. И потому прошу тебя, Санчо, замолчи! Я верю, что господь, вложивший мне в сердце желание

³⁴ Рыцарями Круглого стола назывались сподвижники легендарного английского короля Артура, собиравшиеся за круглым столом в пиршественной зале его замка.

³⁵ Девятью мужами Славы в Средние века считались: три легендарных вождя древних евреев – Иисус Навин, царь Давид, Иуда Маккавей; три героя языческой древности – Александр Македонский, Гектор Троянский, римский полководец Юлий Цезарь; три христианина – король Артур Английский, Карл Великий и один из самых знаменитых вождей крестовых походов – Готфрид Бульонский.

³⁶ Марс – бог войны у древних римлян.

³⁷ Пасть Медведицы. Речь идет о созвездии Большой Медведицы, по положению которой на небе можно приблизительно определить время.

пуститься в это невиданное и страшное приключение, сохранит меня и утешит твою печаль. Но довольно! Подтяни подпруги Росинанта и дожидайся меня здесь, а я скоро вернусь, живой или мертвый.

Видя, что ни слезы, ни советы, ни мольбы не действуют на непреклонную волю господина, Санчо пустился на хитрости. Подтягивая подпруги Росинанта, он незаметно спутал его задние ноги уздечкой осла. Ничего не подозревая, Дон Кихот вскочил на Росинанта и дал ему шпоры. Однако спутанный конь не мог сдвинуться с места. Убедившись, что выдумка удалась, Санчо Панса сказал:

– Вот видите, ваша милость, небо сжалилось надо мной и не желает, чтоб вы покинули меня. Вы не в состоянии сдвинуться с места. Росинант выбивается из сил и не может оторвать копыт от земли. Грех вам мучить бедное животное и упорствовать в том, чего не хочет допустить сама судьба!

Дон Кихот был в полном отчаянье: он яростно шпорил коня, но ему никак не удавалось сдвинуть его с места. Выбившись из сил, он решил покориться судьбе и дожидаться рассвета или той минуты, когда конь его тронется в путь. Твердо убежденный, что в этой беде повинны какие-то таинственные силы, он сказал:

– Что ж делать, Санчо! Раз Росинант не может двигаться, придется подождать, пока заря не засмеется на небе. Но я просто готов плакать от досады, что она так медлит появиться.

– Плакать тут нечего, – ответил Санчо, – чтобы развлечь вашу милость, я до самого утра буду рассказывать вам всякие истории, если только вам не угодно сойти с Росинанта

и немножко вздремнуть на зеленой траве по обычаю странствующих рыцарей. Вам нужно набраться бодрости и сил для предстоящего вам необычайного подвига.

– Как! Ты советуешь мне сойти с коня и вздремнуть? – воскликнул в негодовании Дон Кихот. – Неужели ты думаешь – я из числа тех рыцарей, которые могут спать, когда грозит опасность? Спи сам – ты для того родился, чтобы спать, или делай, что тебе вздумается, а я буду делать то, чего требует мое призвание.

– Не гневайтесь, ваша милость сеньор мой, – ответил Санчо, – я это сказал по простоте. Позвольте мне только стать поближе к вам.

Дон Кихот милостиво позволил ему это. Тогда Санчо вцепился обеими руками в седло своего господина и прижался к его левому бедру, боясь отойти от него хотя бы на один шаг. Мерные глухие удары, доносившиеся до них откуда-то издалека, приводили его в ужас.

– Ну, Санчо, что же ты не начинаешь историю, которую обещал рассказать для моего развлечения? – произнес Дон Кихот.

– Я постараюсь рассказать вам одну историю, – ответил Санчо, – и если только мне удастся ее кончить, вы увидите, что лучшей истории еще не было на свете. Слушайте же внимательно, ваша милость, я начинаю. Итак, что было, то было; коль что доброе случится, пускай случится для всех, а коли что злое – пусть оно обернется на того, кто сам его ищет. Заметьте, ваша милость, эти слова: «Пусть злое случится с тем, кто сам его ищет». Эти слова подходят к вам, как кольцо к пальцу: сидела бы ваша милость смирно и не бродила бы в поисках за злом! Не лучше ль нам вернуться по другой дороге, раз никто нас не заставляет идти именно по этой, где со всех сторон на нас обрушиваются всякие несчастья?

– Продолжай свой рассказ, Санчо, – сказал Дон Кихот, – а по какой дороге нам ехать, – это уж предоставь решать мне.

– Продолжаю, – отвечал Санчо. – Итак, в одном местечке Эстремадуры жил пастух коз, иначе говоря – козопас, и этого пастуха коз, или козопаса, как рассказывается в моей истории, звали Лопе Руис, и этот самый Лопе Руис возьми да и влюбись в пастушку, которую звали Торральба, и эта пастушка, по имени Торральба, была дочерью одного богатого скотовода, а этот богатый скотовод...

– Если ты будешь повторять по два раза каждое слово, Санчо, – перебил Дон Кихот, – так ты в два дня не кончишь; рассказывай покороче и толково, как разумный человек, а нет – так замолчи.

– Я рассказываю точь-в-точь так, – ответил Санчо, – как рассказывают эти сказки у нас в деревне; иначе рассказывать я не умею, да и не хочу ломать старые обычаи. Вашей милости не следует требовать от меня этого.

– Ну, рассказывай, как умеешь, – сказал Дон Кихот, – я буду терпелив, раз уж мне суждено тебя слушать.

– Так вот, дорогой сеньор мой, – продолжал Санчо, – этот пастух, как я уже вам докладывал, был влюблен в пастушку Торральбу, а была она девка дородная, строптивая и слегка похожая на мужчину, так как у нее росли усики, – как сейчас ее перед собой вижу.

– Да разве ты ее знал? – спросил Дон Кихот.

– Я-то ее не знал, – ответил Санчо, – но человек, который мне эту историю рассказывал, уверял, что все это – быль и чистая правда, и что когда я стану рассказывать ее кому-нибудь другому, то смело могу поклясться, что видел все своими глазами. Так вот, время шло да шло, а дьявол, который, как известно, не дремлет и всюду пакостит, подстроил так, что любовь пастуха к пастушке обратилась в лютую злобу и ненависть. Пастух до того ее невзлюбил, что решил покинуть деревню, чтобы только она ему на глаза не попадалась, и удалиться в такие края, где бы и духу ее не было. Пастух собрал своих коз и погнал их по полям Эстремадуры, направляясь в сторону португальского королевства. Узнав об этом, Торральба устремилась за ним следом и долго шла пешком, босая, с посохом в руках и с котомкой за плечами, а в котомке у нее, как говорят, был осколок зеркала, кусок гребня и баночка с какими-то притираниями. Ну, да не важно, что у нее там было, – все равно этого сейчас не проверить. Скажу только, что, пока она гналась за пастухом, он вместе со своим стадом подошел к реке Гвадиане, – а в ту пору было половодье, и река почти выступила из берегов, и в том месте, куда он пришел, не было ни лодки, ни плота, и некому было переправить ни его, ни стадо. Пастух сильно встревожился, так как знал, что Торральба, догнав его, примется одолевать его мольбами и слезами. Он стал поглядывать по сторонам и наконец завидел рыбака в такой маленькой лодочке, что поместиться в ней мог только один человек и одна коза. Делать, однако, было нечего: он окликнул рыбака и условился с ним, что тот переправит его и всех его триста коз. Рыбак сел в лодку и перевез одну козу, потом вернулся и перевез вторую, потом опять вернулся и перевез третью... Хорошенько считайте, ваша милость, сколько коз он перевез на другой берег, потому что, если вы хоть на одну ошибетесь, дальше я не смогу рассказывать, и история моя тут же кончится. Запомните это, сеньор. А теперь слушайте дальше. Противоположный берег

был топкий и скользкий, так что переправа каждой козы требовала много времени. Рыбак все-таки перевез еще одну козу, потом еще одну и еще одну.

– Скажи сразу, что он перевез их всех, – прервал его Дон Кихот, – довольно тебе разъезжать с одного берега на другой, а то ты этак и в год их не переправишь.

– А сколько коз рыбак уже успел перевезти? – спросил Санчо.

– А черт его знает! – ответил Дон Кихот.

– Да ведь я просил вас вести строгий счет переправам, а вы все-таки сбились. Теперь я не могу рассказывать дальше.

– Что за вздор! – возразил Дон Кихот. – Неужели так важно для твоей истории знать в точности, сколько коз было перевезено, и неужели ты не можешь продолжать рассказ, если собьешься в счете?

– Нет, сеньор, никоим образом, – ответил Санчо, – потому что в ту минуту, как я попросил вашу милость сказать мне, сколько коз было переправлено, а вы мне ответили, что не знаете, у меня сразу же вылетело из памяти все, что еще оставалось вам рассказать, – а, ей-богу, продолжение было весьма интересное и занимательное.

– Значит, – спросил Дон Кихот, – история твоя кончилась?

– Да, скончалась, как моя покойная матушка, – ответил Санчо.

– Скажу тебе по правде, – продолжал Дон Кихот, – ты рассказал мне одну из самых необыкновенных сказок, повестей или историй, которые когда-либо были сочинены людьми. Никто за всю жизнь не услышит, да и не может услышать, повести, начатой и прерванной таким образом. Впрочем, я и не ждал ничего иного от твоего тонкого ума. Должно быть, эти непрерывные удары помutilили твой рассудок.

– Все может быть, – ответил Санчо. – Знаю только, что рассказу моему пришел конец, потому что он всегда кончается, как только кто-нибудь собьется в счете перевезенных коз.

– Ну и пускай кончается, в добрый час, – сказал Дон Кихот, – а теперь посмотрим, не согласится ли Росинант двинуться с места.

Он снова начал прищипоривать коня, но тот только брыкался, не двигаясь с места: так крепко были у него спутаны ноги. Волей-неволей Дон Кихоту пришлось запастись терпением и коротать время, слушая рассказы своего оруженосца. К счастью, до рассвета было уже недалеко.

Как только начало светать, Санчо украдкой распутал Росинанту ноги. Почувствовав себя свободным, Росинант как будто обрадовался и задергал головой. Дон Кихот, увидя, что Росинант зашевелился, решил, что верный конь призывает его на совершение грозного подвига, и счел это добрым предзнаменованием. Таинственный грохот все еще не прекращался, и Дон Кихот по-прежнему не понимал, что это такое. Поэтому наш рыцарь, не медля более, вторично попрощался с Санчо, подтвердив свое прежнее намерение ждать его самое большее три дня; если же через три дня он не вернется, то это должно означать, что богу было угодно пресечь его дни в этом опасном приключении. Затем он повторил Санчо то, что тот должен передать от его имени сеньоре Дульсине. В заключение Дон Кихот сказал верному оруженосцу, чтобы тот не тревожился насчет обещанного ему вознаграждения за труды.

– Даже если я погибну, – так кончил свою речь рыцарь, – ты все равно его получишь, ибо я оставил дома завешание, согласно которому тебе будет сполна уплачено жалованье за все прослуженное время; если же господь сохранит меня среди опасностей здоровым, целым и невредимым, ты можешь, Санчо, считать обещанный тебе остров в своих руках.

Услышав жалобные речи своего доброго господина, Санчо снова расплакался и сказал, что готов сопутствовать ему во всех самых ужасных приключениях, но что было бы гораздо лучше, если бы Дон Кихот не подвергал себя таким опасностям.

Дон Кихот был тронут преданностью своего оруженосца, однако не внял его мольбам и, прищипорив Росинанта, поскакал в ту сторону, откуда доносились звуки ударов и грохот потока. Санчо, взяв за узду осла, верного своего спутника и в счастье и в несчастье, поплелся за ним следом. Миновав рощу каштанов, они попали на лужок, расстилавшийся у подножия высоких скал, откуда низвергался громадный водопад. Под этими скалами стояли какие-то убогие хижины. Тут нашим путникам стало ясно, что пугавшие их удары доносятся именно из этих хижин. Росинант испугался грохота водопада, но Дон Кихот успокоил своего коня и смело

направился к хижинам, от всего сердца обратившись к своей госпоже с мольбою поддержать его в этом опасном подвиге. Санчо не отставал от своего господина. Прячась за Росинанта, он чуть не вывихнул себе шею, желая увидеть, наконец, то, что внушало ему такой ужас. Они медленно обогнули выступ скалы, и тут им внезапно открылся источник того зловещего шума, который всю ночь держал их в страхе и тревоге: перед ними (не сердись и не обижайся, читатель!) стояло шесть молотов сукновальни, которые своими попеременными ударами и производили этот грохот.

Дон Кихот, пораженный этим открытием, словно окаменел. Взглянув на него, Санчо увидел, что господин его в глубоком смущении понурил голову, а Дон Кихот, бросив искоса взгляд на оруженосца, в свою очередь заметил, что щеки у Санчо раздуваются, словно он готов лопнуть от смеха. Несмотря на свое глубокое разочарование, Дон Кихот не выдержал и рассмеялся. Санчо немедленно последовал его примеру и разразился оглушительным хохотом. Раз-четыре он успокаивался и снова принимался хохотать. В конце концов Дон Кихот начал уже сердиться, но в эту минуту Санчо внезапно заговорил торжественным голосом, явно передразнивая своего господина:

– Ты должен знать, друг Санчо, что небу было угодно произвести меня на свет в наш железный век, чтобы я воскресил в нем век золоченый или золотой. Я – тот, кому суждены опасности, великие деяния и отважные подвиги...

Слово за словом Санчо повторил почти всю речь, которую произнес Дон Кихот, когда они впервые слышали эти страшные удары. Увидев, что Санчо над ним издевается, Дон Кихот пришел в такую ярость, что поднял свое копьё и раза два со всего размаха ударил беднягу по спине; если бы удары эти пришлись Санчо не по спине, а по голове, Дон Кихот мог бы не беспокоиться более об уплате ему жалованья. Видя, что с господином шутить опасно, и боясь,

как бы за первыми ударами не последовало продолжения, Санчо мгновенно оборвал свои разглагольствования и смиренно сказал:

– Успокойтесь, ваша милость: клянусь богом, я только пошутил.

– Но я-то не намерен шутить! – воскликнул Дон Кихот. – Неужели вы думаете, господин шутник, что если бы вместо валяльных молотов перед нами оказалось какое-нибудь опасное приключение, то у меня не хватило бы мужества довести дело до конца? Неужели я, рыцарь, обязан знать толк в разной стукотне и решать, валяльные ли это молоты или что другое? Ведь если говорить по правде, я в жизни своей никогда их не видал, тогда как вы, презренный мужичишка, родились и выросли среди всех этих мельниц да валялен. Чем издеваться над своим господином, сделайте-ка лучше так, чтобы эти шесть молотов превратились в шесть ужасных великанов и чтобы они напали на меня. Если они не полетят кувырком от одного удара моего меча, – ну, тогда смейтесь надо мной, сколько хотите.

– Полноте, сеньор мой, – сказал Санчо, – каюсь, что я хватил через край в своих шутках. Ну, а теперь помиримтесь-ка лучше. Дай бог, чтобы из всех будущих приключений вы выходили таким же здоровым и невредимым, как сегодня. Однако признайтесь, ваша милость: ну разве не смешно, что мы так перепугались простой сукновальни, – то есть перепугался я, ибо ваша милость не знает страха. Да ведь если об этом рассказать у нас в деревне, так всякий лопнет со смеху.

– Я вовсе не отрицаю, – ответил Дон Кихот, – что случившееся с нами достойно смеха, но рассказывать об этом совсем не стоит. Не все люди достаточно умны, чтобы хорошо разбираться в таких вещах.

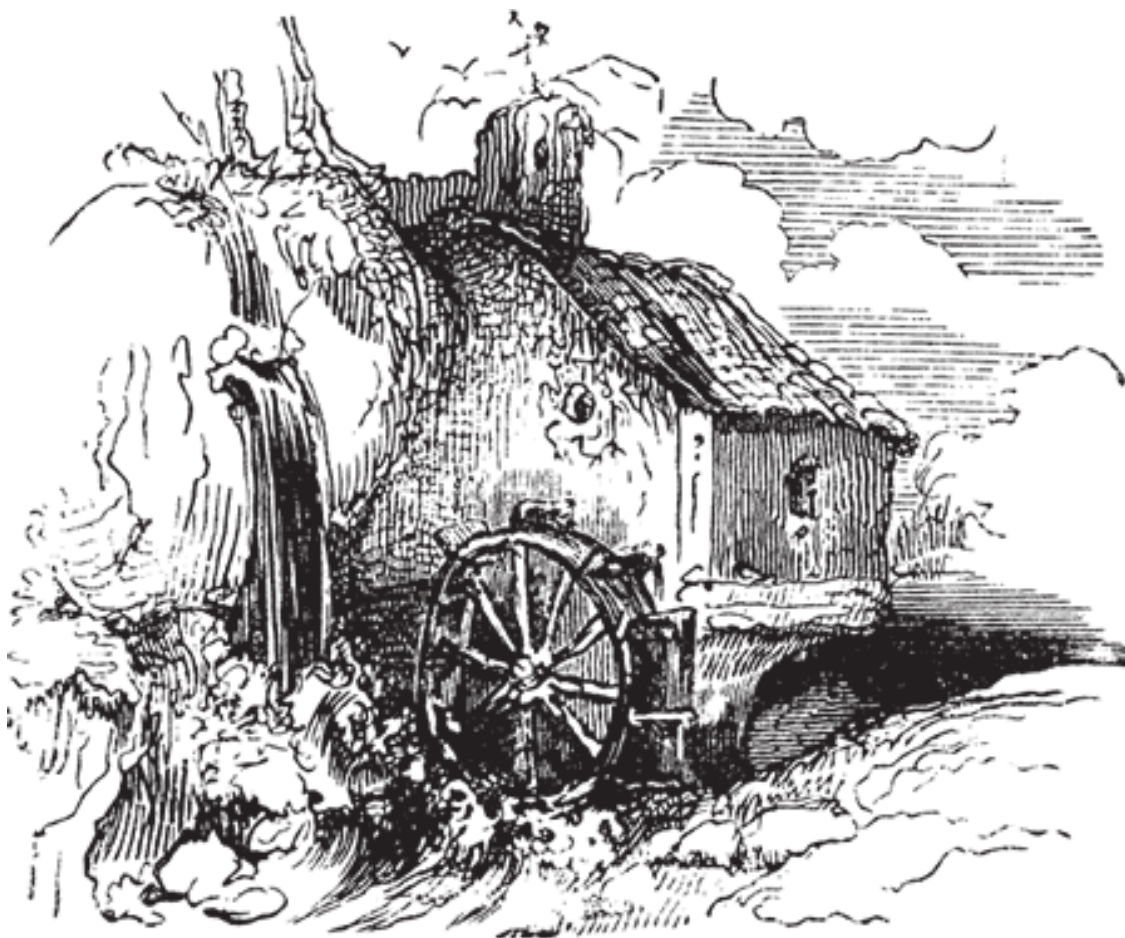
– Во всяком случае, – ответил Санчо, – копьём ваша милость действует хорошо: вы целили мне в голову и попали в спину только благодаря господу богу и ловкости, с которой мне удалось отскочить в сторону. Ну, да ладно, недаром говорит пословица: кто крепко любит, тот крепко бьет. А знатные сеньоры, как только обругают слугу, тотчас же жалуют ему новые штаны; вот только не знаю, что жалуют своим слугам странствующие рыцари после того, как их отлупят: уж не жалуют ли они своих слуг вслед за потасовкой каким-нибудь островом или королевством?

– Что ж, судьба может повернуть дело так, что все твои слова окажутся чистой правдой, – сказал Дон Кихот. – Прости, что я прибил тебя. Ты ведь не маленький и хорошо знаешь, что бывает, когда человек выйдет из терпения и не помнит себя. На будущее время это тебе будет предупреждением: остерегайся и воздерживайся от излишних разговоров со мной, ибо хоть я и прочел несметное количество рыцарских романов, но ни в одном из них я не встречал, чтобы оруженосец так много разговаривал со своим господином, как ты со мной. И, право, я считаю, что в этом мы оба виноваты: ты виноват в том, что недостаточно почтителен, а я в том, что не требую от тебя должного почтения. Например, Гандалин, оруженосец Амадиса Галль-

ского, хотя и был графом Сухопутного острова, но, если верить истории, разговаривал со своим господином не иначе, как держа шапку в руках и согнувшись вдвое по турецкому обычаю. Я не так требователен, как Амадис, но все же, Санчо, ты всегда должен помнить разницу между господином и слугой, сеньором и холопом, рыцарем и оруженосцем. А потому, начиная с нынешнего дня, мы перестанем обращаться друг с другом слишком запросто и оставим всякие дурачества: если вы чем-нибудь рассердите меня, то только сами от этого пострадаете, как глиняный горшок в басне. А обещанные милости и награды придут в свое время, а не придут, так все равно, жалованья вы во всяком случае не потеряете, я уже не раз вам это говорил.

– Все это прекрасно, ваша милость, – сказал Санчо. – Одно мне хотелось бы знать. Ведь может случиться, что время для наград так и не наступит; тогда мне придется удовольствоваться одним жалованьем. Так вот, скажите мне, ваша милость, какое жалованье в старые времена получали оруженосцы странствующих рыцарей и как они нанимались – ежемесячно или поденно?

– Мне кажется, – ответил Дон Кихот, – что в те времена оруженосцы никогда не получали жалованья, а довольствовались одними подарками. И если я упомянул о твоём жалованье в завещании, которое оставил дома, так только потому, что не знаю, какая судьба ждет рыцаря в наши бедственные времена. А мне бы не хотелось, чтобы из-за какой-нибудь мелочи душа моя мучилась на том свете. Ибо тебе следует знать, Санчо, что на этом свете нет занятия более опасного, чем поиски приключений.

– Это истинная правда! – ответил Санчо. – Подумать только, что одного стука валяльных молотов было довольно, чтобы смутить и встревожить сердце столь доблестного странствующего рыцаря, как ваша милость. Но вы можете быть вполне уверены, что впредь я и рта

не открою, чтобы шутить над вашей милостью, и всегда буду почитать вас, как своего господина и сеньора.

– И благо тебе будет, – ответил Дон Кихот, – ибо после отца и матери надо больше всего почитать своих господ.

Глава 16, в которой рассказывается о великом приключении и завоевании драгоценного шлема Мамбрина³⁸ и о беседе между рыцарем и его оруженосцем

Тут начал накрапывать дождь, и Санчо был бы не прочь спрятаться под крышу сукновальни; но после насмешек оруженосца Дон Кихот до того ее возненавидел, что ни за что на свете не хотел туда войти. А потому они свернули направо и скоро выбрались на ту самую дорогу, по которой двигались накануне. Не успели они проехать по ней и полмили, как Дон Кихот увидел вдали всадника, голова которого была покрыта какой-то странной шапкой, сверкавшей, словно золото.

– Мне кажется, Санчо, – сказал Дон Кихот, – что в каждой пословице есть истина, ибо все эти изречения извлечены из самого опыта – матери всех наук; особенно же справедлива пословица, гласящая: одна дверь захлопнулась, другая открылась. Говорю я это вот к чему: вчера судьба закрыла перед нами дверь к приключению, которого мы искали, и заставила нас испугаться сукновальни; а сегодня она уже настежь распахивает перед нами другую дверь, ведущую к другому приключению. Но это, наверное, уже серьезное дело! Взгляни, ведь, если я не ошибаюсь, навстречу нам едет всадник, у которого на голове шлем Мамбрина, тот самый, который, как ты знаешь, я поклялся раздобыть.

³⁸ Волшебный шлем сарацинского рыцаря Мамбрина, делавший неузнаваемым того, кто его носил.

– Ради бога будьте осторожны, ваша милость, – ответил Санчо, – смотрите, сеньор, как бы не повторилась история с сукновальной.

– Черт тебя побери, – вскричал Дон Кихот, – что общего между шлемом и сукновальной?

– Да уж не знаю, – ответил Санчо, – но, право, ваша милость, если бы вы разрешили мне говорить с вами так же свободно, как я говорил раньше, я бы, наверное, привел такие доводы, которые убедили бы вас в том, что вы ошибаетесь.

– Да в чем же я ошибаюсь, трус и предатель? – воскликнул Дон Кихот. – Скажи мне, разве ты не видишь, что навстречу нам едет всадник верхом на серой в яблоках лошади и что на голове у него золотой шлем?

– Я вижу и примечаю, – ответил Санчо, – какого-то человека верхом на осле; осел его такой же серой масти, как мой, а на голове у этого человека что-то блестящее.

– Но ведь это и есть шлем Мамбрина, – сказал Дон Кихот. – Отойди-ка в сторону и оставь меня с ним с глазу на глаз: ты увидишь, как, вступив в поединок с этим неизвестным рыцарем, я своим мечом добуду шлем, о котором уже давно мечтал.

– Отъехать-то мне не трудно, – ответил Санчо, – но прошу вас, ваша милость, будьте осторожны. Не попадите снова в какую-нибудь неприятную историю вроде истории с валяльными молотами.

– Я уже сто раз говорил вам, братец, чтоб вы не смели напоминать мне об этих молотах, – перебил его Дон Кихот, – а не то – провались я на этом месте – я из вас всю душу выколочу.

Санчо замолчал, опасаясь, как бы его господин действительно не привел в исполнение свою клятву, которая слетела у него с уст, словно легкое перышко.

Однако следует объяснить читателю, кто такой был этот загадочный всадник с блестящим шлемом на голове. Поблизости от большой дороги, по которой проезжал наш рыцарь с оруженосцем, лежало два села. В одном из них, поменьше, не было ни аптеки, ни цирюльни, и цирюльнику из другого приходилось обслуживать оба села. Случилось так, что как раз в это время одному жителю из села поменьше понадобилось пустить кровь, а другому побриться. Они вызвали к себе цирюльника, и тот отправился в путь, захватив с собой медный таз. Но судьбе было угодно, чтобы на дороге его застиг дождь. Желая спасти свою новенькую шляпу, цирюльник надел себе на голову тазик, который был тщательно вычищен и горел, как жар. Ехал он на сером осле, как правильно заметил Санчо, а Дон Кихоту сразу почудились и рыцарь, и золотой шлем, и серый в яблоках конь, ибо все, что ему попадалось на глаза, он немедленно переиначивал по-своему, в духе своих нелепых и сумасбродных фантазий.

Едва цирюльник приблизился к нашему рыцарю, как тот со всей быстротой, на какую был способен Росинант, устремился прямо на него с копьем наперевес.

Подскакав к нему, Дон Кихот закричал:

– Защищайся, жалкое создание, или отдай без боя то, что по праву должно принадлежать мне!

Увидев, что на него неожиданно-негаданно налетело какое-то привиденье, цирюльник с испугу свалился с осла на землю, а тазик соскочил у него с головы и отлетел в сторону. Едва коснувшись земли, цирюльник с резвостью оленя вскочил на ноги и бросился бежать с таким проворством, что и ветер бы его не догнал. Увидев, что таз остался лежать на дороге, Дон Кихот не стал преследовать беднягу.

– Видишь, Санчо, – сказал Дон Кихот, – как легко досталась мне эта победа: мой враг язычник поступил благоразумно, последовав примеру бобра, откусывающего собственными зубами то, из-за чего за ним гонится охотник.

Дон Кихот велел Санчо подобрать шлем, и тот, взяв его в руки, сказал:

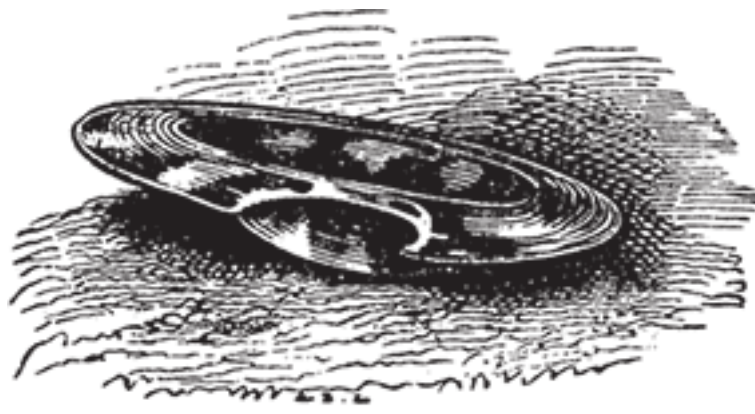
– А тазик, ей-богу, недурен! Стоит не менее восьми реалов.

Затем он передал его своему господину, который немедленно надел его на голову и стал поворачивать во все стороны, ища забрала. Не найдя его, он, наконец, сказал:

– Должно быть, у язычника, для которого сковали этот шишак, была громаднейшая голова, но хуже всего то, что у этого шлема не хватает забрала и назатыльника.

Когда Санчо услышал, что Дон Кихот называет бритвенный таз шлемом, он едва не разразился громким смехом, однако вовремя вспомнил о том, каков его господин в гневе, и сдержал свое веселье.

– Ты чему смеешься, Санчо? – спросил Дон Кихот.

– Я смеюсь, – ответил Санчо, – думая о том, какой огромной была голова у язычника, которому принадлежал этот шлем: ведь шлем этот как две капли воды похож на бритвенный таз.

– Знаешь, что мне кажется, Санчо? Наверное, этот знаменитый волшебный шлем попал в руки человека, который не мог оценить всех его достоинств. Видя, что шлем сделан из чистейшего золота, он обломал забрало и назатыльник, а из шишака смастерил то, что тебе представляется бритвенным тазом. Ну, да все равно. Я-то хорошо знаю, что это за шлем, и мне безразлично, во что его превратили. В первом же селе, где найдется кузница, мы его перекуем, и тогда с ним не сравнится даже тот шлем, который был выкован богом кузнецов для бога войны. А пока я буду носить его и в таком виде, ибо все же лучше что-нибудь, чем ничего. К тому же он вполне может защитить меня от града камней.

– Да, конечно, – ответил Санчо, – если только враги не будут метать камни из пращей, как это случилось при столкновении двух войск, когда у вашей милости вышибли зубы и разбили жестянку с этим проклятым бальзамом, от которого у меня чуть все внутренности не выскочили, чтоб его черт побрал!

– Ничего, Санчо, бальзам можно будет снова приготовить, – ответил Дон Кихот. – Тебе известно, что рецепт я помню наизусть.

– Да и я помню, – сказал болтливый оруженосец. – Но провались я на этом месте, если когда-нибудь в своей жизни стану его готовить или пробовать. Впрочем, я не думаю, чтобы мне понадобилось это снадобье, так как я постараюсь никогда не наносить и не получать ран. Сам я в драку ни с кем не полезу, а от всякого, кто захочет со мной драться, удеру без оглядки. Правда, может случиться, что меня еще раз покачают на одеяле, но ведь от такой беды никуда не спрячешься. Тут уж ничего другого не остается, как втянуть голову в плечи, задержать дыхание, зажмурить глаза и предаться на волю судьбы и одеяла.

– Ты плохой христианин, Санчо, – ответил на это Дон Кихот, – ибо не забываешь обиды, которую тебе нанесли в заколдованном замке или, по-твоему, трактире. Знай же, что благородные и великодушные сердца не обращают внимания на такие пустяки. Разве ты стал хромать после этого? Или тебе сломали ребро, или проломили голову? Так почему же ты не можешь забыть этой шутки? Ведь в конце концов это была только шутка. Если бы я думал иначе, я бы обязательно вернулся туда, чтобы отомстить за тебя. Я бы натворил таких бед, каких и сами греки не натворили из-за похищения Елены³⁹. Кстати сказать, – добавил наш рыцарь, подняв глаза к небу и испустив глубокий вздох, – если б Елена жила в наше время, или несравненная

³⁹ Древнегреческое предание рассказывает, что сын троянского царя Приама Парис похитил жену спартанского царя Менелая, прекрасную Елену. Греки вступились за оскорбленного Менелая и двинулись в поход на Трою. Осада Трои длилась несколько лет и кончилась разрушением города. История этой войны составляет содержание «Илиады» и «Одиссеи».

Дульсинея Тобосская – во времена Трои, то знаменитая гречанка не так легко прославилась бы своей красотой.

В ответ на эту речь Дон Кихота Санчо сказал:

– Ну, ладно! Раз мы не можем отомстить по-настоящему – пусть это будет шуткой. Но я-то хорошо знаю, какова была эта шутка, – знаю и то, что никогда она не выйдет у меня из памяти, да и спина моя ее не забудет. Ну, да оставим это. Лучше скажите мне, ваша милость, что нам делать с этим серым в яблоках конем, который как две капли воды похож на моего осла. Ведь хозяин покинул его здесь на произвол судьбы. А клянусь бородой, серый неплох! Он мог бы нам пригодиться, – не взять ли его с собой?

– Не в моих правилах, – ответил Дон Кихот, – грабить побежденных, да и рыцарский обычай запрещает отнимать у неприятеля коня и заставлять его идти пешком. Только в том случае, если победитель во время боя сам потерял коня, ему дозволяется воспользоваться конем побежденного как законной военной добычей. Поэтому, Санчо, оставь в покое этого коня или осла (если уж тебе так хочется, чтобы это был осел), так как я уверен, что хозяин вернется и заберет его, когда мы удалимся.

– Богу известно, – сказал Санчо, – как бы мне хотелось забрать его или, по крайней мере, обменять на своего: мой-то ведь похуже. Уж очень стеснительны рыцарские законы, раз они не позволяют одного осла обменять на другого. Ну, а позвольте узнать, сбрую обменять можно?

– Насчет этого я не вполне уверен, – ответил Дон Кихот. – Тут случай сомнительный – необходимо навести справки. Впрочем, я разрешаю тебе это сделать, раз ты так нуждаешься в новой сбруе для своего осла.

– Уж так нуждаюсь, – ответил Санчо, – что будь эта сбруя для меня самого, то и тогда бы я не так нуждался в ней.

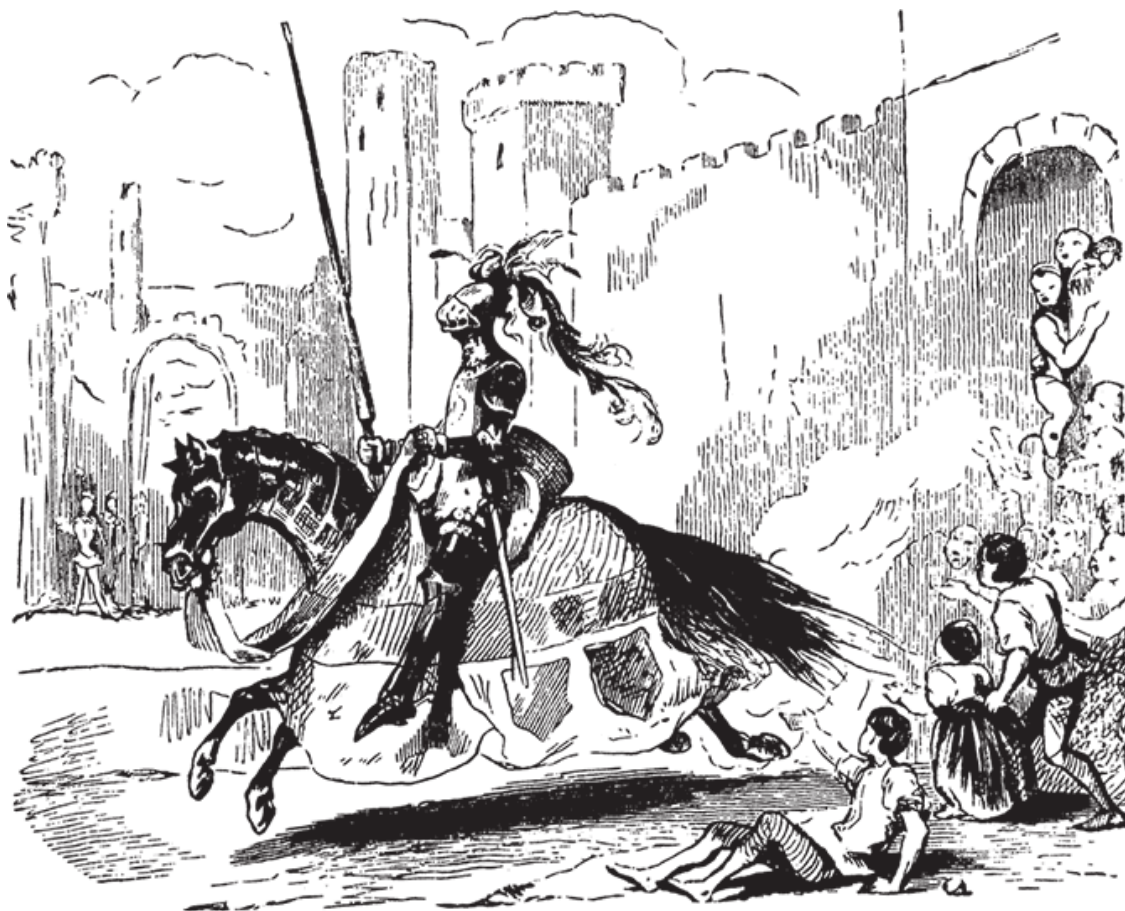
Получив разрешение от своего господина, Санчо тотчас же переменял сбрую и так разукрасил своего осла, что тот стал красавцем хоть куда.

Затем наши искатели приключений остановились в роще, позавтракали остатками припасов, захваченных Санчо в обозе погребальной процессии, и напились воды из ближайшего ручья. Немного отдохнув, они двинулись дальше, предоставив выбор пути Росинанту и серому, который послушно следовал за лошадьёю, не отступая от нее ни на шаг. Наконец им удалось выбраться на проезжую дорогу, по которой они и продолжали двигаться наудачу, не зная, куда она их приведет. Тут Санчо сказал своему господину:

– Ваша милость, не сообразовали ли вы дать мне разрешение немного поговорить с вами? С тех пор как вы наложили на меня суровый запрет молчания, у меня прокисло в желудке по крайней мере четыре вопроса, а теперь пятый вертится на кончике языка, и мне не хотелось бы, чтобы и он тоже пропал.

– Ну, говори, – ответил Дон Кихот, – только будь краток, ибо многословие всегда неприятно.

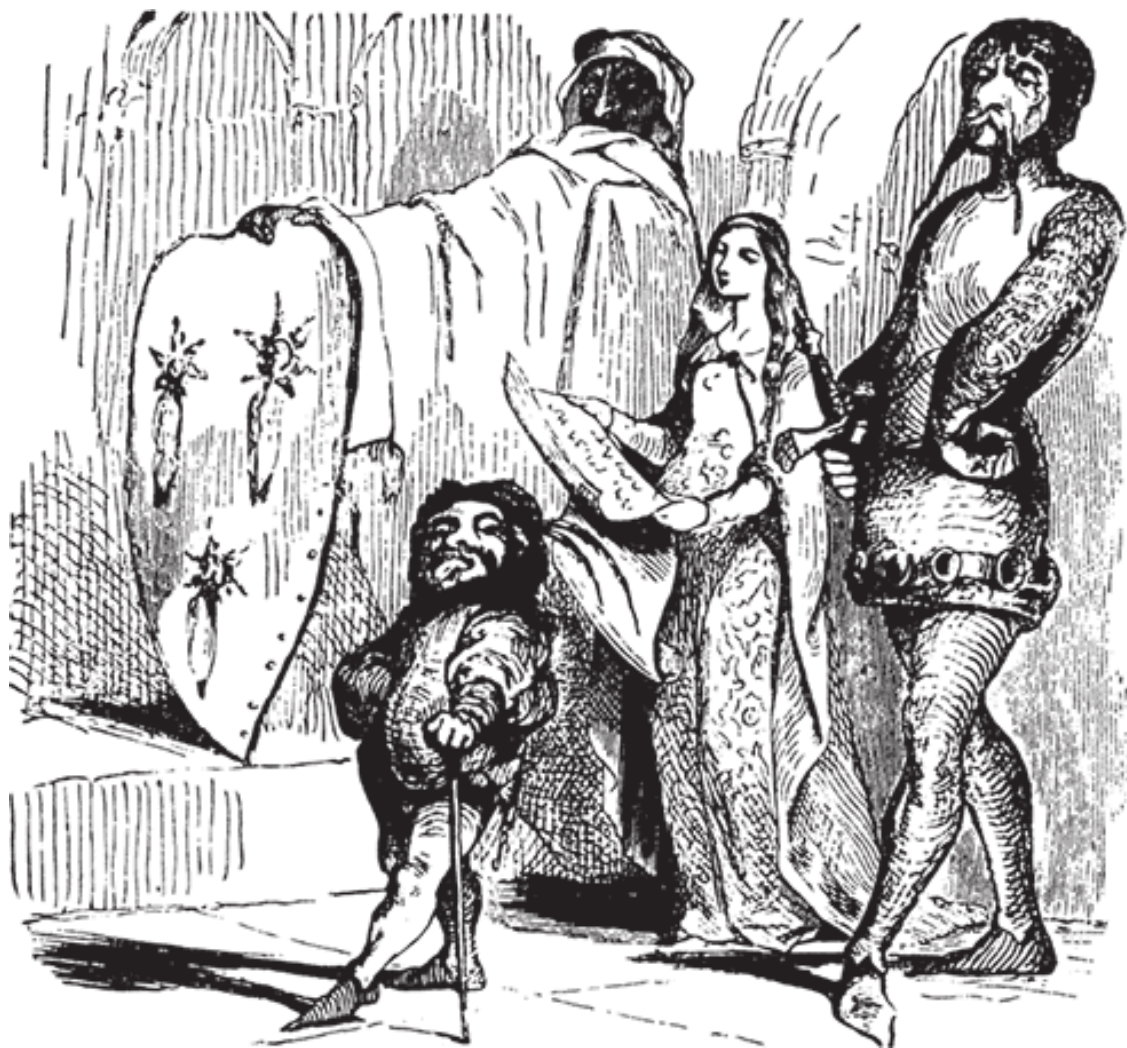
– Я хотел только сказать, сеньор, – начал Санчо, – что вот уже несколько дней я все раздумываю о том, как мало прибыли принесли наши странствия. Ваша милость ищет приключений на перекрестках дорог и в местах пустынных, где всех ваших побед и опасных подвигов все равно никто не увидит и не отметит. Сдается мне, что было бы гораздо лучше, – разве только ваша милость рассудит иначе, – если бы мы поступили на службу к какому-нибудь императору или другому великому государю. Тогда у вашей милости было бы где показать вашу великую доблесть и еще более великий разум. А уж государь сумел бы, конечно, вознаградить по заслугам нас обоих. К тому же при его дворе, наверное, нашелся бы добросовестный историк, который записал бы все деянья вашей милости, чтобы память о них сохранялась вечно. О своих деяньях я не говорю, ибо они измеряются другой меркой, чем ваши; хотя должен вам сказать, что если бы существовал обычай записывать подвиги оруженосцев, так смею вас уверить, и мои оказались бы не на последнем месте.

– Ты не плохо рассуждаешь, Санчо, – ответил Дон Кихот. – Но прежде чем попасть на такую почетную службу, рыцарь должен, в виде испытания, постраниковать по свету в поисках приключений. Он должен прежде заслужить всемирную славу, – должен добиться, чтобы его имя было на устах у всех. Тогда, лишь только он подъедет ко дворцу какого-нибудь знаменитого монарха, первые же встречные мальчишки оповестят всех о его прибытии; вокруг него тотчас соберется огромная толпа народа, и раздадутся восторженные крики: вот рыцарь Солнца, или: рыцарь Змеи – победитель могучего и страшного великана Брокабруна! Вот тот, кто рассеял ужасные чары, под властью которых Великий мамелюк Персии томился целых девятьсот лет! Тогда на крики толпы король выглянет из окна своего королевского дворца и, увидев нашего рыцаря, тотчас же узнает его по доспехам или по девизу на щите и скажет: «Эй вы, мои придворные рыцари, выходите встречать славного героя, цвет и украшение всего рыцарства!» Повинуясь его приказу, все они выйдут во двор, а сам он спустится до середины лестницы, крепко обнимет гостя и поведет представить сеньоре королеве; рядом с королевой наш рыцарь увидит дочь короля – инфанту, которая окажется самой прекрасной и благонаправленной девицей, какую только можно найти во всех известных донныне странах мира. Она посмотрит на рыцаря, а рыцарь – на нее, и в их сердцах сразу вспыхнет безумная любовь. Они почувствуют великую тревогу и не будут знать, как им открыть друг другу свою страсть и муку. Затем рыцаря проведут в роскошно убранный покой во дворце; там, сняв с него доспехи, набросают ему на плечи богатую пурпурную мантию. И если в полном вооружении он был хорош собой, то в этом наряде он покажется еще лучше. Когда наступит вечер, рыцарь сядет за ужин вместе с королем, королевой и инфантой; незаметно для всех он и инфанта будут не отрываясь глядеть друг на друга, и взоры их скажут то, чего нельзя высказать в словах. Когда же все встанут из-за стола, внезапно в залу войдет безобразный карлик, а за ним прекрасная дама в сопровождении

двух великанов; дама предложит испытание, выдуманное каким-нибудь древним мудрецом; тот, кто на него отважится, будет почитаться лучшим рыцарем на свете.

Король велит всем своим придворным попытать счастье, но они все потерпят полное поражение; только один наш рыцарь со славой выйдет из этого испытания, к великой радости инфанты, которая будет счастлива, что подарила свою любовь такому славному герою. По воле судьбы как раз в это время король объявит жесточайшую войну другому, не менее могущественному монарху. Поэтому наш рыцарь через несколько дней попросит разрешения послужить ему своим оружием. Король очень охотно разрешит, а рыцарь учтиво поцелует ему руку за оказанную милость. В ту же ночь он попрощается со своей дамой-инфантой через решетку сада, в который выходят окна ее опочивальни; через эту решетку они уже и раньше много раз беседовали в присутствии доверенной служанки. Он станет вздыхать, она упадет в обморок, служанка встревожится и поспешит привести инфанту в чувство. Она боится, что наступит утро и какой-нибудь нескромник может увидеть их. Наконец инфанта придет в себя и через решетку протянет свои белые руки рыцарю, а он станет целовать их и орошать слезами. Они условятся, как им подавать весточки друг другу; принцесса станет просить рыцаря возвратиться как можно скорее; он клятвенно ей это пообещает и снова примется целовать ей руки, и расстанется с ней так трогательно, словно он расстаётся с жизнью.

Потом рыцарь пойдет к себе в комнату, бросится на постель, но ни на минуту не уснет от горя; подыметесь чуть свет, простится с королем и королевой и отправится в поход. Долгое время он сражается, выигрывает битву за битвой, побеждает врагов короля, завоевывает бесчисленные города и, наконец, возвращается обратно во дворец. Тут он встречается в назначенном месте со своей повелительницей и сговаривается с ней о том, что будет просить ее руки в награду за свою службу. Король не согласится на его просьбу, так как не знает, кто он такой; но, несмотря на это, рыцарь все же женится на инфанте, и король впоследствии сочтет это великим для себя счастьем, так как узнает, что наш рыцарь – сын могущественного короля. Потом король умрет, престол перейдет к инфанте, – и вот рыцарь делается королем. Тут-то и наступит время осыпать милостями оруженосца и всех, помогавших рыцарю достичь столь высокого положения. Он женит оруженосца на служанке инфанты, скорей всего на той самой, которая была посредницей в свиданиях, – а она окажется дочерью могущественного герцога.

– Этого-то мне и надо, скажу прямо, начистоту! – воскликнул Санчо. – И я уверен, что все так и произойдет, как вы сказали. Недаром же ваша милость зовется рыцарем Печального Образа.

– Можешь в этом не сомневаться, Санчо, – ответил Дон Кихот, – ибо странствующие рыцари всходили и восходят на королевский или императорский престол именно так, как я тебе рассказал. Нам остается только разузнать, какой христианский или языческий король ведет теперь войну и имеет красавицу дочь. Но об этом у нас еще будет время подумать, ибо, как я тебе сказал, прежде чем отправиться ко двору, мы должны прославиться приключениями. Однако для меня встретятся еще и другие затруднения. Допустим, что своими подвигами я приобрету бессмертную славу во всей вселенной и что найдется король, который ведет опасную войну и имеет дочь-красавицу. Но как устроить, чтобы я оказался потомком королевского рода или хотя бы троюродным братом императора? Ведь король не пожелает выдать за меня свою дочь, прежде чем не удостоверится в моем высоком происхождении, и я боюсь, как бы из-за этого мне не потерять награды, заслуженной в кровавых битвах и отважных поединках. Правда, я – из старинного дворянского рода, имею земли и владения и могу за обиды требовать пятьсот суэльдо, поэтому вполне возможно, что мудрец, который будет описывать мои подвиги, подробно исследует мою родословную и установит, что я – потомок древнего королевского рода. В противном случае придется обойтись без согласия короля. Инфанта полюбит меня так сильно, что, вопреки воле отца, признает меня своим супругом и господином; тогда я тайно увезу ее куда-нибудь далеко, а там время или смерть положат конец гневу ее родителей. Когда ж я стану королем, я возведу тебя в графское достоинство.

– Раз так, – ответил Санчо, – то нам остается только поручить себя господу богу и довериться судьбе, а уж она поведет нас по верной дороге.

– А раз ты станешь графом, – продолжал Дон Кихот, – так ты уже и рыцарь; пусть люди говорят, что им угодно, а все же каждому придется величать тебя сеньором.

– А что же, неужто вы думаете, я не сумею носить капитул? – спросил Санчо.

– Ты хочешь сказать титул, а не капитул? – заметил Дон Кихот.

– Пусть так, – сказал Санчо Панса. – Думаю, что я не уроню себя; мне пришлось как-то служить сторожем в одном братстве, и платье сторожа было мне так к лицу, что все говорили, будто с моей наружностью нетрудно сделаться даже судьей. А то ли будет, как я накину себе на плечи герцогскую мантию, шитую золотом и жемчугом! Да я уверен, что со всей округи будут сбегаться и съезжаться посмотреть на меня.

– Да, вид у тебя будет представительный, – сказал Дон Кихот, – но только тебе придется частенько брить бороду: очень уж она у тебя густая, всклокоченная и нечесаная, и если ты не будешь скоблить ее бритвой хотя бы через день, всякий с расстояния мушкетного выстрела увидит, что ты за птица.

– За этим дело не станет, – ответил Санчо, – стоит только нанять цирюльника и держать его при себе на жалованье. Понадобится, так я велю ему ходить за мной по пятам, как конюшие ходят за грандами.

– А ты откуда знаешь, что за грандами ходят конюшие?

– Да, видите ли, ваша милость, – ответил Санчо, – несколько лет тому назад я пробыл с месяц в столице. Там мне случалось часто встречать на улице одного сеньора; он был очень маленького роста, хотя про него говорили, что это очень большой барин. Он постоянно гулял, а за ним, куда бы он ни повернулся, ехал какой-то всадник – ну точь-в-точь словно его хвост. Я спросил, почему этот человек никогда не поравняется с маленьким сеньором, а держится позади него. Мне ответили, что верховой – его конюший и что у грандов такой обычай, чтобы их всюду сопровождали конюшие. Я так крепко запомнил это, что уж никогда больше не забывал.

– Да, ты прав, – сказал Дон Кихот, – ты можешь водить с собой цирюльника. Верь, обычаи не были установлены все сразу и навсегда, а потому вполне допустимо, чтобы ты был первым графом, гуляющим в сопровождении цирюльника.

– О цирюльнике я сам позабочусь, – сказал Санчо, – а уж вы, ваша милость, позаботьтесь, чтобы стать королем и произвести меня в графы.

– Не беспокойся, все устроится хорошо, – ответил Дон Кихот, но тут, взглянув вперед, наш рыцарь увидел то, о чем будет рассказано в следующей главе.

Глава 17 о том, как Дон Кихот даровал свободу множеству несчастных, которых насильно вели туда, куда им вовсе не хотелось

Дон Кихот увидел, что навстречу им двигалось пешком человек двенадцать; все они были, словно бусы в четках, прикованы к одной длинной цепи; на руках у них были надеты кандалы. Партию эту сопровождали четверо конвойных: двое верховых, вооруженных мушкетами, и двое пеших, с пиками и шпагами.

– Вот цепь каторжников, королевских невольников, которых ведут на галеры, – сказал Санчо.

– Как так невольников? – спросил Дон Кихот. – Возможно ли, чтобы король прибегал к насилию?

– Я этого не говорю, – ответил Санчо, – я хочу только сказать, что эти люди за свои преступления приговорены к принудительной службе королю на галерах⁴⁰.

– Одним словом, – возразил Дон Кихот, – эти люди идут на галеры не по своей доброй воле, но подчиняясь насилию?

– Именно так, – ответил Санчо.

– Тогда, – продолжал его господин, – мой долг повелевает мне восстать против насилия и помочь несчастным.

– Ваша милость, – возразил Санчо, – король и суд не совершают насилия, а только наказывают людей за их преступления.

В это время цепь каторжников приблизилась, и Дон Кихот в самых любезных выражениях попросил конвойных сделать милость – сообщить и объяснить ему, почему эти несчаст-

⁴⁰ Галеры. В Испании, как и во Франции, преступники, осужденные к каторжным работам, отбывали наказание в качестве гребцов на судах королевского флота – галерах. Условия жизни на галерах были невероятно тяжелыми: изнурительная работа в оковах, жестокие телесные наказания, скудная пища, тесное грязное помещение.

ные закованы в цепи. Один из верховых конвойных ответил, что это каторжники, люди, принадлежащие его величеству, и что отправляются они на галеры; вот и все, что он может сообщить.

– А все же мне хотелось бы, – ответил Дон Кихот, – расспросить каждого из них поодиночке о причинах его несчастья.

К этой просьбе он прибавил столько любезностей, что второй верховой конвойный сказал:

– Хотя мы и везем при себе подробные приговоры этих негодяев, но нам некогда останавливаться, доставать бумаги и читать их вашей милости. Уж лучше, сеньор, вы сами подойдите к ним и расспросите. Если им захочется, они вам все расскажут, а им, наверное, захочется, потому что для этих молодцов нет большего удовольствия, как делать мерзости или рассказывать о них.

Получив разрешение, Дон Кихот подъехал к цепи и спросил первого каторжника, парня лет двадцати четырех, за что он попал в беду. Тот ответил, что во всем виновата была любовь.

– Как, всего-навсего любовь?! – воскликнул Дон Кихот. – Да если за любовь отправлять на галеры, так я уж давно должен был бы грести на них.

– Ваша милость не про ту любовь говорит, – ответил каторжник. – Моя любовь была особая: я горячо полюбил корзину с бельем и так страстно прижал ее к своей груди, что, если бы правосудие силой не отняло ее, я бы по сей день не расставался с ней. За эту-то любовь и вlepили мне в спину сто ударов кнутом да в придачу дали три года галер.

С тем же вопросом обратился Дон Кихот ко второму каторжнику, но тот уныло продолжал шагать и не промолвил ни слова. За него ответил его сосед:

– Его ведут, сеньор, за то, что он был канарейкой, иначе говоря – певцом и музыкантом.

– Как так? – опять спросил Дон Кихот. – Неужели певцов и музыкантов тоже ссылают на галеры?

– Да, сеньор, – ответил каторжник, – ничего не может быть хуже, чем петь во время тревоги.

– Вот уж не думал этого, – возразил Дон Кихот. – Ведь говорится: кто поет, того беда не берет.

– А вот тут выходит иначе, – сказал каторжник, – кто раз запоет, тот потом всю жизнь будет плакать.

– Ничего не понимаю, – заявил Дон Кихот.

Но тут вмешался один из конвойных и сказал:

– Сеньор кабальеро, на языке этих нечестивцев петь во время тревоги означает признаться на пытке. Этого грешника подвергли пытке, и он признался в своем преступлении; он был угонщиком, то есть воровал всякую скотину. Его приговорили к шести годам галер да вдобавок всыпали двести ударов кнутом, – они уже на спине этого плута. Теперь его грызут раскаяние и стыд за свою слабость, а остальные мошенники презирают, поносят и притесняют его за то, что у молодчика не хватило духу вытерпеть пытку и до конца не сознаваться. Ибо, говорят они, в ДА столько же букв, сколько и в НЕ, и самое большое преимущество преступника в том, что его жизнь и смерть зависят не от свидетелей или улики, а от его собственного языка. По-моему, они рассуждают правильно.

– И я того же мнения, – ответил Дон Кихот.

Затем он подошел к третьему и задал ему тот же вопрос, что и двум первым. Тот с живостью и без стеснения ответил:

– Я отправляюсь на пять лет к сеньорам галерам из-за того, что у меня не было десяти дукатов.

– Да я с величайшей охотой дам двадцать, чтобы только выручить вас из беды, – вскричал Дон Кихот.

– Слишком поздно, сеньор, – ответил каторжник, – сейчас я похож на богатого купца, который оказался на корабле посреди моря; денег у него много, а он умирает с голоду, так как ему негде купить хлеба. Вот будь у меня раньше эти двадцать дукатов, что предлагает ваша

милость, я бы подмазал ими стряпчего да освежил мозги защитника и теперь разгуливал бы на свободе, а не тащился бы по этой дороге, привязанный к цепи, словно борзая.

Затем Дон Кихот стал расспрашивать одного за другим всех остальных каторжников и от каждого услышал подробный рассказ о том, за какое преступление попал он на галеры. Последний, к кому обратился наш рыцарь, был статный и красивый человек лет тридцати, немного косивший на один глаз. Скован он был иначе, чем остальные каторжники. Длинная цепь обвивала все его тело с головы до ног; на нем было два железных ошейника, один был прикован к общей цепи, а от другого, носившего название «стереги дружка», спускались к поясу два железных прута, прикрепленных к ручным кандалам; благодаря этому преступник не мог двигать ни руками, ни головой. Дон Кихот спросил, почему у этого человека такие тяжкие оковы. Конвойный ему ответил:

– А потому, что он один совершил больше преступлений, чем все остальные, вместе взятые; к тому же это такой отчаянный ловкач, что, несмотря на эти оковы, мы все же опасаемся, как бы он не удрал. Достаточно вам сказать, что это – знаменитый Хинес де Пасамонте, или, как его иначе называют, Хинесильо де Парапилья.

– Осторожнее, сеньор комиссар, – произнес каторжник, – перестаньте перебирать разные прозвища. Зовут меня Хинес, а вовсе не Хинесильо, и я из рода Пасамонте, а не Парапилья, как утверждает ваша милость. Вы бы лучше о своем роде подумали – много бы интересного открыли...

– Потихе ты, сеньор разбойник, – ответил комиссар, – не то я заставлю тебя замолчать.

– Придет время, и все узнают, зовут ли меня Хинесильо де Парапилья.

– Да разве нет у тебя, мошенник, такого прозвища? – спросил надсмотрщик.

– Есть-то есть, – ответил Хинес, – но я никому не позволю так меня называть! Сеньор, – обратился он к Дон Кихоту, – если вы собираетесь что-нибудь нам дать, так давайте скорее и отправляйтесь своей дорогой. Надоели нам ваши расспросы о чужих делах; а если вам угодно узнать обо мне, так вот: я Хинес де Пасамонте, и вот этими самыми пальцами я написал свою историю!

– Это он правду говорит, – заметил комиссар. – Он действительно описал свою жизнь, да еще так, что лучше описать невозможно, только книга осталась в тюрьме, и под залог ее он получил двести реалов.

- Но я ее выкуплю, – сказал Хинес, – хотя бы пришлось заплатить двести дукатов.
- Что ж, разве она так хороша? – спросил Дон Кихот.
- Так хороша, – ответил Хинес, – что лучше «Ласарильо с Тормеса» и всех книг такого сорта, какие были или будут написаны⁴¹. Скажу только вашей милости, что все в ней правда; она такая увлекательная и забавная, что никакие выдумки с ней не сравнятся.
- А как ее заглавие? – спросил Дон Кихот.
- «Жизнь Хинеса де Пасамонте», – ответил тот.

⁴¹ «Ласарильо с Тормеса» – повесть неизвестного автора, вышедшая в свет в 1554 году. Под видом незатейливого рассказа о похождениях маленького оборвыша Ласарильо в ней дается злая сатира на тогдашнюю испанскую жизнь.

– И она закончена? – спросил опять Дон Кихот.

– Как же она может быть закончена, – ответил Хинес, – если еще не кончилась моя жизнь. В книге описано все, что со мной случилось со дня рождения до нынешней отправки на галеры.

– А вы не в первый раз отправляетесь туда? – спросил Дон Кихот.

– Служа богу и королю, я уже провел на галерах четыре года и знаю вкус сухарей и плети, – ответил Хинес. – Однако я не очень огорчен, что снова туда отправлюсь: там я смогу не спеша закончить свою книгу. У работающих на испанских галерах столько свободного времени, что и девать его некуда.

– А ты – неглупый человек! – сказал Дон Кихот.

– И несчастный, – прибавил Хинес, – ибо несчастья всегда преследуют людей с головой.

– Несчастья преследуют негодяев, – перебил его комиссар.

– Я уже просил вас, сеньор комиссар, – сказал Хинес, – выражаться осторожнее! Вам поручено доставить нас на место, назначенное королем, а не оскорблять нас, бедняков. Поэтому помалкивайте да двиньтесь дальше, ибо кто знает, какая судьба ждет вас впереди; быть может, вы сами угодите на галеры!

Комиссар замахнулся бичом, чтобы ударить Пасамонте за его дерзость, но Дон Кихот стал между ними и попросил не трогать преступника.

– Что за важность, – заметил он, – если у человека с крепко связанными руками чуть-чуть развязался язык? – Затем он повернулся к цепи каторжников и сказал: – Из ваших рассказов, дорогие братья, я ясно понял: хотя вы и наказаны, согласно законам и по суду, но эта предстоящая жизнь не очень-то вам по вкусу и вас насильно гонят на галеры. К тому же очень возможно, что осуждены вы не вполне правильно: одного погубило малодушие во время пытки, другого – недостаток денег, третьего – отсутствие покровителей, четвертого – пристрастное решение судьи. Кто знает, быть может, правда была на вашей стороне, и вы только не могли доказать этого на суде. Но справедливость должна восторжествовать. Сейчас вы увидите, ради чего господь призвал меня к великим подвигам, повелел примкнуть к ордену странствующих рыцарей и принести обет в том, что я буду защищать обездоленных и угнетенных. Но я знаю, что не следует прибегать к силе там, где можно все уладить миром, а потому я сперва спрошу сеньоров конвойных и комиссара, не будет ли им угодно снять с вас цепи и отпустить с миром. Я считаю большой жестокостью делать рабами тех, кого господь и природа создали свободными. Тем более, сеньоры конвойные, – прибавил Дон Кихот, – что перед вами лично эти несчастные ни в чем не провинились. Пусть каждый даст ответ за свои грехи: есть бог на небе, и он неусыпно карает за зло и награждает за добро, а простым смертным не следует становиться палачами других людей. Я обращаюсь к вам со смиренной просьбой для того, чтобы мне было за что вас благодарить. Но если вы не исполните ее по доброй воле, – я при помощи копья и меча силой заставлю вас сделать это!

– Что за дурацкая шутка! – воскликнул комиссар. – Посмотрите, до какого вздора он договорился! Разве мы имеем право отпускать на волю государственных преступников, и разве вы имеете право отдавать нам такие приказания? Ступайте-ка себе подобию-поздорову, ваша милость, поправьте как следует тазик, что у вас на голове, да не ищите у кота пятой ноги, сеньор!

Не помня себя от гнева, Дон Кихот так стремительно набросился на комиссара, что тот не успел приготовиться к нападению и свалился наземь, выбитый из седла ударом копья. Неожиданное нападение в первую минуту ошеломило остальных конвойных. Однако они тотчас опомнились и схватились за шпаги и пики, и все вместе напали на Дон Кихота. Нашему рыцарю, наверное, пришлось бы очень плохо, если бы каторжники, видя, что им представляется случай освободиться, не напрягли всех своих сил, чтобы порвать сковывавшую их цепь. Все пришло в смятение; конвойные не знали, что им делать: броситься ли на каторжников или обороняться от нападавшего на них Дон Кихота. Тем временем Санчо помог Хинесу де

Пасамонте сбросить оковы. Освободившись от цепей, Хинес подскочил к упавшему комиссару, схватил его мушкет и нацелился в конвойных. Но выстрелить ему не пришлось: на поле битвы уже не оставалось ни одного врага; все они бежали от мушкета Пасамонте и от камней остальных каторжников. Видя, что стража рассеялась, Санчо сразу опомнился и очень встревожился. Он сообразил, что конвойные, наверное, донесут обо всем случившемся Санта Эрмандад, которая поднимет тревогу и немедленно начнет преследовать каторжников и их освободителей. Он поделился своими мыслями с Дон Кихотом и стал убеждать его как можно скорей покинуть это место и углубиться в горные ущелья, видневшиеся неподалеку.

– Успокойся, – ответил Дон Кихот, – я знаю, что нам сейчас нужно делать.

Затем наш рыцарь созвал каторжников, которые, ограбив комиссара, разбежались было по сторонам; все обступили его в ожидании приказаний, и Дон Кихот начал так:

– Люди благородные всегда бывают признательны своим благодетелям, ибо нет больше греха, чем неблагодарность. А вы, сеньоры, только что на опыте убедились, что я ваш благодетель. Так вот – за услугу, оказанную мною вам, я требую только одного: я хочу, чтобы вы возложили себе на плечи цепь, от которой я вас освободил, и немедленно отправились в город Тобосо. Там вы предстанете перед сеньорой Дульсинеей Тобосской и скажете ей, что рыцарь Печального Образа шлет ей привет, и затем во всех подробностях расскажете ей о том славном подвиге, которому вы обязаны своим освобождением. Исполнив это, вы можете идти, куда вам будет угодно.

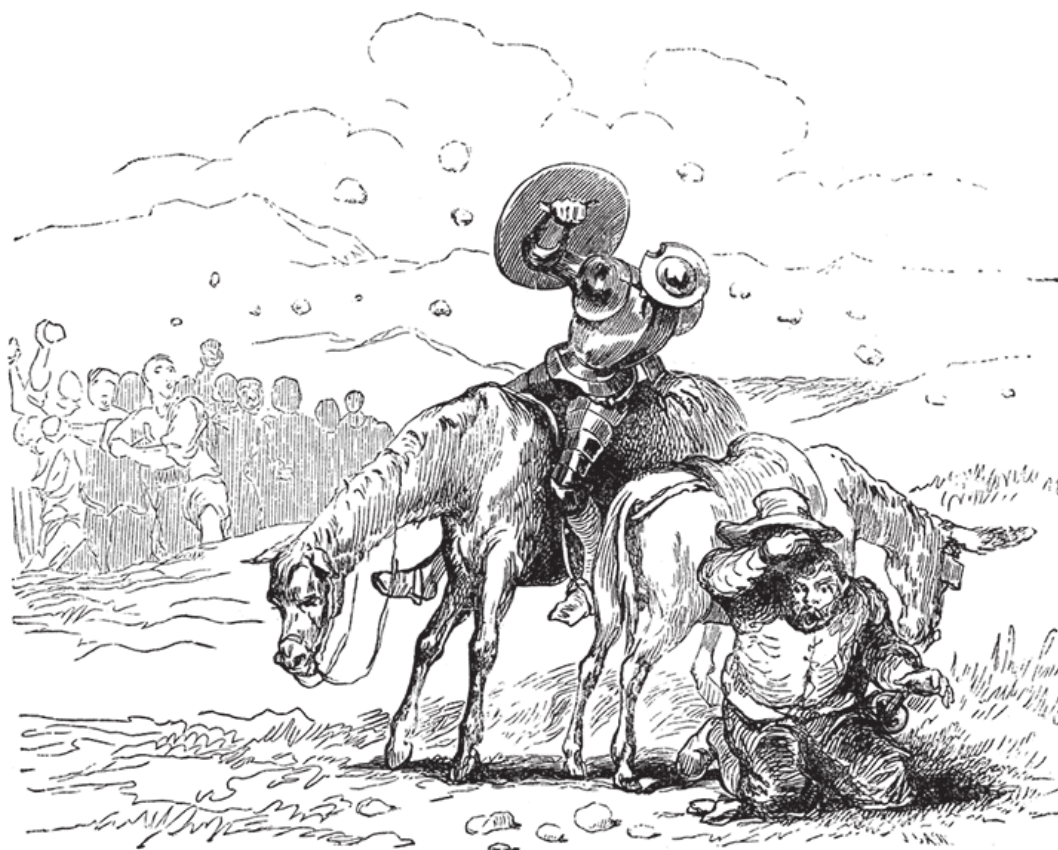
За всех каторжников ответил Хинес де Пасамонте:

– Сеньор спаситель, мы никак не можем исполнить приказания вашей милости, ибо нам нельзя толпой расхаживать по дорогам. Напротив, мы должны разойтись в разные стороны и так запрятаться, чтобы нас не нашла Санта Эрмандад, ибо она, конечно, бросится за нами в погоню. Пусть ваша милость вместо посещения сеньоры Дульсинеи прикажет нам прочитать какое угодно число молитв; мы охотно помолимся за вашу милость. Но воображать, будто мы согласимся взять нашу цепь и отнести ее в Тобосо, – все равно, что думать, будто сейчас ночь,

когда на самом деле еще нет десяти часов утра, и просить нас об этом – все равно, что на вязе искать груш.

– Так я клянусь, – вскричал Дон Кихот запальчиво, – дон мерзавец, дон Хинесильо де Парапилья, или как вас там зовут, вы отправитесь туда один и сами потащите на себе цепь.

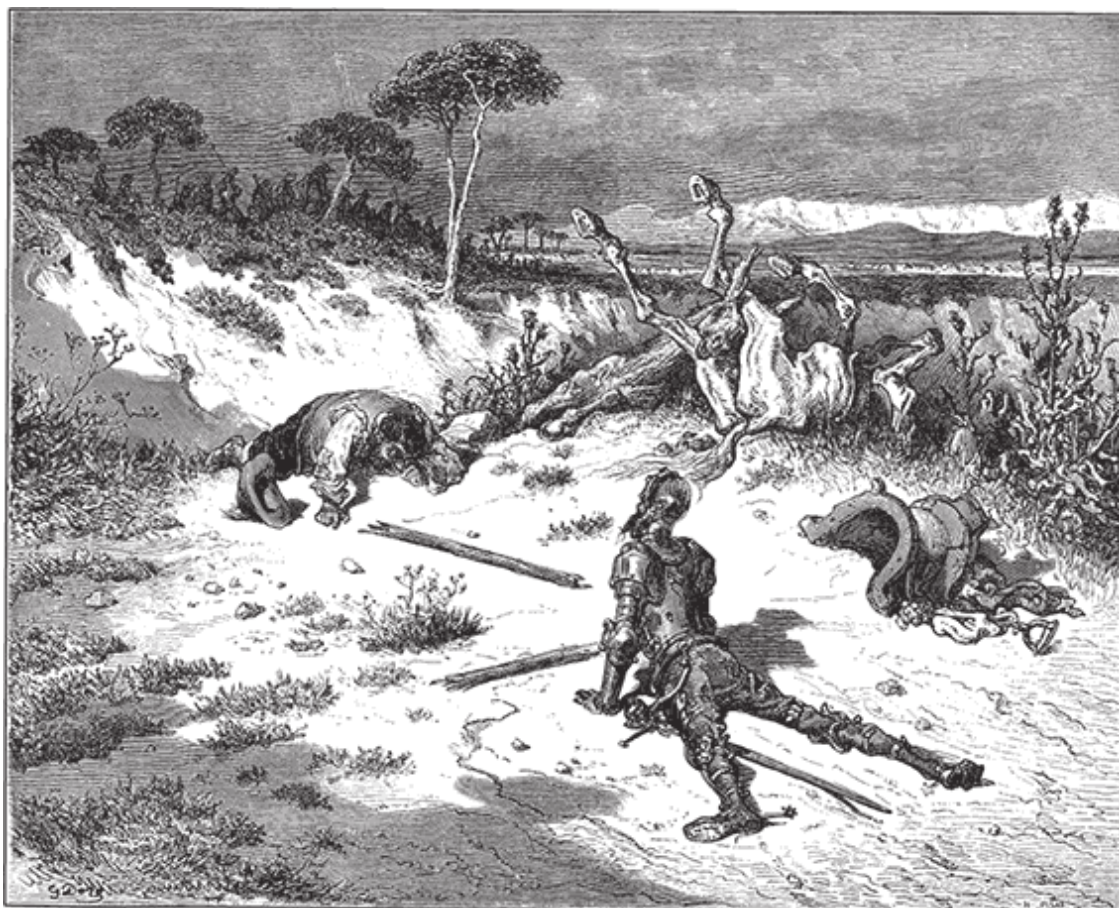
Пасамонте, услышав бранные слова и смекнув, что Дон Кихот не в своем уме, дал знак своим товарищам. Все тотчас отскочили в сторону, и на Дон Кихота посыпался такой град камней, что он не успевал прикрываться от них щитом. Санчо спрятался за спину своего осла и таким способом защитил себя от камней. А его хозяин некоторое время успешно оборонялся от ударов; однако в конце концов несколько камней попало ему в грудь и плечо, и он свалился на землю. Лишь только он упал, один из каторжников бросился к нему, сорвал с его головы таз и раза три или четыре ударил им нашего рыцаря по спине; затем каторжники сняли с бедного рыцаря камзол, который он носил поверх доспехов, и хотели стащить чулки, но в этом им помешали его поножи. У Санчо они отняли плащ и оставили ему только платье; наконец, поделив между собой остальную военную добычу, они скрылись в горы.

На месте побоища остались только осел и Росинант, Санчо и Дон Кихот. Осел стоял, задумчиво понуря голову и от времени до времени потряхивая ушами; должно быть, он воображал, что каменный град еще не прекратился, так как в ушах у него все еще гудело; Росинант лежал на земле рядом со своим хозяином, ибо и ему порядком досталось от неблагодарных каторжников; Санчо, лишившийся плаща, дрожал от страха при мысли о Санта Эрмандад; а Дон Кихот был глубоко удручен тем, что люди, им облагодетельствованные, так дурно обошлись с ним.

Глава 18, в которой рассказывается о том, как Хинес де Пасамонте украл у Санчо Пансы его серого

Увидев, как плачевно закончился подвиг, предпринятый им во имя восстановления справедливости, Дон Кихот сказал своему оруженосцу:

– Много раз я слышал, Санчо, что делать добро людям без чести и совести – все равно, что ловить воду в море. Теперь я убедился, что это правда. Я жалею, что не последовал твоему совету – не вмешиваться в дела правосудия. Если б я поверил твоим словам, мы бы избежали этой неприятности. Но дела назад не поворотишь, потерпим и постараемся впредь научиться уму-разуму.

– Ваша милость научиться уму-разуму не раньше, чем я сделаюсь турком, – отвечал Санчо. – Вы говорите, что мы избежали бы всех этих неприятностей, если бы сразу последовали моему совету. Так послушайте меня теперь – и мы избежим гораздо худшей беды. Против Санта Эрмандад не помогут нам все ваши рыцарские доблести; ведь она за всех странствующих рыцарей гроша ломаного не даст. Мне уже чудится, что пули ее стрелков жужжат около моих ушей.

– Ты трус от рождения, Санчо, – перебил его Дон Кихот. – Но чтобы ты не мог обвинить меня в упрямстве, я последую теперь твоему совету и удалюсь отсюда, чтоб избежать встречи с Санта Эрмандад. Но ты должен поклясться, что никогда, ни в этой жизни, ни в будущей, никому не скажешь, будто я из страха уклонился от этой встречи. Помни, – я делаю это только потому, что снисхожу к твоим мольбам. И при одной мысли, что ты можешь бессовестно оклеветать меня и рассказать кому-нибудь, будто я уклоняюсь от опасности, и притом от такой опасности, которая действительно способна внушить страх, – при одной этой мысли я готов остаться здесь один и ждать не только святое братство, о котором ты толкуешь с таким ужасом, но и семерых братьев Маккавеев⁴², Кастора и Поллукса⁴³ и всех братьев и братства, какие существуют на свете.

– Сеньор, – отвечал Санчо, – удалиться не значит бежать, а дожидаться опасности, отразить которую мы не в силах, – чистое безумие. Благоразумие велит беречь себя сегодня ради завтра и не ставить все на карту в один день. Пусть я – невежда и деревенщина, – я все же не дурак и могу рассуждать здраво, а потому не жалейте, что послушались моего совета: садитесь на Росинанта, если только можете, а не можете, так я вам подсоблю, и поезжайте за мной, ибо смекалка моя мне говорит, что теперь ноги нам нужнее рук.

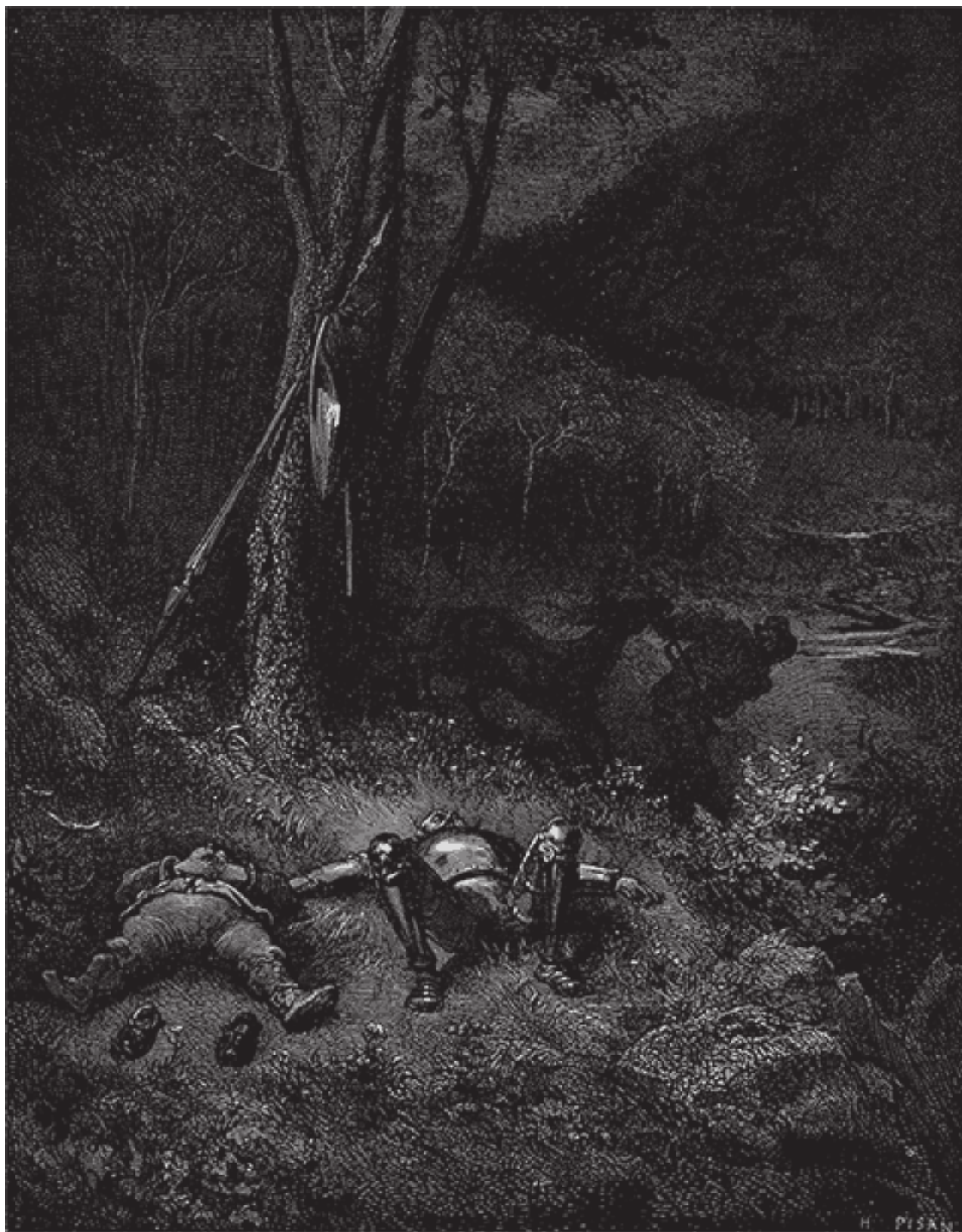
⁴² Братья Маккавеи – прославленные в библейских сказаниях вожди еврейского народа времен его борьбы за свою независимость против Сирии.

⁴³ Кастор и Поллукс – по древнегреческим верованиям, братья-близнецы, дети бога Зевса и красавицы Леды. Почитались древними как образец верной братской любви и воинской доблести.

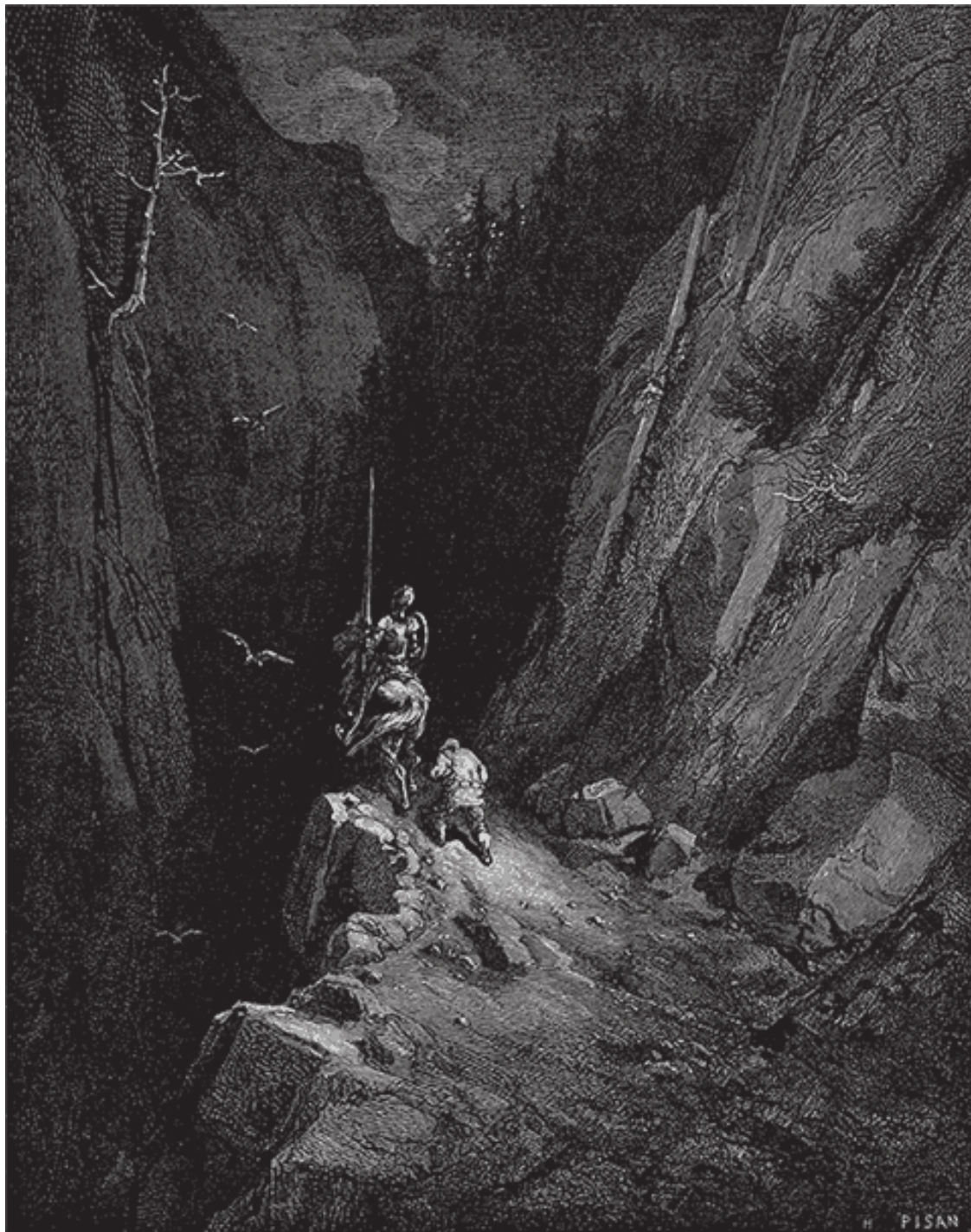
Дон Кихот не возразил ни слова, сел на лошадь и последовал за Санчо, который погнал своего осла к ущельям Сиерра-Морены⁴⁴, видневшимся невдалеке. Санчо намеревался перевалить через горы, добраться до Виса или до Альмодовара дель Кампо и там на несколько дней укрыться в скалах, где Санта Эрмандад не могла бы их отыскать. Добрый оруженосец не боялся забраться далеко в горы, ибо вез на своем сером порядочный запас провизии, каким-то чудом не попавший в жадные руки каторжников.

⁴⁴ Горная цепь, отделяющая Ламанчу от Андалузии. Во времена Сервантеса Сиерра-Морена служила убежищем для всех скрывавшихся от правосудия и была любимым местопребыванием разбойников, воров и др.

К вечеру они забрались в самую глубь Сиерра-Морены и расположились на ночлег под большим дубом в глухом ущелье. Санчо решил, что они останутся здесь до тех пор, пока у них не иссякнет провизия. Однако, по воле роковой судьбы, знаменитый плут и вор Хинес де Пасамонте, самый отчаянный из всех каторжников, избавленных от цепей доблестью и безумием Дон Кихота, опасаясь погони Санта Эрмандад, также бежал в горы и еще засветло спрятался в том ущелье, где укрылись Дон Кихот и Санчо Панса. Злодеи чужды благодарности, и неутолимая жажда наживы вечно толкает их на новые преступления. Поэтому нечего удивляться, если Хинес, приметив наших путников, задумал снова поживиться на их счет. Неблагодарный плут решил украсть у Санчо его серого. (Росинант казался ему ни на что не годной клячей, и потому он не обратил на него внимания.) И вот, когда наши путники заснули, Хинес под-

крался к их стоянке и увел ослика; к рассвету он был уже так далеко, что отыскать его не было никакой возможности.

Взошла заря; всей земле она принесла радость и только одному Санчо Пансе – горе, ибо не было с ним его серого. Заметив пропажу, Санчо принялся отчаянно вопить, так что Дон Кихот проснулся и услышал жалобные причитания:

– О возлюбленный сын моего сердца, рожденный в собственном моем доме, радость детей моих, зависть соседей моих, услада жены моей, помощник в трудах моих! Как я буду жить без тебя, ибо двадцать шесть мараведисов, которые ты ежедневно зарабатывал, составляли половину моих расходов на пропитание.

Узнав, в чем дело, Дон Кихот постарался утешить Санчо, обещав подарить ему трех ослят из своей собственной конюшни. Это помогло. Санчо успокоился, перестал рыдать, вытер слезы и поблагодарил Дон Кихота за его доброту.

Как только Дон Кихот попал в горы, он сразу возликовал: ему казалось, что места эти созданы для самых чудесных приключений. Он был так опьянен этими мыслями, что позабыл обо всем на свете. А Санчо, чувствуя себя в безопасности, думал только о том, как бы набить свой желудок разными вкусными вещами, оставшимися у них от монашеской провизии. Выехав из ущелья, где они провели ночь, наш рыцарь направился дальше, а Санчо поплелся за ним пешком. Он тащил на себе всю поклажу своего ослика и то и дело вытаскивал куски из мешка с провизией и запихивал себе в рот. Это так пришлось ему по вкусу, что он не мечтал ни о каких других приключениях.

Внезапно подняв глаза, Санчо увидел, что его господин остановился и старается концом копья поднять какой-то предмет, лежавший на земле. Он подошел поближе и заметил, что Дон Кихоту уже удалось зацепить концом копья кожаную сумку. Сумка наполовину истлела, но была настолько тяжела, что Санчо даже крикнул, помогая своему господину ее поднять. Дон Кихот приказал оруженосцу посмотреть, что в ней находится. Санчо с большим проворством исполнил это приказание. Хотя сумка была перевязана цепочкой, однако Санчо без труда открыл ее. В сумке лежало четыре рубашки тонкого голландского полотна и много другого щегольского белья, а в платке было завернуто порядочное количество золотых монет. Увидев их, Санчо воскликнул:

– Возблагодарим небеса, пославшие нам столь счастливое приключение! Побольше бы таких находок!

Затем он снова порылся в сумке и нашел записную книжку в богатом переплете. Дон Кихот велел Санчо отдать ему книжку, а деньги взять себе, чем сильно обрадовал своего оруженосца. Санчо Панса с чувством поцеловал руку своего господина и, вытащив белье из сумки, переложил его в свой мешок с провизией.

Затем наши путники отправились дальше на поиски новых приключений.

Глава 19, где рассказывается о покаянии, которое наложил на себя Дон Кихот в подражание Мрачному Красавцу, и о посольстве к Дульсинее Тобосской

Дон Кихот все больше углублялся в горы, пробираясь самыми дикими ущельями. Верный оруженосец плелся за своим господином, умирая от желания почесать языком, и нетерпеливо ждал, чтобы господин первый начал разговор, так как не хотел нарушать строгого приказа быть молчаливым и почтительным. Наконец ему стало невтерпеж, и он заговорил:

– Сеньор Дон Кихот, благословите меня, ваша милость, и отпустите с миром, – я хочу вернуться домой к жене и детям: с ними, по крайней мере, я могу разговаривать и рассуждать, сколько мне вздумается, а ваша милость велит мне странствовать и днем и ночью по этой пустыне да еще не открывать рта, когда рот у меня полон разных слов, – уж лучше закопайте меня живым в землю. Нелегка доля оруженосца: всю-то жизнь ты ищешь приключений, тебя дубасят, подкидывают на одеяле, забрасывают камнями и тузят кулаками, и при всем том еще не смей и рта разинуть, не смей высказать того, что накопило у тебя на сердце, – словно ты немой.

– Я понимаю тебя, Санчо, – ответил Дон Кихот, – ты жаждешь, чтобы я снял запрет, наложенный на твой язык. Ну, так и быть, снимаю его: говори, что хочешь. Но помни: я даю тебе право болтать, что вздумается и когда вздумается, только на то время, пока мы находимся в этих горах. Когда же мы попадем в населенные места, я снова наложу на тебя запрет, и ты будешь молчать до тех пор, пока я первый не заговорю с тобой.

– Благодарю вас, ваша милость, и за это. Позвольте в таком случае задать вам один вопрос: к чему мы все больше и больше углубляемся в горы, когда мы могли бы отлично скрыться от Санта Эрмандад, и не забираясь в такие дебри?

– Знай, Санчо, – ответил Дон Кихот, – что в эти дикие и пустынные места меня влечет желание совершить такой подвиг, который навеки прославит мое имя и затмит все великие подвиги, когда-либо совершенные самыми знаменитыми рыцарями.

– А подвиг этот очень опасен? – спросил Санчо Панса.

– Нет, – ответил рыцарь Печального Образа. – Впрочем, кто знает, – может быть, мне придется тяжело пострадать. Все будет зависеть от твоего усердия.

– От моего усердия? – воскликнул Санчо.

– Да, – продолжал Дон Кихот. – Я намерен послать тебя с одним поручением, и если ты исполнишь его быстро и успешно, то испытания мои не долго будут длиться, и слава обо мне прогремит по всему свету. Но мне не следует оставлять тебя в мучительной неизвестности. Перейдем прямо к делу. Тебе, конечно, известно, Санчо, что всякий художник, желающий прославиться в своем искусстве, старается подражать творениям тех мастеров, которых он считает величайшими. Но то же правило должен соблюдать в жизни каждый рассудительный человек. Кто хочет прослыть благоразумным и терпеливым, тот должен подражать Улиссу⁴⁵, которого Гомер изображает воплощением благоразумия и твердости. Виргилий в своем Энее⁴⁶ дал нам образец почтительного сына и мудрого вождя. Конечно, оба поэта изобразили своих героев не такими, какими они были на самом деле, а такими, какими они должны быть, чтобы служить

⁴⁵ Улисс – Одиссей, легендарный царь острова Итаки, участник Троянской войны. В поэмах Гомера он за свой ум, сообразительность и лукавство прозван «хитроумным».

⁴⁶ Эней. В поэме Виргилия «Энеида» рассказывается, как во время пожара и гибели Трои Эней спас своего престарелого отца Анхиза. Рискую собственной жизнью, он на руках донес Анхиза до корабля, на котором оставшиеся в живых троянцы отплыли от берегов Трои.

примером человечеству. Как бы то ни было, но ты не станешь спорить, что и странствующий рыцарь обязан избрать себе для подражания героя. Для меня таким героем является единственный и несравненный Амадис Галльский. Но этот славнейший из славных рыцарь блистательнее всего проявил свою рыцарскую доблесть – мудрость, мужество и постоянство в любви – именно в ту пору, когда, отвергнутый сеньорой Орианой, он удалился на скалу Пенья-Побре и, переименовав свое имя на имя Бельтенеброс⁴⁷, предался покаянию. И вот я твердо решил последовать его примеру, тем более что для меня это гораздо легче, чем подражать другим его подвигам: рубить головы великанам и драконам, обращать в бегство армии, рассеивать флотилии и разрушать чары волшебников. Эта скалистая пустыня как нельзя лучше подходит для выполнения задуманного мною дела, и я намерен сегодня же начать свой новый подвиг.

– Но что же в конце концов ваша милость собирается предпринять в этой пустынной местности? – спросил Санчо, ничего не понявший из длинной речи своего господина.

– Да ведь я же тебе сказал, – ответил Дон Кихот, – что хочу последовать примеру Амадиса Галльского и вести себя так, словно я впал в отчаяние и лишился разума из-за жестокости моей дамы. А в то же время я буду подражать и доблестному дону Роланду, прозванному Неистовым⁴⁸. Когда он узнал, что прекрасная Анджелина изменила ему, то с горя сошел с ума: он с корнем вырывал деревья, мутил прозрачные воды ручьев, убивал пастухов, поджигал и разрушал пастушьи хижины и проделывал тысячи других безумств, достойных вечного прославления. Впрочем, я не собираюсь подражать Роланду, Орландо или Ротоланду (он известен под этими тремя именами) во всех его безумствах. Возможно также, что я удовлетворюсь подражанием одному Амадису, который никаких убийств и поджогов не совершал, а все же своей скорбью и плачем достиг такой славы, какой не достигал ни один рыцарь ни до, ни после него.

– Думается мне, сеньор, – сказал Санчо, – что рыцари, о которых вы рассказывали, не без причины проделывали все эти штуки. Но у вашей милости, сколько я знаю, нет повода сходить с ума. Разве вас отвергла какая-нибудь дама или сеньора Дульсинея Тобосская изменила вам?

– Видишь ли, друг мой Санчо, – ответил Дон Кихот, – сойти с ума, имея на то причину, – в этом нет ни заслуги, ни подвига, но совсем иное дело утратить разум, когда для этого нет никаких поводов. Если моя дама узнает, что я дошел до безумия без всякой к тому причины, – она поймет, что я смогу натворить, если дать мне серьезный повод к отчаянию и гневу. Я пошлю тебя с письмом к моей госпоже Дульсинеи и не перестану безумствовать, пока не получу от нее ответа. Если в своем послании она воздаст должное моей верности, тогда

⁴⁷ Бельтенеброс – мрачный красавец.

⁴⁸ Неистовый Роланд – герой знаменитой поэмы итальянского поэта эпохи Возрождения Ариосто. Анджелина – дама сердца Роланда, ради которой он совершает все безумства и подвиги, воспетые в поэме.

кончится мое безумие и покаяние, а если нет, тогда я и вправду сойду с ума и ничего не буду чувствовать. Итак, что бы она ни ответила, мои страдания и испытания закончатся. Если ты принесешь мне радость, я упьюсь ею в здравом уме, если же горе, то я не почувствую его, ибо лишусь рассудка. Теперь скажи мне, Санчо, ведь ты уберег шлем Мамбрин, не правда ли? Ибо я заметил, что ты поднял его с земли после того, как неблагодарный каторжник, которого я освободил, хотел разбить его в куски. Понятно, что это ему не удалось: волшебный шлем не так-то легко уничтожить.

На это Санчо ответил:

– Ей-богу, сеньор рыцарь Печального Образа, вы иногда такое говорите, что у меня просто терпения не хватает слушать. Нередко мне приходит в голову, что все ваши разговоры о рыцарях, о завоевании царств и государств, о пожаловании мне острова и оказании милостей и почестей – простая побывальщина или небывальщина, – не знаю, как это по-настоящему называется. Услышь кто-нибудь, как ваша милость величает бритвенный таз шлемом Мамбрин, так, наверное, он решит, что вы действительно рехнулись. Этот таз у меня в сумке; он весь исковеркан, но все же я подобрал его. Если бог пошлет мне милость и приведет меня домой к жене и детям, я выправлю его и буду пользоваться им для бритья.

– Теперь, Санчо, – сказал Дон Кихот, – позволь и мне поклясться божьим именем. Клянись – такого тупоголового оруженосца еще не было на свете. Неужели же за то время, как ты мне служишь, ты не успел убедиться, что все вещи, к которым прикасаются странствующие рыцари, подвергаются таинственным превращениям и кажутся не тем, что они есть на самом деле? И это потому, что нас постоянно окружают целые толпы волшебников, которые околдовывают и подменяют все предметы, желая нас облагодетельствовать или, напротив, погубить. Запомни это, и ты поймешь, почему тот предмет, который ты принимаешь за бритвенный таз, для меня настоящий шлем Мамбрин. Волшебник, покровительствующий мне, проявил свою редкую мудрость, устроив так, чтобы подлинный шлем Мамбрин всем другим казался тазом: иначе все стали бы преследовать меня, стараясь отнять его, ибо шлем этот – величайшая драгоценность. Но люди вроде тебя думают, что это всего-навсего бритвенный таз, и потому не добиваются его; вспомни только, что неблагодарный каторжник сначала попытался его сломать, а потом швырнул на землю и даже не потрудился поднять; уверяю тебя, что, если бы он знал правду, он бы не расстался с ним. Сохрани же его у себя, друг мой, ибо в настоящую минуту он мне не нужен. Сейчас я сниму с себя все доспехи, сложу оружие и разденусь донага в знак моего глубочайшего отчаяния.

В таких беседах доехали они до подножия высокой горы; мирный ручеек вился по ее склону и опоясывал прелестную зеленую лужайку, на которую нельзя было смотреть без восхищения. Лужайка поросла тенистыми деревьями и была покрыта свежей травой и пестрыми цветами. Эту лужайку рыцарь Печального Образа избрал местом своего покаяния и, остановив коня, воскликнул:

– Вот место, которое я избираю, чтобы оплакивать ниспосланные мне несчастья. Вот место, где мои слезы сольются со струями ручейка, где от моих глубоких вздохов будут непрерывно шелестеть листья горных деревьев, повествуя о печали истерзанного сердца. Солнце жизни моей! О Дульсинея Тобосская, ты путеводная звезда моя, подательница счастья, пусть небо благосклонно исполнит все твои желания! Взгляни же, до чего довела меня разлука с тобой, и награди по заслугам мою верность. А вы, возросшие в уединении деревья, ныне товарищи моего скорбного одиночества, подайте знак нежным колебанием ветвей, что мое присутствие вам не в тягость. А ты, мой оруженосец, мой верный спутник в удачах и невзгодах, запечатай в памяти все, что я сейчас стану делать, и поведай об этом единственной виновнице моего отчаяния и горя.

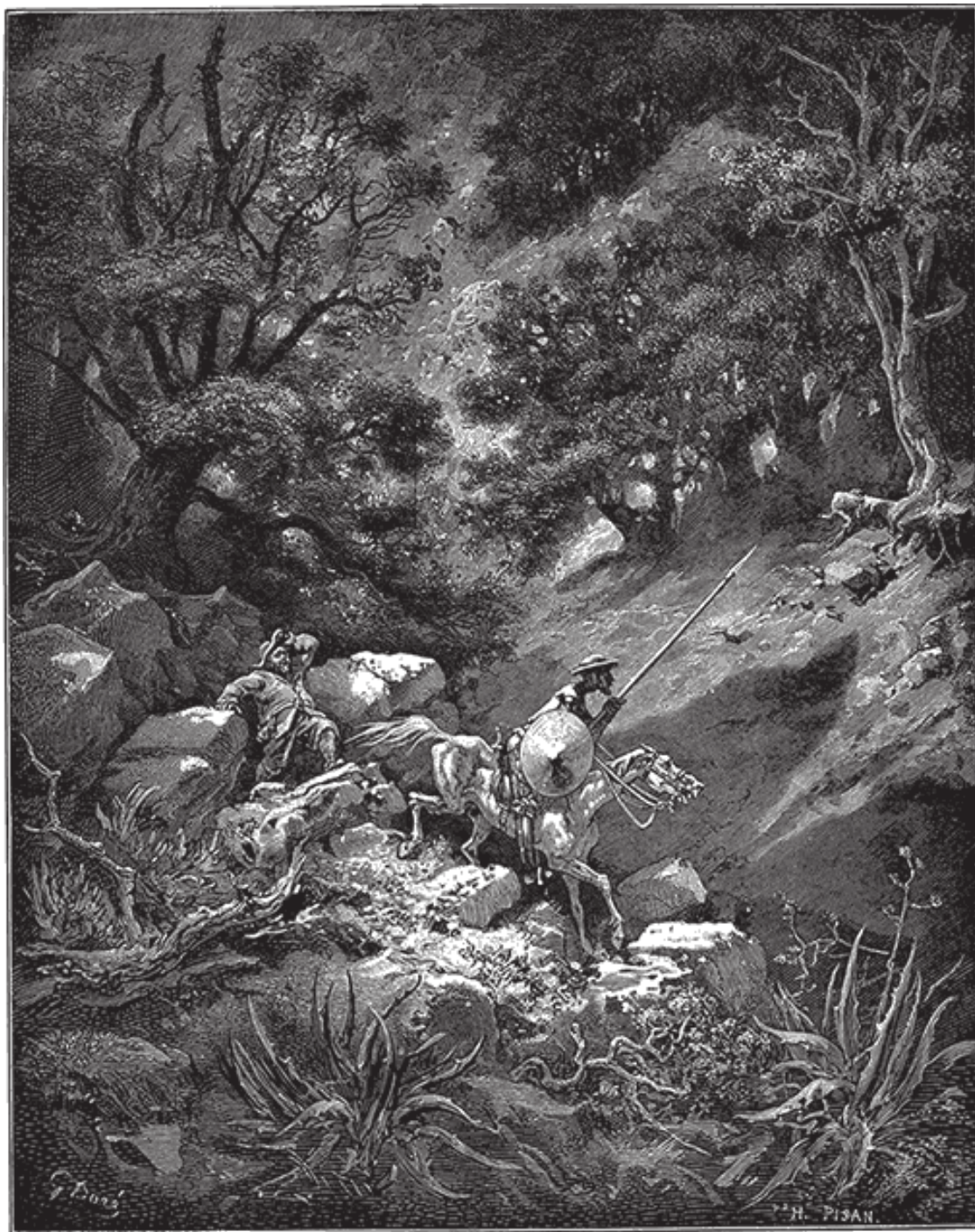
Сказав это, он соскочил с Росинанта, расседлал его, потом хлопнул его рукой по спине и сказал:

– О конь, столь же прославленный своими подвигами, сколь обездоленный судьбою, тебе дарует свободу тот, кто сам ее лишается, – ступай, куда хочешь. Ты достоин свободы.

А Санчо, увидев это, вскричал:

– Черт бы побрал того, кто увел моего серого. Уж я бы тоже сумел похлопать своего дружка по спине и наговорить ему всяких похвал. Впрочем, если бы он был тут, я бы ни за что не согласился отпустить его на волю, потому что я никого не обожаю и не лезу на стены от любви. Но, по правде говоря, сеньор рыцарь Печального Образа, если ваша милость всерьез собирается послать меня с каким-то поручением, а потом сойти с ума, так следовало бы опять оседлать Росинанта: он заменит мне пропавшего серого; на нем я скорее совершу предстоящий мне путь; если же мне придется идти пешком, так уж я и не знаю, когда доберусь до вашей Дульсинеи и вернусь обратно, ибо, по правде говоря, хожу я очень медленно.

– Ну что ж, – ответил Дон Кихот, – мысль твоя неплоха; пусть будет по-твоему: бери Росинанта. Ты отправишься отсюда через три дня, ибо я хочу, чтобы ты посмотрел на то, что я стану делать и говорить, а потом рассказал бы ей обо всем этом.

– А что же вы станете делать? – полюбопытствовал Санчо Панса.

– Сначала я стану рвать на себе одежды, – ответил Дон Кихот, – разбросаю доспехи, буду биться головой о скалы и... вообще натворю таких дел, которые приведут тебя в изумление.

– Ради самого господя, – сказал Санчо, – бейтесь о скалы поосторожнее: ведь вы можете так удариться, что сразу наступит конец и вам, и всем вашим удивительным проделкам. И вот что я советую вашей милости: раз вы считаете, что в этом деле необходимо биться лбом и что без этого никак нельзя обойтись, то не довольно ли будет вашей милости биться головой о воду

или о другие предметы помягче, вроде ваты. А в остальном положитесь на меня: я доложу сеньоре Дульсине, что ваша милость билась лбом – о выступы скалы потверже самого алмаза.

– Благодарю тебя за доброе намерение, друг Санчо, – ответил Дон Кихот, – но я должен тебя предупредить, что все, о чем я тебе только что рассказывал, я буду проделывать всерьез, без всякого обмана. Законы рыцарства запрещают нам лгать хотя бы для спасения своей жизни. Вот почему удары головой о камни должны быть сильными и полновесными, без всякого притворства. Необходимо поэтому, чтобы ты оставил мне немножко корпии для лечения ран; ужасно жаль, что волею судьбы мы потеряли наш бальзам.

– Потеря осла – сущая беда, ваша милость, – ответил Санчо, – вместе с ним лишились мы всего, кроме мешка с провизией: и запасного белья, и корпии, и бинтов. А об этом проклятом зелье, умоляю вас, сеньор, лучше и не вспоминайте: стоит мне только услышать о нем – и у меня переворачиваются все внутренности. И еще прошу вас: вообразите, что назначенный вами трехдневный срок уже кончился, что все ваши безумства я уже видел, а уж я сумею наскзать про вас вашей сеньоре разные чудеса. Итак, пишите письмо и отправляйте меня поскорее, так как мне очень хочется пораньше вернуться, чтобы вызволить вашу милость из этого чистилища.

– Ты называешь это место чистилищем, Санчо? – воскликнул Дон Кихот. – Вернее было бы назвать его адом.

– Ну нет, – ответил Санчо, – для того, кто попал в ад, уже нет возврата, а я надеюсь, если только у меня не отнимутся ноги, чтобы шпорить Росинанта, вызволить вас отсюда. Как только я доберусь до Тобосо и предстану перед лицом вашей сеньоры Дульсинеи, так я ей такого наговорю о глупостях и безумствах (что одно и то же), которые ваша милость проделывала и продолжает проделывать, что она станет мягче перчатки, хотя бы до этого была тверже дуба. Затем, прихватив с собой ее сладкий, как мед, ответ, я прилечу обратно и извлеку вашу милость из этого чистилища, которое только с виду похоже на ад, ибо вас не покидает надежда выйти из него, – а я уже вам докладывал, что у грешников в аду этой надежды нет. Я не думаю, чтобы ваша милость могла что-либо мне возразить.

– Совершенно верно, – ответил рыцарь Печального Образа. – Но как же мы напишем письмо?

– Не забудьте еще, ваша милость, написать вашей экономке, чтобы она мне выдала трех ослят, которых вы мне обещали подарить.

– Не беспокойся, не забуду, – ответил Дон Кихот, – только на чем же мне писать? У нас нет бумаги. Пожалуй, нам следовало бы по примеру древних писать на листьях деревьев или воцаных табличках, хотя найти здесь такие таблички так же нелегко, как и бумагу. Впрочем, вот счастливая мысль: у нас есть записная книжка, которую мы нашли в горах, и там, конечно, найдется два-три чистых листика. А ты в первом же местечке, куда приедешь, постарайся разыскать какого-нибудь школьного учителя или пономаря и вели ему переписать письмо на хорошей бумаге и красивым почерком; только смотри, не давай его писарям, которые обычно пишут, не отрывая пера от бумаги, так что их почерк сам сатана не разберет.

– Ну, а как же быть с подписью? – спросил Санчо.

– Амадис никогда не подписывал своих писем, – ответил Дон Кихот.

– Так-то оно так, – сказал Санчо, – а только расписка непременно должна быть за вашей подписью, а если ее переписать, так, наверное, скажут, что подпись поддельная, – и я так и останусь без ослят.

– Расписку свою я подпишу сам, и когда племянница увидит мою руку, она, ни слова не говоря, исполнит мое распоряжение. Что же касается любовного послания, то ты вели подписать его так: «Ваш до гроба рыцарь Печального Образа». Не важно, если подпись будет сделана не моей рукой, потому что, насколько я помню, Дульсинея не умеет ни писать, ни читать и во всю свою жизнь не видела ни моих писем, ни моего почерка. Мы только смотрели друг

на друга, да и то весьма редко. Могу по совести поклясться, что за все двенадцать лет, что я люблю ее больше света очей моих, я не видел ее и четырех раз. Очень возможно, что она вовсе и не замечала, что я на нее смотрел: в такой строгости воспитали ее Лоренсо Корчуэло, ее отец, и Альдонса Ногалес, ее мать.

– Те-те-те! – вскричал Санчо. – Так, значит, сеньора Дульсинея Тобосская не кто иная, как дочка Лоренсо Корчуэло – Альдонса Лоренсо?

– Да, – ответил Дон Кихот, – и она достойна быть царицей всего мира.

– Да я ее отлично знаю, – воскликнул Санчо, – девка хоть куда, ладная да складная. Накажи меня бог! В силе и удали она не уступит ни одному деревенскому парню. Она хоть какого рыцаря, странствующего или собирающегося странствовать, за пояс заткнет. Лопни я на этом месте, и силища же у нее! А какой голос! Должен вам сказать, что однажды взобралась она на нашу колокольню и стала кликать отцовских батраков, работавших в поле, и хоть до них было не меньше полумили, они слышали ее так же ясно, как будто стояли под самой колокольней. А лучше всего, что она ничуть не жеманится, со всеми балагурит, и все ее смешит и потешает. Ну, теперь я могу сказать, сеньор рыцарь Печального Образа, что вы не только

можете и должны ради нее совершать безумства, но что у вашей милости есть вполне законная причина впасть в отчаяние и даже повеситься. Всякий, кто про это знает, наверное скажет, что поступили вы вполне правильно, хотя бы потом сам черт потащил вас в ад. Мне уже не терпится тронуться в путь, чтобы взглянуть на нее; давненько я ее не видел. Должно быть, она порядочно изменилась: девка-то ведь постоянно в поле, на воздухе и на солнцепеке, а от этого цвет лица скоро портится. Только, сеньор Дон Кихот, открою я вашей милости одну правду: до сего дня пребывал я в великом заблуждении, ибо твердо и крепко верил, что сеньора Дульсинея, в которую ваша милость влюблены, – какая-то принцесса или вообще важная особа, достойная тех богатых подарков, которые ваша милость ей посылала. Ведь вы послали ей бискайца, каторжников и, должно быть, еще многих, ибо, наверное, ваша милость одержала немало побед в ту пору, когда я не состоял вашим оруженосцем. Но подумайте хорошенько, какой прок сеньоре Альдонсе Лоренсо, то есть, я хочу сказать, сеньоре Дульсинеи Тобосской, в том, что ваша милость посылает и будет посылать к ней побежденных, а те будут падать перед ней на колени? Ведь, чего доброго, они могут явиться к ней в ту минуту, когда она будет расчесывать лен или молотить на гумне. Застав ее за такой работой, они могут рассердиться, а ее самое ваш подарок, наверное, насмешит и обидит.

– Сколько раз уже я тебе твердил, Санчо, – сказал Дон Кихот, – что ты несносный болтун и что напрасно ты с твоим неповоротливым умом пускаешься в рассуждения. Но чтобы тебе стало ясно, насколько ты глуп и насколько я умен, скажу тебе только, что все графини и принцессы, все благородные и прекрасные дамы, которые описываются в романах и воспеваются в стихах, не существуют в действительности. Поэтому их просто выдумывают, чтобы было о ком написать стихи и чтобы все считали их влюбленными или людьми, достойными любви. Кто же мешает мне вообразить, что Альдонса Лоренсо самая прекрасная и умная девушка, самая высокородная принцесса на свете? Тебе следует знать, Санчо, – если ты только этого не знаешь, – что две вещи особенно возбуждают любовь: совершенная красота и добрая слава, а Дульсинея в полной мере обладает и тем и другим. В красоте никто не сравнится с ней, и мало кто пользуется такой доброй славой, как она. Одним словом, я считаю, что говорю чистую правду, ибо моему воображению она представляется такой прекрасной и благородной, что с ней не сравнится ни Елена, ни Лукреция, ни другие знаменитые жены древности. Так пусть люди говорят, что им угодно. Если невежды станут порицать меня, то мудрецы вознаградят меня своими похвалами.

– Вы вполне правы, ваша милость, – ответил Санчо, – согласен, что вы мудрец, а я осел... Ай, ай!.. к чему только вырвалось у меня это несчастное слово «осел». Ведь в доме повешенного никогда не говорят о веревке. Видно, я никогда не забуду моего серого. Ну, ваша милость, пишите письма и отпустите меня скорей, а то время идет.

Дон Кихот вынул записную книжку и, отойдя в сторону, принялся сосредоточенно писать письмо. Окончив его, он подозвал Санчо и сказал:

– Выслушай внимательно мое послание к Дульсине и постарайся запомнить его наизусть. Легко может случиться, что оно потеряется в дороге. Судьба враждебна ко мне, и нужно быть готовым ко всему.

На это Санчо ответил:

– Да вы, ваша милость, перепишите его раза два или три и передайте мне, а я уж доставлю его в целости. Но чтобы я выучил его наизусть! – ну, уж от этого увольте: память у меня такая дырявая, что я частенько и свое собственное имя забываю. Но все-таки прочтите мне его: должно быть, оно очень хорошо написано.

– Итак, слушай, что я написал, – сказал Дон Кихот.

Письмо Дон Кихота к Дульсинее Тобосской.

Высокая и властительная сеньора!

Рыцарь, раненный и уязвленный до глубины сердца жалом разлуки, желает тебе здоровья, о сладчайшая Дульсинея Тобосская, хотя сам лишен его. Если твоя красота пренебрегает мною, если твои достоинства ополчаются против меня, если твое презрение сулит мне гибель, мне не снести этой горести, ибо она не только глубока, но и слишком длительна. Мой добрый оруженосец Санчо даст тебе полный отчет, жестокая красавица, возлюбленный враг мой, о том отчаянии, до которого ты довела меня. Если

удостоишь меня помощи, я твой, если же нет, поступай, как тебе будет угодно: расставшись с жизнью, я надеюсь насытить твою жестокость и свою страсть.

Твой до гроба рыцарь Печального Образа.

– Клянусь жизнью моего батюшки, – воскликнул Санчо, выслушав это послание, – никогда сроду я не слыхал ничего более возвышенного. Диву даешься, как это ваша милость так хорошо умеет сочинять и как подходит к этому письму подпись: «рыцарь Печального Образа». Честное слово, ваша милость, вы суший дьявол: чего вы только не знаете!

– Странствующий рыцарь, – ответил Дон Кихот, – обязан знать все.

– Ну, а теперь, ваша милость, – продолжал Санчо, – напишите-ка на обороте записочку насчет трех ослят и подпишитесь поразборчивей, чтобы каждый сразу же узнал ваш почерк.

– Охотно, – ответил Дон Кихот и, написав, прочел следующее:

Велите, ваша милость сеньора племянница, выдать подателю сей записки, моему оруженосцу Санчо Пансе, трех ослят из числа тех пяти, что я оставил при отъезде и поручил заботам вашей милости. Каковых трех ослят приказываю я вам выдать ему взамен полученных мною здесь от него трех других. По совершении этого и получении от него расписки, наши счета с ним надлежит считать поконченными. Писано в дебрях Сиерра-Морены, двадцать второго августа сего текущего года.

– Превосходно, – сказал Санчо, – а теперь, ваша милость, подпишитесь.

– Незачем подписываться, – ответил Дон Кихот, – мне достаточно сделать росчерк – это все равно что подпись: его хватит не только для трех, но и для трех сотен ослят.

– Верю вашей милости, – ответил Санчо. – Ну, так я пойду оседлаю Росинанта, а вы тем временем приготовьтесь дать мне ваше благословение. Я сейчас и отправлюсь в путь, а на безумства, которые ваша милость собирается проделывать, смотреть не стану. Я и без этого наскажу сеньоре таких чудес, что приведу ее в изумление.

– Нет, Санчо, ты непременно должен взглянуть хотя бы на некоторые мои безумства. Тогда ты со спокойной совестью сможешь поклясться, что видел и все те, какие ты сам изобретешь для украшения своего рассказа. Но можешь быть уверен, что мои безумства далеко превзойдут все твои выдумки.

– Ради самого бога, ваша милость, не заставляйте меня смотреть на них. Мне станет так вас жалко, что я непременно разревусь, а я уж столько плакал из-за серого, что у меня голова распухла, и я не в силах начинать сызнова. Но если вашей милости во что бы то ни стало хочется показать мне какие-нибудь безумства, так сделайте их поскорее, выбрав первые попавшиеся. Тем более, что для меня этого вовсе не требуется. Как я уже вам докладывал, мы только теряем золотое время. Чем скорее я отправлюсь, тем скорее вернусь с вестями, каких ваша милость ожидает и заслуживает. Пускай сеньора Дульсинея твердо знает: если она не ответит, как подобает, на ваше письмо, так, клянусь богом, я тумакami и оплеухами заставлю ее сделать это. Помилуйте, как же можно стерпеть, чтобы такой знаменитый странствующий рыцарь, как ваша милость, спятил с ума из-за такой... Ну, уж пусть она меня не заставляет договаривать, а то я такое скажу, что ни ей, ни мне не поздоровится. Уж я на это мастер. Плохо она меня знает; а коли знала б, то постилась бы в день моего святого.

– По правде говоря, Санчо, – сказал Дон Кихот, – мне кажется, что и ты, так же как я, сошел с ума.

– Ну нет, – ответил Санчо, – я вовсе не такой безумец, как ваша милость, зато я куда более вспылчив, чем вы. Но оставим это. А вот скажите лучше, чем ваша милость предполагает питаться до моего возвращения? Не собираетесь ли вы выпрашивать еду у пастухов или отнимать у них насильно?

– Об этом ты не беспокойся, – ответил Дон Кихот, – если бы передо мной стояли и самые изысканные яства, я все же не стал бы ничего есть, кроме трав с этого луга и плодов с этих деревьев. Мой подвиг в том и заключается, чтобы ничего не есть и подвергать себя всяким лишениям.

На это Санчо ответил:

– А знаете, ваша милость, чего я опасаюсь? Место это такое глухое, что я, пожалуй, не найду обратной дороги.

– Ты хорошенько запомни приметы, – сказал Дон Кихот, – а я постараюсь не уходить далеко. Впрочем, для большей верности, чтобы не заблудиться и не потерять следы, нарежь побольше дроку, – видишь, сколько его растет кругом, – и бросай его по дороге, пока не выедешь на ровное место: по этим вехам ты, как по нити Тезея в лабиринте, и отыщешь меня при возвращении.

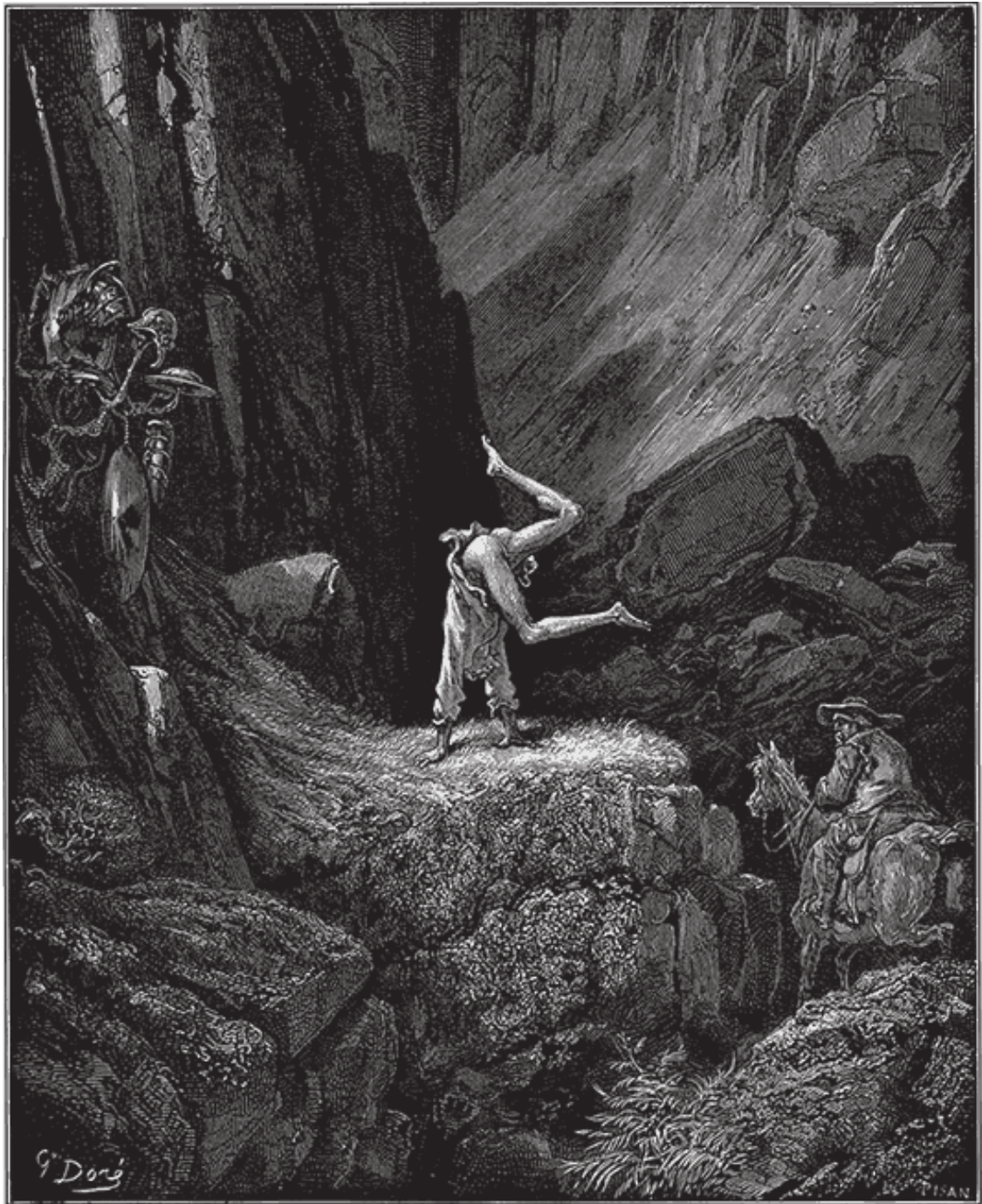
– Ладно, я так и сделаю, – ответил Санчо Панса.

Санчо сорвал несколько веток дрока, затем Дон Кихот благословил его, и наконец они расстались, проливая горькие слезы. Санчо сел на Росинанта и, получив от Дон Кихота наказ беречь коня и заботиться о нем, как о самом себе, направился в сторону равнины. Но, не отъехав и ста шагов, Санчо вернулся и сказал:

– Вы правы, ваша милость, мне следует посмотреть хотя бы на одно из ваших безумств, а не то я возьму грех на свою душу, коли поклянусь, что видел их. Впрочем, самое великое безумство я уже знаю: оно в том, что ваша милость остается здесь.

– О чем же я и твердил тебе все время, Санчо, – сказал Дон Кихот. – Ну, погоди минутку, ты не успеешь прочитать «Отче наш», как я уже покажу тебе кое-что.

Поспешно раздевшись до рубашки, наш рыцарь без долгих предисловий проделал два прыжка, а потом перекувыркнулся раза два через голову. Для Санчо этого было вполне достаточно; не желая видеть дальнейших проделок своего господина, он повернул Росинанта и поспешно отправился в путь.

Глава 20, повествующая о дальнейших подвигах Дон Кихота в Сиерра-Морене и о том, что случилось с Санчо Пансой

Оставшись один, Дон Кихот прекратил свои кувыркания и прыжки, взобрался на самую вершину скалы и, усевшись там, погрузился в глубокие размышления о том, о чем уже не раз размышлял: кому лучше подражать – неистовому Роланду или меланхолическому Амадису?

– Всем известно, – так рассуждал он сам с собой, – что Роланд был отважным рыцарем. Но оставим в стороне все его достоинства, а рассмотрим, как и почему он потерял рассудок. Вполне достоверно, что он сошел с ума в тот час, когда узнал, что его дама Анджелина предпочла ему прекрасного молодого мавра Медоса. Но как же мне подражать его безумству, если со мной ничего такого не случилось? Ведь я могу поклясться, что моя Дульсинея Тобосская – самая благородная и добродетельная дама и никогда мне не изменяла. Я бы нанес ей горькую обиду, если бы усомнился в этом и стал безумствовать вроде неистового Роланда. А в то же время я знаю, что Амадис Галльский, и не впадая в безумие, не совершая никаких неистовств, прославился своею влюбленностью на весь мир. В его истории рассказывается, что, когда сеньора Ориана повелела ему не показываться ей на глаза, прежде чем она не даст ему разрешения на это, он в сопровождении какого-то отшельника удалился на Пенья Побре и, поручив свою душу богу, исходил там слезами, пока небо не сжалилось над его великой скорбью. Если все это правда (что несомненно), то для чего же мне раздеваться донага и ломать деревья, не сделавшие мне никакого зла? Для чего мне мутить ясную воду этих ручьев, которые напоят меня, когда я почувствую жажду? Итак, да здравствует память Амадиса, и да последует его примеру Дон Кихот Ламанчский. Правда, моя Дульсинея не отвергла и не презрела меня, но разве не довольно того, что я с нею разлучен? Итак, скорей за дело! Память! Воскреси скорее в моем уме славные деяния Амадиса! Научи меня, с чего мне начать, подражая этому славному рыцарю. Помнится мне, что он больше всего молился, поручая себя богу. Так скорее за молитвы. Только откуда мне взять четки?

Однако он быстро разрешил эту задачу: оторвал широкую полосу от подола своей рубашки, сделал на ней одиннадцать узелков, один из которых был покрупнее остальных, – и четки были готовы. С помощью этих четок он отлично прочел миллионы молитв за то время, пока находился в горах Сиерра-Морены. Его смущало только одно – негде было найти отшельника, который бы исповедал и утешил его. Но делать было нечего, приходилось довольствоваться одними молитвами да покаянием. Остальное время он проводил, прогуливаясь по лужайке и сочиняя томные стихи о своей печали или же стансы во славу Дульсинеи. Он вырезывал их на коре деревьев и чертил на мелком песке. Из всех стихотворений сохранилось только одно:

Дерева, растенья, травы,
Что вокруг меня стоите
Зелены, широкоглавы,
Коль не трудно, о, внемлите
Песням жалобной отравы!
Пусть не даст забот к заботам
Вам печаль моя: ну, где ей!
Чтоб сравниться с вами счетом,
Слезы льются Дон Кихотом,

Разлученным с Дульсинеей
Из Тобосо!
Местность дикая, пустая,
Цвет любовников куда
Загнала жестокость злая,
Чтобы бремя нес труда,
Почему, и сам не зная!
Треплется вовсю Эротом,
Терпит и спиной, и шеей,
Так что впрямь водоворотом
Слезы льются Дон Кихотом,
Разлученным с Дульсинеей
Из Тобосо! Он, искавши приключения
В тесной диких скал утробе,
Клял суровое презренье,
Очутился же в трущобе,
Встретив только злоключения.
Ведь Амур, глухой ко льготам,
Нас бичом, не поргупеей,
Так хватил, что уж чего там!
Слезы льются Дон Кихотом,
Разлученным с Дульсинеей
Из Тобосо!

Так он и проводил время: молился, каялся, сочинял стихи, вздыхал и взывал к фавнам и сильванам окрестных рощ, к нимфам ручейка, к жалобному эху, умоляя их услышать его, ответить и утешить. Он разыскивал также различные съедобные травы, и это была единственная его пища. Если бы Санчо вернулся не через три дня, а через три недели, он нашел бы рыцаря Печального Образа таким исхудавшим, что и сама мать не узнала бы его.

А теперь оставим нашего рыцаря, поглощенного стихами и воздыханиями, и расскажем о том, что случилось с Санчо Пансой после того, как, простившись со своим господином, он

отправился выполнять его поручение. Выбравшись из горных ущелий Сиерра-Морены на проезжую дорогу, Санчо стал разыскивать путь в Тобосо и неожиданно очутился у постоянного двора, где еще недавно ему пришлось покувыркаться на одеяле. Время было обеденное. Санчо очень хотелось подкрепиться чем-нибудь горячим, поэтому он направился было к воротам, но, вспомнив, какую дьявольскую штуку сыграли с ним на этом постоялом дворе, остановился в нерешительности: ему вдруг ясно представилось, как он кувыркался в воздухе. Пока он колебался и раздумывал, из ворот вышли два человека, которые сразу же его узнали; один из них сказал, обращаясь к спутнику:

– Скажите-ка, сеньор лицензиат, уж не Санчо ли это? Ведь экономка Дон Кехана говорила, что он отправился вместе с нашим искателем приключений.

– Он самый и есть, – ответил лицензиат, – и сидит он на лошади идадьго.

Им нетрудно было узнать Санчо, ибо это были те самые священник и цирюльник, которые творили суд над книгами Дон Кихота. Узнав Санчо Пансу и Росинанта, они тотчас подошли к нему, чтобы расспросить о Дон Кихоте, и священник, окликнув Санчо Пансу, сказал:

– Друг Санчо Панса, где ваш господин?

Санчо решил скрыть, где и в каком положении остался его господин, поэтому он ответил: господин его занят делом величайшей важности, а каким, он сказать не может, хоть вырви ему глаза.

– Ну, Санчо Панса, – сказал цирюльник, – если вы нам не скажете, где он находится, мы подумаем, что вы его убили и ограбили, тем более что вы едете верхом на его лошади. Верните нам хозяина этой клячи – или вам придется плохо.

– Напрасно вы мне угрожаете, – спокойно ответил Санчо Панса. – Не такой я человек, чтобы кого-нибудь убить или ограбить, пускай каждый помирает, когда ему на роду написано или когда это угодно господа богу. Мой господин остался в горах и там в полное свое удовольствие предается покаянию.

И тут же без передышки и остановок Санчо поведал, какие ему с Дон Кихотом довелось испытать приключения и где он покинул своего господина. В заключение он прибавил, что везет письмо к сеньоре Дульсинее Тобосской, дочери Лоренсо Корчуэло, в которую его господин влюблен по самые уши. Рассказ Санчо Пансы изумил священника и цирюльника. Хотя они и знали о безумии Дон Кихота и его рыцарских фантазиях, но все-таки не могли не удивляться всякий раз, как слышали о его проделках. Они попросили Санчо Пансу показать им письмо Дон Кихота к Дульсинее Тобосской. Тот ответил, что письмо находится в записной книжке и что ему велено отдать переписать его на отдельном листке в первом же местечке, куда он придет. На это священник отвечал, что, если только Санчо покажет ему письмо, он переписет его очень красивым почерком. Санчо Панса сунул руку за пазуху, чтобы достать записную книжку, но не нашел ее, так как книжка осталась у Дон Кихота: тот позабыл передать ее Санчо, а Санчо и в голову не пришло напомнить ему об этом.

Тут Санчо смертельно побледнел и поспешно стал шарить по всем карманам. Убедившись, что книжки нигде нет, он совершенно растерялся. В отчаянии он вцепился обеими руками в бороду и вырвал порядочный клочок волос, а затем отпустил себе с полдюжины здоровенных оплеух.

Увидев это, священник и цирюльник пришли в изумление и спросили его, за что он себя истязает и что с ним приключилось.

– Что со мной приключилось? – ответил Санчо. – А то приключилось, что я в одну минуту потерял трех ослят, а каждый из них стоит целого замка.

– Что вы говорите? Как это вы потеряли трех ослят да еще сразу? – спросил цирюльник.

– Я потерял записную книжку, – сказал Санчо, – а в ней кроме письма к Дульсинее была еще записка моего господина; по этой записке его племянница должна была мне выдать трех ослят.

Тут Санчо рассказал им о потере серого. Священник его утешил, обещав, что он уговорит его господина, когда тот разыщется, подтвердить свое обещание и еще раз написать расписку, но уже на отдельном листке. А расписка, внесенная в записную книжку, все равно не имеет по закону никакой силы.

После этого Санчо успокоился.

– Потеря письма к Дульсине не очень меня огорчает, – заявил он. – Я знаю его почти на память и могу наизусть продиктовать любому переписчику.

– Ну так скажите его нам, Санчо, – попросил цирюльник, – а мы его запишем.

Санчо Панса почесал голову, поглядел на небо, потом на землю, изгрыз полногтя на пальце и, наконец, порядком помучив слушателей, с нетерпением ожидавших, что он им скажет, вскричал:

– Черт меня побери, сеньор лицензиат! Сейчас только отлично помнил это дьявольское письмо, и, как нарочно, оно сразу и вылетело у меня из головы. Знаю только, что начиналось оно так: «Высокая и вместилищная сеньора».

– Вы что-то путаете, Санчо, – возразил цирюльник. – Не может быть, чтобы он написал «вместилищная». Должно быть, в письме стояло «владетельная» или «властительная».

– Так оно и есть, – согласился Санчо. – А дальше, помнится мне, говорилось: «драный и бессонный, изъязвленный, целую руки вашей милости, жестокая и безвестная красавица», и еще что-то по поводу здоровья и болезней, которых он ей желает, – очень хорошо все было расписано, а в конце стояло: «Ваш по гроб рыцарь Печального Образа».

Священник и цирюльник, смеясь до упаду, похвалили его хорошую память и попросили повторить письмо еще два раза для того, чтобы запомнить его наизусть и записать.

Санчо повторил его еще несколько раз, наболтав с три короба разного вздора. Затем он подробно рассказал о всех деяниях своего господина; о том же, как его собственную особу подбрасывали здесь на одеяле, он скромно умолчал. Под конец он сообщил, что в случае благоприятного ответа сеньоры Дульсинеи Тобосской его господин пустится в новое странствование и непременно сделается императором или по крайней мере королем – так уж они между собой порешили – и что дело это совсем не трудное, если принять во внимание доблесть Дон Кихота и мощь его руки. А как только это случится, господин женит его (к тому времени Санчо овдовев, ведь иначе и быть не может) на какой-нибудь фрейлине императрицы, наследнице богатых и обширных поместий на твердой земле. А это гораздо лучше всяких островов и островков, окруженных водой. Все это Санчо рассказывал с величайшей невозмутимостью и с таким дурацким видом, что слушатели снова изумились и подумали: каково же должно быть безумие Дон Кихота, если и этот бедняк заразился его бредом и спятил с ума? Не желая разочаровывать Санчо в его приятных надеждах и забавляясь его вздорными речами, священник и цирюльник посоветовали ему молить бога о здоровье Дон Кихота и прибавили, что намерение его господина сделаться в будущем императором легко может исполниться, не говоря уже о том, что его могут возвести в сан епископа или в какое-нибудь другое высокое звание. На это Санчо ответил:

– Сеньоры, если судьба повернет дело так, что моему господину вздумается стать не императором, а епископом, то хотел бы я знать: что именно странствующие епископы обычно жалуют своим оруженосцам?

– Обычно они жалуют своим оруженосцам, – ответил священник, – какое-нибудь доходное церковное место – священника или ризничего.

– Но для этого необходимо, – возразил Санчо, – чтобы оруженосец не был женат и чтобы он по меньшей мере умел прислуживать во время мессы, а если так, то горе мне, несчастному! Ведь я женат! Да и как я могу выучить церковную службу, если не знаю даже первой буквы в азбуке! Что со мною будет, если господину моему придет в голову сделаться епископом, а не императором, по примеру и обычаю странствующих рыцарей?

– Не горюйте, друг Санчо, – сказал цирюльник, – мы упросим вашего господина стать императором, а не епископом. Императорская корона подходит ему гораздо больше, чем епископская тиара, ибо военные утехи ближе его сердцу, чем науки.

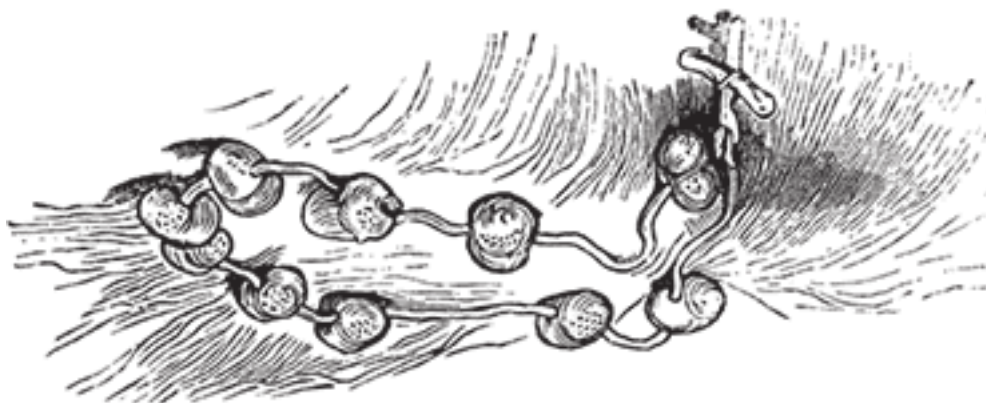
– Да и мне так казалось, – ответил Санчо, – хотя должен вам сказать, мой господин ко всему способен. А я вот что надумал: буду я молить господа, чтобы он вывел его на такую дорогу, где бы он мог и сам отличиться, и меня осыпать великими милостями.

– Вы говорите разумно, – сказал священник, – и поступаете, как добрый христианин. Ну, а теперь нам нужно принять меры, чтобы поскорей освободить вашего господина от бесполезного покаяния, которому, по вашим словам, он предается. А чтобы обдумать, как это сделать, давайте зайдем на постоялый двор. К тому же, час уже поздний, и нам давно пора закусить.

Санчо ответил, что пусть они едут, а он подождет их у ворот. Почему ему не хочется заходить в эту гостиницу, он расскажет им потом. Он попросил их только вынести ему поесть чего-нибудь горячего да кстати прихватить овса для Росинанта. Священник и цирюльник вошли в гостиницу и через несколько минут вынесли ему поесть, а сами принялись обсуждать, как им уговорить вернуться домой несчастного идадьго, в судьбе которого они принимали большое участие. Наконец священнику пришла в голову мысль вполне во вкусе Дон Кихота и весьма подходящая к их затее: он объявил цирюльнику, что надумал переодеться странствующей принцессой, цирюльник же должен был изображать из себя ее оруженосца. В таком виде они отправятся в горы к Дон Кихоту. Оскорбленная и обездоленная девица обратится к Дон Кихоту за покровительством. Девица станет умолять рыцаря следовать за ней повсюду, куда ей будет угодно его повести, чтобы отомстить за обиду, нанесенную ей злым волшебником. При этом она попросит позволения не снимать маски и не отвечать на расспросы, пока он не выполнит этой просьбы. Священник был уверен, что Дон Кихот попадется на эту удочку и они смогут

доставить его на родину. А там уже подумать, не найдется ли какого-нибудь лекарства против его необычайного помешательства.

Глава 21, в которой рассказывается о том, каким способом Дон Кихот был избавлен от наложенного им на себя сурового покаяния

Цирюльнику понравился план священника, и они тотчас же принялись за дело. У хозяйки постоялого двора выпросили они юбку и головную повязку, а в залог оставили новую сутану священника. Цирюльник смастерил себе длинную бороду из бурого бычьего хвоста. Этот хвост висел на стене гостиницы, и хозяин имел привычку втыкать в него свой гребень. Хозяйка спросила, для чего им нужны эти наряды. Священник поведал ей о безумии Дон Кихота, о его бегстве из дому и долгих странствиях в поисках приключений.

– Сейчас несчастный идалъго, – так закончил он свой рассказ, – скитается в горном ущелье неподалеку от вашей гостиницы. Мы решили обманом выманить его оттуда и отвезти домой, а для этого одному из нас нужно переодеться женщиной.

Хозяин и хозяйка сразу же догадались, что это – тот самый сумасшедший, который приготавливал у них свой бальзам. Они рассказали священнику о всех происшествиях, случившихся у них в гостинице, и между прочим и о том, как оруженосца рыцаря подбрасывали на одеяле; таким образом священник и цирюльник узнали то, что так тщательно скрывал Санчо. Вполне сочувствуя их плану, хозяйка великолепно нарядила священника: надела на него суконную юбку с нашитыми на ней полосами из черного бархата шириною с ладонь и корсаж из зеленого бархата с белыми шелковыми шнурками. Вместо женской головной повязки священник натянул свой ночной колпак и повязал себе лоб полоской черной тафты, а из другой полоски сделал нечто вроде маски, которая отлично прикрывала его лицо и бороду. Затем он нахлобучил шляпу таких размеров, что она могла служить ему зонтом, и, закутавшись в плащ, по-дамски уселся на мула; на другого мула сел цирюльник с бурой, доходившей до пояса бородой из бычьего хвоста. Они попрощались со всеми, в том числе и с доброй Мариторнес, обещавшей им прочитать по молитве на каждое зернышко четок за успех их затей. Быть может, господь услышит ее, грешницу, и пошлет удачу в их трудном и воистину христианском деле. Но не успели они отъехать от постоялого двора, как священнику пришло в голову, что он поступает дурно, разъезжая в таком наряде, ибо духовной особе не подобает наряжаться женщиной, даже и с самыми благими намерениями. Он сказал об этом цирюльнику и попросил его перемениться с ним ролями, ибо гораздо приличнее, чтобы обездоленной девицей был цирюльник, а оруженосцем – священник: так, по крайней мере, он меньше унизит свой сан. Пока они толковали об этом, Санчо Панса подъехал к ним; увидя, как они разряжены, добряк оглушительно расхохотался. Этот смех больно задел священника, и он стал еще настойчивее убеждать цирюльника поменяться ролями. В конце концов тот согласился, но заявил, что переоденется не раньше, чем они прибудут в ущелье, где скрывается Дон Кихот. Тогда священник принялся пространно поучать цирюльника, как ему следует вести себя и что говорить, чтобы побудить Дон Кихота последовать за ними.

В конце концов Санчо наскучили все эти разговоры, и он предложил отправиться вперед и отыскать Дон Кихота. Хитрый оруженосец рассчитывал надуть своего господина, сказав ему, что письмо благополучно доставлено Дульсинеи и что она через Санчо передает своему рыцарю повеление под страхом ее немилости сию же минуту явиться к ней.

– Может быть, этого будет довольно, – прибавил Санчо, – чтобы убедить Дон Кихота покинуть его убежище. Тогда вам, ваша милость, не придется утруждать себя.

Эта мысль очень понравилась нашим друзьям; они без всяких колебаний согласились на предложение Санчо. Они условились с Санчо, что выедут несколько позже и остановятся в том ущелье, где он разбросал дрок. Тем временем Санчо должен будет отыскать Дон Кихота и, поговорив с ним, выехать навстречу священнику и мастеру Николасу. Санчо подробно объяснил своим спутникам, по какой дороге им следует направиться, и усакал, а наши друзья вернулись на постоялый двор, чтобы на досуге еще раз подробно обсудить план действий.

Между тем история с переодеванием священника привлекла всеобщее внимание постояльцев гостиницы. Среди этих постояльцев случайно оказалась прекрасная молодая дама, остановившаяся здесь проездом. Хозяйка рассказала ей, что знала о планах священника, и сеньора, крайне заинтересованная этим приключением, пожелала узнать о нем подробнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.